ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

8 • 1980

НАУКА И РЕЛИГИЯ 8·80

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

СОДЕРЖАНИЕ

НАША ОБЛОЖКА

История Советского Востока — поистине замечательна. В этих отсталых прежде окраинах России после победы Великой Октябрьской социалистической революции произошли стремительные, небывалые перемены. Районы эти были «внутренней» колонией царизма, и народы, населявшие их, находились на уровне, обычном для угнетаемых капитализмом колоний: нищета, болезни, темнота, бесправие были их уделом. Еще в начале XX века жизнь их ничем не отличалась от далекого средневековья. Забитые, обреченные на изоляцию от внешнего мира, трудящиеся здесь не ведали даже и о тех духовных богатствах, которые были созданы их великими предками — восточными мыслителями. По словам В. И. Ленина, восточные окраины России были буквально ограблены в смысле образования, света, знания. Лишь после победы Советской власти эти народы, получившие свою государственность и объединенные в Союз Советских Социалистических Республик, ушли от своего феодального прошлого, превратились в социалистические нации, построили в братской семье равноправных народов общество развитого социализма.

В республиках Средней Азии, Казахстане, Азербайджане, в автономных республиках Северного Кавказа произошел невиданный рост экономики, образования, культуры, который сделал их сегодняшнюю жизнь не сравнимой с дореволюционным прошлым. Народы Советского Востока созидали новую жизнь по Ильичу — и неузнаваемо изменился облик бывших колониальных окраин, преобразился духовный мир людей, их сознание. Тесным сотрудничеством, братской помощью связан Советский Восток со всей страной. Тысячи деловых и культурных связей соединяют его и со множеством стран мира.

Жизнь восточных республик СССР подтвердила правильность ленинской национальной политики, показала миру, что подлинное освобождение народов от экономического, социального и культурного гнета возможно лишь на путях научного социализма.

На второй странице обложки — фотографии, запечатлевшие современность Казахстана, Азербайджана, республик Средней Азии. В верхнем ряду слева направо: киргизские девушки в национальных костюмах; алюминиевый завод в Таджикистане; лауреат премии Ленинского комсомола Туркменистана механизатор Огулдони Кулиева; Шемахинская астрофизическая обсерватория (Азербайджан). В среднем ряду: Ташкент, музей В. И. Ленина; работницы Ходжентского атласного комбината. Внизу слева направо: заведующая детским отделением Кустанайской областной больницы Злиха Кульбекова со своими пациентами; у входа во Дворец культуры г. Навои; Нурекская ГЭС в период стройки. Фото В. Опалина и Фотохроники ТАСС.

Старинное гуцульское село Космач — заповедник народных промыслов. Здешние мастера и мастерицы хранят секреты художественных промыслов, родившихся в давние времена. Их искусство никого не оставит равнодушным. Радуют взор многоцветные орнаменты, вышивки, аппликации на костюмах, расшитые, домашней выделки чулки и платки и украшенные резьбой, богато отделанные дома гуцулов, и писанки, сверкающие солнечными красками... См. в номере очерк В. Войны «Многоцветье Космача».

На третьей странице обложки — некоторые из народных умельцев этого села и образцы их мастерства.

УКАЗАННЫЙ

Неисчерпаемо ленинское идейное наследие. В работах, статьях, выступлениях Ленина, посвященных насущным в свое время проблемам, содержатся теоретические и методологические положения, которые указывают точные ориентиры и для решения проблем современных. Глубокое проникновение в суть явления, умение видеть все его стороны в их многообразных связях с другими явлениями и событиями позволяли Ленину научно предопределять тенденции развития, безошибочно находить единственно верный путь к успеху.

Одним из ярких проявлений этого научного предвидения, основанного на глубоком знании проблемы, было решение Лениным национального вопроса в ходе подготовки и осуществления социалистической революции, на первых этапах строительства социализма в нашей стране.

Бывшую Российскую империю населяли многочисленные большие и малые народы, которые прошли разный исторический путь, находились на различных ступенях общественного развития, существенно отличались друг от друга и по духовной культуре, обычаям, психологии, верованиям. Большинство народов, населяющих Кавказ и Среднюю Азию, не прошли стадию капиталистического развития. Царизм управлял своими «внутренними колониями» по общему для мирового империализма принципу «разделяй и властвуй»,— поэтому в национальных окраинах культивировалась межнациональная вражда, поддерживалась религиозная нетерпимость. Господствующей религией в России было православие, и люди любого другого вероисповедания, в том числе мусульмане, находились в униженном положении, считались «иноверцами», людьми «второго сорта». Религиозный признак, как и национальный, был сильным разделяющим фактором в жизни народов.

Задача большевиков в революции состояла, в частности, также и в том, чтобы показать всем народам России, угнетенным самодержавием, общность их классовых интересов с русским пролетариатом, необходимость единения в борьбе против общих эксплуататоров. Без участия всех народов России в строительстве социализма Советская власть не могла утвердиться прочно. «Решение национального вопроса архиважно...» — писал Ленин. Большевики в дореволюционной России, где 57 процентов населения составляли так называемые «инородцы», были единственной политической организацией, которая имела конкретную научно разработанную программу по национальному вопросу. В основе ее лежала идея равноправия всех народов при социализме — больших и малых. «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России»[1], — писал Ленин.

Сразу же после завоевания власти партия коммунистов приступила к выполнению своей национальной программы. Совершенно закономерно в числе первых самых главных, определяющих конституционных документов Советской власти, разработанных под руководством Ленина и подписанных им, были «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Историческое значение этих документов огромно. В них законодательно устанавливалось полное равноправие всех народов России, отменялось позорное деление наций на «высшие» и «низшие», ликвидировалась дискриминация по религиозному признаку, когда существовали религии «господствующие», «терпимые» и «гонимые». «Отныне ваши верования и обычаи,— говорилось в Обращении,— ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно...»

Ленин предвидел создание многонационального государства нового типа, не имеющего ничего общего с колониальными империями,— государства, где народы будут объединены «не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а добровольным согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров» (т. 30, стр. 73—74). Он не раз подчеркивал, что установление справедливых отношений между народами невозможно в условиях буржуазного строя, что национальный мир немыслим при буржуазии (см., например, т. 43, стр. 198). Единственный путь, который может привести к осуществлению подлинного равноправия наций,— строительство социализма, полное преодоление буржуазных общественных отношений и буржуазного сознания, националистического по своему существу. Необходимо было уничтожить фактическое неравенство между народами России в экономическом, социальном, культурном развитии, уравнять более развитые и отсталые нации, подняв и те и другие на уровень социалистических общественных отношений. Необходимо было превращение всех наций и народностей огромной страны в социалистические.

Мы знаем сегодня, что эти грандиозные задачи были решены в короткие исторические сроки. Ушли в прошлое темнота и отсталость народов, изменилась их социальная структура — вырос рабочий класс, сложилось колхозное крестьянство, возникла национальная интеллигенция, произошел невиданный прогресс в производстве, науке, просвещении; изменилось общественное сознание, сформировалась новая культура, социалистическая по содержанию и национальная по форме; в массе народа утвердились социалистические нравственные ценности. История подтвердила правильность ленинского решения национального вопроса, вопроса о равноправии народов. Его решение стало возможным благодаря тому, что в основу нового союза народов, в его фундамент легли идеи Ле-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 320. Далее ссылки даются в тексте.

нина. Он указал путь, каким наша страна должна была идти к своему сегодняшнему дню, когда она представляет собой единую семью, объединившую более ста наций и народностей в новую социальную общность, имя которой — советский народ. Ленин показал, как можно прийти к социализму, минуя в развитии мучительную для народов капиталистическую стадию. Это стало возможным в условиях равноправного, братского содружества наций, получивших свою государственность и объединившихся в Союз Советских Социалистических Республик.

Только на этой основе, «на основе большой и всесторонней помощи угнетенным в прошлом нациям и народностям», говорил в докладе о 50-летии СССР товарищ Л. И. Брежнев, стало возможно ускоренное развитие национальных окраин. Русский рабочий класс, русский народ порой ценой огромных усилий и даже жертв выполнял свой интернациональный долг по отношению к малым народам. Так закладывались основы многонационального социалистического государства, укреплялось доверие

ЛЕНИНЫМ ПУТЬ

Выдвинув положение о необходимости строить социализм одновременно во всей стране, независимо от уровня общественного и экономического развития районов, Ленин в то же время многократно и по разным поводам напоминал, что процесс этот не может и не должен проходить везде одинаково, что здесь необходим конкретный подход, с учетом всех местных условий и особенностей каждого народа, его исторического пути и обычаев: «И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму...» (т. 36, стр. 152).

Эти требования Ленина прежде всего относились к тем национальным окраинам России, где жили народы, традиционно исповедовавшие ислам,— к Средней Азии, Казахстану, Северному Кавказу. По его словам, эти народы были буквально ограблены в смысле образования, света, знания. Долгое время находясь на положении угнетенных наций, они, естественно, относились с недоверием и предубеждением к нации, которая ранее была угнетавшей, ко всему «немусульманскому», идущему «от русских». В этом состояло одно из существенных местных отличий, учитывать которые призывал Ленин. Именно поэтому вскоре после победы Советской власти Ленин предупреждает коммунистов, работавших в районах распространения ислама: «...Действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам... Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость...» (т. 51, стр. 175).

Следуя этим ленинским указаниям, коммунисты в национальных окраинах действовали таким образом, чтобы вызвать полное доверие мусульман к Советской власти, вовлечь всех верующих трудящихся в строительство социализма, чтобы они на деле осознали свое полное равноправие во всех областях жизни, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания.

Первым и необходимейшим условием начала строительства социализма Ленин считал всестороннюю помощь более развитых наций народам, находящимся на более низкой ступени общественного развития: «Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь»... т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму» (т. 30, стр. 120).

к Советской власти, рождалась великая дружба народов, которая стала одной из главных движущих сил нашего общества.

Не было такой республики, которая в первые годы строительства социализма не получала бы помощи от РСФСР. В 1923 году, например, закавказские республики получили от Российской Федерации около 5 миллионов рублей золотом, 5 500 пудов хлеба, оборудование для новых заводов и фабрик. Советская Россия обеспечивала азербайджанских нефтяников механизмами, буровыми инструментами, железом, лесом и т. д. В Среднюю Азию Россия посылала машины, станки, туда ехали квалифицированные рабочие, агрономы, врачи, инженеры.

Мощную силу рабочей солидарности народы нашей страны ощутили в первые же годы проведения в жизнь ленинской национальной политики. Участники Первого съезда представителей народа Туркмении писали Ленину в 1920 году: «Весь туркменский народ, являющийся трудовым народом, приветствует в Вашем лице всю великую Российскую революцию и всех рабочих и крестьян». От имени народов Кавказа известный революционный деятель Н. Нариманов говорил: «...Без Советской России нет Советского Азербайджана, Советской Армении, Советской Грузии».

Осуществление ленинского плана строительства социализма на территории многонациональной страны вызывало глубокие преобразования всех сторон жизни народов. Оно вело не только к развитию производительных сил, но и изменяло общественные отношения, коренным образом перестраивало духовный мир людей, их психологию. Время — совсем недолгое с точки зрения истории — показало, сколь велики были сила и мудрость ленинской национальной политики. Народы, осознавшие себя свободными и равноправными, превращались в социалистические нации с высокоразвитой экономикой, богатой культурой — даже те, которые до революции находились на грани полного исчезновения.

В начале нашего столетия посетивший Туркме-

нию иностранец писал: «Если не произойдет чудо, туркмены как нация обречены на гибель». Произошло не чудо, а социалистическая революция — она включила туркмен в семью народов, строящих социализм,— и это возродило древний народ к новой жизни.

Современный Советский Туркменистан — республика высокоразвитой экономики и социалистической культуры. Народ, которому предрекали гибель, имеет сегодня свою Академию наук, десятки научно-исследовательских институтов, у него, не имевшего своей письменности, есть сегодня свои талантливые писатели, артисты, художники, ученые.

Столь же замечателен путь казахского народа, который в этом году отмечает 60-летие своей государственности: 26 августа 1920 года В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали Декрет о создании социалистического государства казахов — в то время, когда этот народ находился в стадии феодализма, в состоянии крайней нищеты. Тогда начался путь, который привел казахов к высотам социального, экономического и культурного развития. Бывшая страна кочевников сегодня экспортирует продукцию в 70 стран. Внуки и правнуки великого казахского просветителя Абая, которому не суждено было при жизни увидеть ни одну свою книгу изданной, читают сегодня на родном языке не только творения земляков, но и произведения мировой литературы.

В жизни любого народа нашей страны не осталось и следа былой нищеты и бескультурья. Множество фактов из их сегодняшнего дня символизирует коренные перемены, происшедшие за годы Советской власти. Вот один из них: шесть татар получили образование в Казанском университете за 100 лет его дореволюционного существования — теперь ежегодно университет дает стране свыше 500 специалистов — представителей коренной национальности Татарской АССР.

Великая сила и мудрость ленинской национальной политики подтверждена временем. Все, что мы видим сегодня в жизни в прошлом отсталых народов России, явилось результатом огромной работы по преобразованию их экономики, социальных отношений и культуры. Частью этой большой работы было и решение религиозного вопроса. Оно имело для национальных, особенно восточных, окраин страны особое значение, так как многие установления ислама настолько глубоко проникли в сознание и быт верующих, что вначале любое критическое слово в адрес их религии или духовенства воспринималось как покушение на их сокровенную жизнь, ущемление их прав. Отсюда и предостережение Ленина особенно вдумчиво, осмотрительно и осторожно подходить к решению в этих районах как самого религиозного вопроса, так и всех других, прямо или косвенно с ним связанных. Для этих целей в январе 1918 года был создан Комиссариат по делам мусульман.

Основы политики партии и отношения Советского государства к религии и церкви были, как известно, сформулированы в Декрете Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В нем в интересах народных масс, как верующих, так и неверующих, решалась проблема свободы совести. Отметим только три положения, которые имели важное значение для национальных меньшинств: утверждение равенства прав граждан вне зависимости от их религиозной принадлежности или непринадлежности, равенства всех религий перед законом и утверждение принципа добровольности в определении гражданами своего отношения к религии. Эти в высшей степени гуманные меры были с большим удовлетворением восприняты трудящимися всех национальностей нашей страны, но особенно народами национальных окраин, в отношении которых политика царизма выражалась в ущемлении прав и оскорблении не только национальных, но и религиозных чувств.

Что касается особенностей при решении религиозного вопроса среди народов, исповедовавших ислам, то можно сослаться на два примера, наиболее рельефно показывающих, как они учитывались. В республиках Средней Азии и Казахстане до конца 20-х — начала 30-х годов наряду со светскими народными судами и светскими общеобразовательными школами существовали шариатские суды и религиозные школы — мектебы. Закрытие религиозных школ и отмена шариатских судов на первых порах вызывали недовольство со стороны населения, и поэтому трудящимся была предоставлена возможность на практике убедиться в преимуществе новых школ и новых судов. Постепенно как те, так и другие перестали существовать: мектебы прекратили существование потому, что люди сами оценили преимущества светских школ и перестали отдавать в мектебы своих детей; шариатские суды изжили себя, так как трудящиеся убедились в том, что шариатское право не отражает их интересов. Новые законы были явно справедливее, демократичнее и гуманнее шариатских установлений.

Ныне все права и свободы советских людей, в том числе и право на свободу совести, гарантируются основным законом нашего государства — Конституцией СССР. Она обеспечивает равноправие граждан во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Отношение к религии — один из тех факторов, которые не влияют на равноправие граждан ни в одной сфере жизни общества. Что же касается свободы совести, то Конституция СССР гарантирует право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду и запрещает возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями.

Построение в нашей стране развитого социалистического общества — общества могучих производительных сил и зрелых социалистических общественных отношений, развитой социалистической демократии и передовой науки и культуры, высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся, общества патриотов и интернационалистов, где господствует научное, материалистическое мировоззрение, подтверждает ленинское положение о том, что осуществление чаяний трудящихся возможно лишь на путях научного социализма. Последовательно осуществленный на практике, он освобождает человека от социального, национального и духовного гнета, обеспечивает победу истинно человеческих, гуманных ценностей и идеалов.

Многоцветье Космача

Владимир ВОЙНА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ГУЦУЛЬЩИНА — так называется часть Украины, расположенная на стыке Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей. Этот край издавна отличался своеобразием языка, культуры, быта, искусства народных умельцев. За годы социалистического строительства жизнь гуцулов претерпела коренные изменения — исчезла былая замкнутость, уходит в прошлое некогда высокая религиозность. Многие традиционные промыслы, ранее освященные церковью, сейчас все более утрачивают религиозные черты, обретают характер народной традиции.

В этом отношении примечательна, например, судьба художественной росписи яиц — «писанкарства». Оно возникло для обслуживания религиозных потребностей — яйца расписывали к пасхе. Однако за прошедшие годы многое изменилось. «Писанка» в значительной мере утратила свой религиозный характер, раздвинула узкоцерковные рамки, превратилась в произведение высокого народного искусства.

На карте народных художественных промыслов Украины Гуцульщина занимает особое место — здесь процветают ковроткачество, обработка кожи, металла, художественная резьба по дереву... Села, знаменитые своими школами мастеров (а каждое село отличается от соседних характером своего искусства, хотя порой их отделяет лишь километр или два), нередко занимаются не одним, а двумя, тремя, четырьмя промыслами. Гуцульщина — как Млечный путь на карте звездного неба, где на всем остальном пространстве видны лишь отдельные светила. И даже в этом краю народных мастеров, где редкий житель не владеет в совершенстве хотя бы одним традиционным ремеслом, выделяется село Космач.

Созданную в этом селе вышивку не спутаешь с пистыньской, верховинской, косовской: ее отличает особый «летучий» орнамент лимонных и оранжевых оттенков, хотя современные мастерицы смело вводят и новые сочетания цветов. Искусство этих вышивальщиц неповторимо. Гуцулки в праздничные дни наряжаются в расшитые сорочки такой красы, что дух захватывает. Чтобы выполнить эти многоцветные узоры, требуются многие часы кропотливого труда. И тем не менее многие девушки, готовясь к свадьбе, делают эти вышивки. Такую сорочку, где под вышивкой не видно белизны полотна, не купишь в художественных салонах Киева или Львова. Покупатель на столь дорогую вещь едва ли найдется, какой бы соблазнительной она ни была, да и как определить ее рыночную стоимость? Ведь ее вышивают для себя. Сорочки, в которых венчались бабушки, праба-

бушки, во многих домах заботливо хранятся по сей день в деревянных сундуках-скрынях как семейные реликвии. По ним учатся ремеслу и сегодня.

Я познакомился с известной вышивальщицей Ганной Петровной Палийчук, побывал у нее дома, видел в «зале» — гостевой комнате хаты — вышитые ее руками рушники и скатерти, покрывала и наволочки. На ее работах, когда они попадают в художественные салоны, в прилагаемом фирменном ярлыке обозначено авторство: «Ганна Палийчук, село Космач». Важная деталь: ее изделия, как и произведения других больших мастеров, обычно появляются небольшим тиражом — от силы 10 однотипных работ. Каждое изделие почти уникально.

В Космаче по-прежнему изготовляют и расшивают традиционный гуцульский костюм. Он, к счастью, не выходит из моды: местные жители не знают лучшего наряда для праздничных дней. В праздник село преображается, даже многие дети одеты в истинно горский костюм, на мужчинах ярко расшитые сердаки (кафтаны), женщины обуты в цельнокроеные кожаные постолы с богатым тиснением, изготовленные без дратвы и потому «вечные». Встреча с этими красочными нарядами, с народным искусством и бытом давно прошедшей поры никого не оставляет равнодушным. В Западной Европе, скажем, тоже есть уголки, где можно окунуться в этнографическое прошлое, но чаще это только маскарад для туристов. В гуцульских селах нет ничего «напоказ». Старинные наряды носят здесь по неистребимой душевной потребности...

В обычные дни гуцулы одеваются примерно так же, как и в соседних областях. Но и в будни у женщин на ногах здесь можно увидеть ярко расшитые чулки домашней выделки, на головах — цветастые платки, у мужчин — традиционные шляпы. Очень удобны и красивы кептари — дубленые безрукавки с затейливой вышивкой и аппликациями на груди, а то и на спине — их носят мужчины и женщины.

...Автобус останавливается в центре Космача. Не сразу поймешь, какое это большое село. Шесть тысяч его жителей живут не только на центральном «пятачке», окруженном кольцом гор (склоны покрыты лесом и садами), но и «по той бік» — по другую сторону высоких холмов. Их всего 32 — автономных «приселков», образованных, согласно легенде, 32 первыми жителями Космача, каждый из которых положил начало своему роду, родовому гнезду.

Облик села настолько ярок и разнообразен, что постепенно приходишь к мысли: перед тобой — законченный музей старой и современной народной архитектуры и быта под открытым небом. И все здесь подлинное, а не привезенное, не собранное из разных мест. И повторяю еще раз: этот «этнографический рай» существует не для туристов, а «для себя».

Гуцульский дом со временем изменился. В этом краю теперь трудно увидеть закрытую высоким глухим частоколом усадьбу с островерхими домами внутри, сложенными из толстых бревен, что знакома нам по этнографическим фильмам. В Космаче дома стоят открытыми для обозрения, они ухожены, ярко и нарядно покрашены. Едва ли найдешь здесь два абсолютно похожих дома: каждый хозяин, принимая участие в негласном соревновании с соседями — по богатству резьбы, цвета, оригинальности отделки — ни за что не встанет на путь прямого подражания.

Неповторимы здешние колодцы. И колесо, и закрывающая колодец надстройка, и украшающая ее резьба, и цвета, в которые она выкрашена, — все разное. На старых колодцах есть подпись автора, дата постройки: мастера знали цену своему искусству. Характерно, что архитектура колодца всегда точно и тонко согласована с общим стилем дома, усадьбы. В некоторых усадьбах подача воды механизирована, есть насос, но все равно, даже те из домов, которые воздвигнуты совсем недавно, имеют на своем участке маленький памятник народной архитектуры — затейливо украшенный колодец.

Постройки хороши с любой стороны, не только с фасада. Вот тыльная сторона дома, ничем не украшенная, сверкает только ярчайшим цветом побелки. Но к ней прислонена будто невзначай тесаная старая деревянная лестница, черная от времени, и контраст, графичность этого нечаянного рисунка создает удивительный художественный эффект.

Космач, как и любое другое колхозное село на Гуцульщине, живет повседневными заботами об урожае, о механизации, повышении эффективности труда. Но здесь, как и в других хозяйствах этого края, существует особая отрасль, занимающая, кстати, весьма солидный удельный вес в экономике. Колхозы на Гуцульщине сдают государству не только сельскохозяйственную продукцию, но и изделия народных мастеров. Взять, скажем, поставки шерсти, обязательные для любого животноводческого хозяйства. Тут ее сдают не только в виде сырья, как всюду, но и в виде готовых изделий, например лижников, невиданных по красоте мягких, ворсистых, разноцветных ковров-покрывал, пользующихся большим спросом. Лижныкарке трудодни засчитываются изделиями, которые затем продаются и за рубеж. Местные кустарные промыслы стали одним из рычагов подъема экономики края, роста благосостояния колхозников; при этом следует учесть, что пригодной для использования земли в горах маловато, пастбища для скота — тоже в дефиците, так что без золотых рук народных художников обойтись было бы трудно.

Основная часть мастеров работает в колхозе, но есть и такие, кто трудится (в качестве «надомника») на комбинате художественных изделий и сувениров «Гуцульщина», а самые талантливые, изготавливающие малыми тиражами «авторские» произведения искусства, зачислены в штат местного отделения Художественного фонда УССР, их работы попадают потом в специализированные магазины-салоны, на выставки и в музеи. В одном только Косовском районе Ивано-Франковской области живут и работают 50 членов Союза художников УССР.

Конечно, высокое совершенство характерно отнюдь не для всякого мастера, так что на рынок попадает и немало поделок вполне заурядных, порой даже топорных, безвкусных (особенно если сравнить их с настоящим народным искусством гуцулов). Но ведь и в любой другой сфере художественного творчества есть свои полюса: с одной стороны, «ширпотреб», с другой — шедевры... Не всяк рождается гением. Но важно то, что жива традиция, что расцветает здесь сегодня народное искусство, которое поддерживается государством. Действует, в частности, Косовский техникум, готовящий кадры специалистов в этой области, а в каждой семье навыки и творческий вкус передаются по наследству.

Есть в Космаче еще один уникальный промысел — писанкарство. Обычай расписывать обыкновенное куриное яйцо и дарить друг другу «крашенки» возник задолго до христианства, которое лишь приняло его «на вооружение», сделало элементом пасхальных празднеств. Но удивительно вот что: традиционный гуцульский узор на писанке — это чудом сохранившийся, практически не изменившийся отзвук жизни, быта, искусства древних славян той поры, когда они еще были язычниками! Правда, фигурки животных, как утверждают ученые, появились на некоторых писанках сравнительно недавно; некоторые художники вводят в орнамент приметы сегодняшнего дня, однако основа не изменилась. Держа в руках хрупкую многоцветную писанку с

тончайшим геометрическим узором (похожим на миниатюрный восточный ковер), невольно ощущаешь себя в вечности. Искусствоведы не случайно сравнивают эти изделия гуцульских мастеров со знаменитыми миниатюрами Ирана и других стран Востока — это явления одного порядка. Богатые коллекции писанок я увидел в музеях Украины и всякий раз убеждался: лучше тех, что изготовляют в Космаче, не бывает. Они «самые-самые»...

Космацкие (так произносят гуцулы) писанкарки живут на выселках, в горах. Немало часов потратил я, карабкаясь по крутым склонам, чтобы посетить хаты мастериц. Зато был сполна вознагражден тем, что увидел все стадии «технологического процесса», все элементы этого ремесла. Одна мастерица только начала подготавливать партию будущих писанок: беленькие яйца были покрыты, как паутинкой, решеточкой нанесенного воска. В другом доме мастерица соскабливала частично восковую решетку с выкрашенных в один цвет яиц, чтобы нанести потом воском сверху новый узор — и снова погрузить в кипящий краситель, но уже другого цвета, отдельные участки решетки она сохранила, чтобы не допустить смешения тонов. Пропущенное через несколько красок (красители натуральные, не фабричного изготовления, писанкарка делает их сама), яйцо становится таким многоцветным, что трудно даже подсчитать сразу, сколько здесь цветов и оттенков.

Работа ювелирной сложности, требующая долгих лет овладения мастерством, невероятно кропотлива: какая должна быть сосредоточенность, чтобы все время помнить и общий замысел, и то, что получается при очередном наложении цвета! Писанкарки не повторяют свои изделия, не пользуются шаблонами, трафаретами, поэтому даже в одной партии не найдешь двух совершенно одинаковых писанок, ибо копировать им «неинтересно». И у каждой мастерицы при этом свой почерк...

Делают писанки только весной. Тогда же и продают их на местных рынках. Нет семьи, которая бы не купила в эту пору дюжину-полторы писанок. Год-два, а то и несколько они лежат в хате на видном месте, радуя своей красотой. Гуцулы охотно дарят их приезжим, ведь писанки для того и существуют. Век их недолог: они, увы, легко бьются, выгорают на солнечном свету. В музейных витринах, впрочем, лежат они и по 40 лет, приобретая (вместо утраченной яркости) благородную «патину времени». И как не порадоваться, что эти коллекции можно обновлять — традиционный промысел не угасает.

В экономическом отношении этот промысел явно «не выгоден». Но есть некая потребность сердца, которая заставляет художниц каждую весну сидеть долгими часами за столом, чтобы потом отнести писанки на рынок и продать их там по 60, 80 копеек за штуку, не больше. Конечно, попадаются мастерицы, которые в погоне за выручкой упрощают себе задачу, работают без старания и вдохновения, производя халтуру по принципу — лишь бы побольше. К счастью, таких немного и они встречают осуждение со стороны общественности. Лучшие работы настоящих мастеров попадают потом в художественный салон в Киеве, их охотно раскупают зарубежные и наши туристы. Кое-кто из них приобретает деревянные писанки с симпатичной инкрустацией, не подозревая, что это — не настоящее, это — подделка. В странах Африки, Азии, Латинской Америки подобное прикладное искусство, рассчитанное на туристов, называют «аэропортным», по месту, где его всегда в изобилии продают, это — штампованные сувениры «под народное искусство» в отличие от подлинно народного искусства, которое создается штучно и «для себя».

Писанковая орнаментация имеет множество мотивов, композиционных решений, она отмечена строгим и четким ритмом, которому подчинен весь декоративный лад росписи. Писанкарка лаконично, с помощью лишь строго ограниченного числа художественных приемов рассказывает о многом — о красоте окружающего ее белого света, о чуде пробуждения природы, о земной тверди и необъятном небе с мириадами звезд — так толкуют искусствоведы используемую в писанкарстве символику.

Украинским писанкам посвящены художественные альбомы, научные исследования. Их начали собирать для коллекций уже с конца XIX века. В 20-х и 30-х годах художница Е. Л. Кульчицкая использовала их рисунок при создании художественных ковров — нилимов. С тех пор профессиональные художники стали часто обращаться к писанкам в поисках вдохновения при создании произведений декоративно-прикладного искусства.

Писанки как выражение души и миропонимания народа таят в себе еще немало скрытых возможностей, неразгаданных загадок — для этнографов, историков искусства, для современных художников. Было время, когда не очень сведущие люди объявили писанкам войну, исходя из их изначального религиозного назначения. Но здравый смысл восторжествовал, и местные работники сумели мудро отделить зерна от плевел, по-настоящему оценить художественный, исторический, этический смысл этих скромных шедевров народного вкуса.

В Космаче есть турбаза. Многие тысячи любознательных людей имеют возможность познакомиться с обычаями и обрядами гуцулов, песнями, музыкой, особенностями речи... В таком селе можно понять душу народа, коль есть у вас пытливость, воображение и сердце открыто для «неформального» знакомства с этими добрыми гостеприимными людьми, всегда готовыми показать приезжему человеку, чем богат их край.

Однако большинство отдыхающих на той же турбазе лишены возможности увидеть во всем великолепии «полный» гуцульский костюм — праздников в году не так уж много, — познакомиться со всеми видами народных ремесел, изделиями здешних мастеров (те же писанкарки, как уже говорилось, работают только в определенный сезон), интерьером старинного дома... Конечно же, в Космаче должен быть свой музей — не хуже этнографического в Косово *, организованного в старой деревянной церкви, или хотя бы такого скромного, как в селе Яворов, где местная общественность собрала в нескольких комнатах изделия народных мастеров. И в Космаче многие семьи охотно отдадут в такой музей свои фамильные ценности, многие поработают в свободные часы, чтобы построить для него подходящее помещение или же реставрировать какое-то заброшенное, благо плотники и резчики здесь высочайшего класса. Государственных средств для этого не пришлось бы тратить.

Мне думается, что пора распространить на Космач (а также на ряд других замечательных сел Гуцульщины, таких, как Яворов, Ричка, Криворивня) режим заповедных сел. Кто-то должен следить за тем, чтобы и впредь ничто не портило их уникальный облик, чтобы новые сооружения соответствовали общему стилю, а старинные постройки заботливо сохранялись. Берем же мы под охрану такого рода, объявляем заповедными районы или даже целые города, представляющие особую ценность. Такой же режим нужен Космачу. Селу, где природа и люди создали гармоничное целое, внушающее гордость за славные дела наших предков и за сегодняшнюю сельскую новь, за талант народа-художника...

Культурное богатство не знает деления на «большое» и «малое». Не будь Космача — и мы были бы беднее.

* См. об этом ст. «Новые узоры по старой канве», «Наука и религия», 1973, № 4.

Дети и внуки старообрядцев

● История Вилкова уходит своими корнями к знаменитому Булавинскому восстанию. После гибели Булавина во главе восставших стал один из ближайших его сподвижников — Игнат Некрасов. Не выдержав неравной борьбы с царскими войсками, он вынужден был с большим отрядом казаков бежать на Кубань, на территорию тогдашней Османской империи. Здесь он основал казацкую «республику». Российское самодержавие не раз предпринимало карательные походы против мятежных казаков.

В 1737 году Некрасов был убит, и три года спустя началось массовое переселение казаков-некрасовцев подальше от преследований царских войск. В ту пору и появились в дельте Дуная поселения, в подавляющем большинстве своем старообрядческие.

Минула почти четверть тысячелетия. Менялись люди, менялись власти — турки, румынские бояре, царские чиновники. Все менялось, лишь в поселениях старообрядцев, или, как их здесь называют, липован, жизнь словно замерла, строго охраняемая законами и канонами «древлего благочестия». Из поколения в поколение, от отцов к детям и внукам переходили, казалось, незыблемые взгляды, установления, принципы и традиции, основанные на неукоснительном соблюдении всех предписаний веры.

Советская власть пробудила старообрядческие поселения, в том числе и Вилково, к новой жизни *. А как изменились быт и взгляды потомственных старообрядцев сегодня? Чем характерно современное поколение вилковчан? Об этом заметки нашего корреспондента.

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ВЕСНА везде прекрасна. Но здесь, на бесчисленных островах, разделенных протоками и соединенных мостами и мостиками, она прекрасна вдвойне. В нежной зелени недавно распустившихся деревьев, в непередаваемой бело-розовой самозаике цветущих садов прячутся аккуратные, под стать самому городку, домики. Низко над протоками — по-местному, ериками — склоняются ветки деревьев. По улицам можно идти пешком, можно плыть на лодке. И как неторопливого пешехода обгоняют мотоциклы и автомашины, так и на ерике гребную лодку время от времени осторожно обходят моторки. И где бы вы ни находились — на берегу Дуная, на протоке, на улице, в центре города — везде царит своеобразное сочетание солнечного тепла, речной прохлады и свежести молодой зелени.

Шагая по сегодняшнему Вилкову, трудно представить, каким оно было двести или сто лет назад. Теперь только по литературе можно узнать о быте и нравах прежних некрасовцев и казаков Задунайской Сечи. Но былая обособленность, даже изолированность старообрядцев, спасавшихся от преследований официальной церкви и царских властей, сыграла в истории их общин весьма сложную роль.

С одной стороны, эта изоляция становилась преградой для насильственной ассимиляции поселенцев, для усилий растворить их бытовой уклад в иной духовной среде — вилковские старообрядцы и их потомки сохранили почти в нетронутом виде сочность и богатство русского языка. С другой же стороны, такая самоизоляция способствовала консервации религиозного мышления и восходящего к прадедам патриархального уклада. В сознании старообрядцев религиозное, национальное и общинно-патриархальное сливалось в некий «истинно православный» образ жизни, который в свою очередь определял их мировосприятие и миропонимание.

Изменение внешнего окружения, новые социальные отношения, при которых былая отрешенность от мирского вступила в острый конфликт с условиями окружающей действительности и ее возможностями, создали принципиально новую ситуацию.

Когда-то в дельте Дуная и в прибрежной зоне Черного моря рыбный промысел был главным (немного садоводства и огородничества) видом трудовой деятельности вилковчан. Притом они не были хозяевами ни самим себе, ни своим уловам. Многое из рыбацкого инвентаря приходилось арендовать у рыбопромышленников. У каждой артели был такой хозяин. Если рыбакам не везло, хозяин поддерживал свою артель кредитом. Но когда начиналась массовая путина, цены на рыбу падали и рыбаки, хотя и приходили на берег с богатой добычей, с трудом расплачивались с долгами.

При Советской власти в Вилкове было организовано четыре рыболовецких колхоза. Рыбаки стали хозяевами и своего труда, и его плодов. Это многих заставило по-новому взглянуть на жизнь, задуматься над ее основами и смыслом.

В колхозы поступала техника, создавались новые производства — рыбозавод, ремонтные мастерские. По-разному реагировали старообрядцы на эти новшества. Некоторые старики — даже неодобрительно: ни к чему, мол, нам эти штуки, и отцы наши, и деды без них жили и в праведной вере обретались. Молодежь же относилась к таким рассуждениям скептически и тянулась к технике.

Сегодня в Вилкове один крупный рыболовецкий колхоз, появилось несколько промышленных предприятий, есть две средние школы и все, что необходимо для нормальной жизни.

Верующие Вилкова состоят в трех общинах — старообрядческой, православной и баптистской. Было время, когда старообрядцы содержали две церкви и делились соответственно на два прихода, группируясь вокруг двух священников — Евсея Сухова и Моисея Сипаткина. Теперь прихожан стало меньше — и у старообрядцев, как и у православных, одна действующая церковь с одним священником.

Изменение отношения к религии шло у вилковских старообрядцев как бы по двум направлениям. Первое — вначале слабое, но с течением времени крепнущее — полный разрыв с религией. Второе, в каждом новом поколении усиливающееся и служащее как бы катализатором первого,— размывание религиозности.

Большая часть старообрядцев трудится в рыболовецком колхозе. Здесь применяется два метода лова рыбы — активный и пассивный. Пассивный, стародавний,— сетями и неводами на обычных гребных лодках — предпочитает по привычке старшее поколение. На активный лов — сейнерами в Черном и Азовском морях — идет молодежь, ведь тут требуется не только общее, но и специальное образование.

Рассказывает секретарь партийной организации колхоза Николай Васильевич Елин:

— Раньше во время больших религиозных праздников, даже в путину, промысел буквально вымирал — большинство рыбаков не хотели пропускать церковную службу. А теперь лишь несколько стариков не выходят на лов в эти дни. Мы им не препятствуем — на результатах работы это практически не отражается. Сегодня в сознании большинства верующих церковь и производство поменялись местами. Если когда-то главным для них была религия, то теперь наоборот. Заметно изменилось и само содержание религиозной жизни наших старообрядцев, ее идейная и нравственная направ-

** См. об этом в ст. Е. Маята в № 12 нашего журнала за 1963 г.*

ленность. Сейчас, если человек время от времени ходит в церковь, это еще не доказательство религиозной веры. А если он совсем не бывает в церкви,— еще не гарантия, что он атеист. Но главное, не принято у нас делить людей на верующих и неверующих. Мы считаем, что лучший пропагандист — реальная жизнь. Наша задача — высвечивать то, чего порой в будничных делах и заботах люди не замечают, а между тем эти факты, события и явления типичны для нашей жизни, они наполняют ее подлинным смыслом. О действенности такой работы говорят судьбы людей, их новое отношение к жизни, труду, своим детям. Те изменения в отношении людей к окружающей действительности, которые произошли и постоянно происходят в коллективе. Именно такими фактами из жизни нашего коллектива и всего нашего общества, в которых наиболее ярко проявляются красота и величие наших идеалов, мы стараемся насыщать все формы идеологической работы.

Анна Ивлевна Олейникова — коммунист, педагог с большим стажем и опытом, директор средней школы. Ее судьба типична для того поколения коренных вилковчан, в котором как раз и начался распад религиозных иллюзий и векового домостроя. Сильное религиозное влияние семьи, ощущаемое с раннего детства, размышления и колебания в школьном возрасте, затем — комсомол, техникум, училище или вуз, работа в родном городе, уважительное отношение к религиозным убеждениям своих земляков и в то же время твердое их неприятие.

И, пожалуй, именно в школе заметнее всего изменения в сознании и поведении не только детей, но и их родителей.

— Лет 25 назад,— вспоминает Анна Ивлевна,— почти все школьники носили крестики. Бывало, что с крестом соседствовал пионерский галстук или комсомольский значок. Ребенок так привыкал к крестику за семь дошкольных лет, что убедить снять его стоило большого труда. А если школьник решался, то тут же стеной вставала вся родня. Теперь крестики — большая редкость. Да, конечно, лучший пропагандист, как заметил секретарь партийной организации рыбоколхоза, сама жизнь. Но сколько сил, умения, доброты и душевной чуткости понадобилось нашим вилковским активистам для того, чтобы нынешнее поколение школьников не было связано по рукам и ногам религиозными иллюзиями и пережитками домостроя. Что крестики! Дети постились и причащались. Им было страшно вступать в пионерскую организацию, в комсомол. Каждое слово учителя, каждое положение учебника сверялось с мнением верующих родителей и родственников. Петь, танцевать — грех. Все это было!..

Сейчас в школе Анны Ивлевны лишь одна ученица из семьи, где в бога верят фанатично. Родители этой девочки не только запретили ей вступать в комсомол, но и вообще не хотели, чтобы она училась. Для нынешнего Вилкова — это такое же исключение из общего правила, как когда-то семья неверующая. Теперь верующие охотно ходят на родительские собрания, школьные праздники, смотры художественной самодеятельности. Пропуск ребенком занятий из-за религиозного праздника — ЧП.

Главный ориентир в жизни школьников — учеба и интересная профессия. Ребята стремятся в летные и мореходные училища, в технические вузы. Девочки хотят стать врачами, учителями, инженерами. Более того, в Вилкове появилась распространенная сейчас проблема — нехватка молодых рук на немеханизированных участках труда.

Утром в будний день в старообрядческой церкви было около десятка старушек да несколько преклонных лет мужчин. Священник служит, как и положено, чинно, торжественно. Старушки о чем-то тихо переговариваются.

После службы беседую с исполняющим обязанности попечителя Яковом Афанасьевичем Младенцевым, крепким мужчиной с внимательными глазами и короткой седой бородкой. У него два сына и две дочери, восемь внуков. Сам он — верующий не настолько, чтобы совсем бросить работу и целиком посвятить себя только служению богу. Его дети тоже верующие. Но в отличие от отца, их активность сосредоточена больше в сфере жизни светской, нежели религиозной.

Примечателен и такой штрих: раньше женщины в семьях старообрядцев занимались только домашней работой и воспитанием детей. Все остальное считалось грехом. Теперь же большинство верующих женщин работают на производстве. Не составляют исключения дочери Якова Афанасьевича. И он, как и подавляющее большинство его единоверцев, уже не может не понимать, что одно дело — конкретная жизнь и совсем другое — религиозная вера и давние ее традиции.

— Ну и что же, что работают,— говорит он.— Это хорошо, это вере не мешает. Христос сам трудился и другим завещал...

С одобрением относится Яков Афанасьевич и к учебе внуков:

— Пусть учатся. Без учебы что у них за жизнь будет.

— А вы хотите, чтобы ваши внуки были верующими?

— Конечно, хочу!

— Но если они получат хорошее образование, могут отойти от веры.

— Что ж,— вздыхает мой собеседник,— будут веровать, не будут — это уж как бог даст. Ни я, ни родители к вере их не понуждаем, вырастут — сами во всем разберутся.

Все внуки Якова Афанасьевича, если не считать, конечно, малыша детсадовского возраста,— пионеры, комсомольцы. С религией жизнь свою никак не связывают. И отношение к этому одного из наиболее авторитетных руководителей общины старообрядцев говорит, на мой взгляд, о многом. Сам Яков Афанасьевич строго соблюдает предписания вероучения и непременно участвует во всех церковных делах. И все же именно на его примере видно, как постепенно размывается, разрушается даже у таких убежденно верующих людей религиозность, подвергаемая постоянной корректировке фактами нашего бытия.

...Разговорился я с двумя женщинами лет по 50. Обе назвали себя верующими. Правда, в церковь ходят от случая к случаю — когда выдастся незанятый вечер и подходящее настроение. Чем отличается старообрядческая вера от традиционного православия, знают плохо. Иногда ходят и в православную церковь — нравится, как служит священник.

— Как же иной раз в церковь не зайти? — сказала первая из моих собеседниц.— Тут ведь и дедов наших, и прадедов крестили, венчали и отпевали...

— Да и идешь-то в церковь, чтобы с людьми встретиться, новости какие узнать, бедой поделиться,— заметила вторая.— Ну куда я пойду в свободный вечер?

— Как куда? Вот в Дом культуры, в кино...

— Отошли мои годы от клуба-то. Туда молодежь идет, а что нам, почти что старухам, там делать? А кино я и по телевизору увижу. Мне живая душа нужна, погодки мои, чтобы и боль, и заботу, и радость приняли.

Первая из моих собеседниц растит троих детей.

— А муж, дети веруют?

— Да куда там! — махнула она рукой.— За стол садятся, никто лба не перекрестит, в церковь — если только на большой праздник, да и то любопытства ради.

Вторая женщина живет вдвоем с сыном.

— А что с мужем? — полюбопытствовал я.

— А... Нагнала я его. На черта он, такой, нужен? Без него легче...

Женщина, решившаяся расстаться с непутевым мужем,

и муж, покорно пошедший на это,— такого у старообрядцев еще лет 20—30 назад просто и быть не могло. По всем канонам — и церковным и домостроевским — это было совершенно невозможно.

Из двух старообрядческих священников служит только Моисей Сипаткин. Евсей Сухов теперь не у дел. А все шестеро его детей выросли неверующими. Федор работает главным инженером на местном рыбозаводе. Фаина преподает в одной из одесских школ. Александр, Василий и Максим плавают — один машинистом рефрижератора, другой — вторым механиком сейнера, а третий — капитаном одного из судов рыбозавода. Лаврен — инженер по технике безопасности. Неверующими растут и внуки бывшего старообрядческого священника.

С Моисеем Марковичем Сипаткиным мы познакомились в церкви, а потом я побывал у него дома. Высокий, крепкий мужчина, можно бы сказать — богатырь, если бы не преклонные годы. И в голосе, и во всей манере держаться — привычка к уважению со стороны окружающих, чувство собственного достоинства.

Еще до знакомства с Моисеем Марковичем мне характеризовали его как человека умного, сметливого и находчивого, даже поведали об одном примечательном его поступке, случившемся, когда потребовалось однажды покрасить купол церкви. Работа эта сложная и далеко не безопасная. Не скоро нашел Моисей Маркович маляров. Они долго торговались и кое-как поладили. Но условиями маляры остались недовольны — рассчитывали на большее. Сипаткин же вдруг извинился перед ними, сказал, что надо отдать кое-какие распоряжения, и вышел, попросив подождать. Оставшиеся начали ссориться, ругать бригадира — мол, продешевил. Бригадир — их успокаивать: дескать, вовсе не продешевил, ведь краски-то для купола надо, мол, столько-то, а он запросил в два раза больше, да и других материалов тоже.

Вскоре Сипаткин вернулся и полез зачем-то в письменный стол.

— Еще раз прошу меня извинить,— сказал он, доставая... магнитофон,— я вас задержу всего на несколько минут.— Он нажал на кнопку, и маляры буквально остолбенели, услышав каждое слово своего недавнего спора.

— Прости, батюшка, бес попутал,— сконфузился бригадир.

— Не бес, а жадность,— ответил тот.— А потребный для купола материал ты хорошо подсчитал, избавил меня, старика, от лишних хлопот.

Может быть, это и легенда, но достаточно ярко характеризующая вилковского священнослужителя.

— Моисей Маркович,— спрашиваю я.— Что, бриться теперь не считается у верующих грехом? Я вот видел в церкви бритых мужчин, а раньше невозможно было себе даже представить старообрядцев без бороды.

— Нет, это и теперь грех,— отвечает Сипаткин.

Однако присутствующий при нашей встрече один из активистов общины (кстати, бритый) думает по-другому:

— Есть, кто бреется, а есть, кто отпускает бороду,— кто как. Если борода красивая, отчего не отпустить? А если как у меня, то и людей смешить не стоит...

Я интересуюсь, больше ли стало верующих сейчас, чем было лет 20 назад, или меньше.

— Да откуда же меньше-то? — удивился хозяин.— Как их может меньше-то стать? — Я — старообрядец, мои дочери — старообрядцы, их дети — тоже старообрядцы. Никак меньше не получается!

— А разве ваши дочери верующие?

— Так что же, что неверующие? Все равно ведь старообрядцы...

Весьма характерная точка зрения. Даже людей, давно и прочно порвавших с религией, если они выходцы из старообрядческих семей, многие из верующих по-прежнему считают старообрядцами, или липованами.

Нынешнее старообрядчество в Вилкове практически мало отличается от православия. Да и процесс размывания религиозности тут идет быстро. С каждым новым поколением вилковчан уровень ее падает значительно. Но пока еще высок процент религиозной обрядности. Почему?

В семьях коренных жителей Вилкова, как правило, в роли хранителей семейного очага, дедовских заветов и веры выступают женщины. И, конечно же, дети, пока живут с родителями, в большей или меньшей степени подвержены их влиянию, в том числе и религиозному. Да, верующие не препятствуют детям вступать в пионерскую организацию и в комсомол и хотят, чтобы они получили образование. Но тут есть и своя оборотная сторона. Учеба в техникуме или институте значительно удлиняет период экономической зависимости от родителей. Даже когда молодые женятся, они, как правило, еще не обзавелись собственным хозяйством. К тому же чаще всего не могут без помощи бабушек ухаживать за ребенком — некогда, надо учиться. Вот и получается, что в верующих семьях молодежь, бывает, вынуждена идти на компромиссы — венчаться и крестить детей,— лишь бы не идти на разрыв с родителями.

Здесь главное, конечно,— формирование с детства твердых материалистических убеждений. Однако в таких условиях требуется и другое: полное обеспечение яслями и детскими садами, а молодоженов — жильем (да и хозяйством) в кредит. Конечно, было бы наивностью думать, что таким путем можно быстро и резко снизить уровень религиозности. Процесс этот, как известно, сложный и длительный. Но такие меры непременно сказались бы на снижении религиозной обрядности. Да и дети неверующих родителей в значительной степени освободились бы при этом от религиозного влияния своих бабушек.

И последнее. Высится в центре Вилкова массивная церковь, стоит заколоченная. Пока содержала ее старообрядческая община, здание было в порядке, а когда отказалась она от церкви за ненадобностью, стало оно немым укором городским властям и общественности. Помещение это вполне можно и нужно использовать. Почему бы, например, не открыть в нем музей истории и культуры Вилкова? Экспонатов тут достаточно, нужны лишь желание и инициатива.

...Текут в зеленых лиственных коридорах голубые ерики. В цветущих садах почти не видны аккуратные домики. Приезжий походит по уложенным цементными плитками улицам, по деревянным мосткам, отведает знаменитой дунайской селедки и отбудет восвояси, надолго сохранив светлое воспоминание об этом тихом и милом городе.

Но если доведется ему заглянуть на рыбозавод, в контору колхоза, в школы, в горисполком, если удастся побеседовать с жителями, то город предстанет перед ним в ином свете — в свете необычной своей истории, своего прошлого и настоящего, современных успехов и проблем. Лишь окунувшись в эту жизнь, приезжий научится отмечать среди прохожих колоритные фигуры патриархов старообрядческих семей. Но если дедов-старообрядцев он выделит с первого взгляда, то внуков их в веселых ватагах школьников не могут определить даже местные жители, потому что внуки старообрядцев живут той же жизнью, что и все наши дети. И чем больше проходит времени, тем дальше уходят их чисто земные радости, стремления, мечты от религиозной веры и сурового домостроя их дедов и прадедов.

◆ Формирование активной мировоззренческой позиции — одна из важнейших задач лекционной работы, проводимой Московской городской организацией общества «Знание». В трудовых коллективах столицы и по месту жительства читаются тысячи лекций по актуальным проблемам современности, в том числе и по научному атеизму. В Москве созданы 35 народных университетов, действуют около 600 лекториев и 149 семинаров, организованы циклы лекций и другие формы пропаганды атеистических знаний, ведутся социологические исследования, чтобы повысить ее эффективность.

В. И. Ленин писал: «...Массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна...» Столичные организации общества «Знание» стремятся на практике осуществить это ленинское указание. Лекции читают ученые, врачи, учителя, работники культуры. За последние пять лет число лекций по этой тематике возросло в три раза.

Заметно улучшились их разнообразие и целенаправленность. Если пять лет назад лекции по атеизму читались по 40 темам (преимущественно таким, как «Происхождение и реакционная сущность религии», «Христианство, его происхождение и сущность», «Быт и религия», «Вред религиозных праздников», «Религия и женщина»), то сегодня — по 86 темам, причем 18 посвящены идеологии и морали, а более 30 — естественнонаучной проблематике. В целом нынешняя тематика позволяет достаточно глубоко и обоснованно вести не только критику религиозной идеологии и морали, но и утверждать материалистическое миропонимание, коммунистическую идеологию.

Столичные пропагандисты стремятся не сводить свою работу лишь к критике религиозных догм, как это еще иногда бывает, к сожалению, а подходить к ней комплексно. Большинство лекторов хорошо понимают: нельзя добиться успеха в атеистической

Практика: опыт, проблемы

ШИРОКИЙ ДИАПАЗОН СРЕДСТВ

Ю. ХРУСТАЛЕВ,
первый заместитель председателя правления Московской организации общества «Знание»

работе без пропаганды советского образа жизни, коммунистической морали, идей коллективизма, товарищества, дружбы всех наций и народов и т. д. При этом утверждение в умах слушателей идей научного атеизма в свою очередь обогащает духовный мир человека, помогает преодолеть мировоззренческую отсталость, формирует моральный облик.

Городская организация общества «Знание» в комплексе с широким распространением атеистических знаний большое внимание уделяет пропаганде новых праздников и обрядов. В декабре прошлого года у нас был проведен специальный пленум правления, посвященный работе Московского Дома научного атеизма по пропаганде новых советских обрядов. Ему предшествовало тщательное изучение опыта этой работы в Москве. Результаты показали, что подавляющее большинство молодых жителей столицы — убежденные атеисты. Однако есть еще среди них люди, проявляющие интерес к религиозным праздникам и церковным обрядам. Так, из числа опрошенных в обряде венчания участвовали 0,5 процента, крещения — 0,8 процента молодых людей.

Можно сказать, что социалистические праздники и обряды стали неотъемлемой частью образа жизни москвичей, прочно вошли в их труд и быт. Широко, например, практикуются в нашем городе чествование трудовых династий и ветеранов труда, посвящение в рабочие, обряды торжественного бракосочетания, помолвки и т. п. Эффективность их пропаганды зависит от компетентности лекторских кадров. Для повышения их квалификации при Московском Доме научного атеизма создан постоянно действующий семинар «Новые социалистические праздники и обряды — важное средство коммунистического воспитания». Лекторы районных организаций и Дома атеизма стремятся показать, что советские обряды выражают и закрепляют нравственные отношения между людьми, воспитывают чувство патриотизма, гордости за нашу Родину, развивают общественное сознание. Пропаганда социалистической обрядности, проводимая всеми звеньями городской организации общества «Знание», проникнута духом гуманизма, глубокого уважения к человеку, его достоинству, заботой о его счастье, верой в творческие силы и нравственное благородство.

Требования, предъявляемые сегодня к атеистической пропаганде, привели нас к мысли создать в Москве специальный организационно-методический центр, обобщающий опыт внедрения в быт новых праздников и обрядов. Он организован на базе кабинета социалистических праздников Дома атеизма и опирается на широкий актив специалистов. В работе этого центра принимают участие представители Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института этнографии Академии наук СССР, работники дворцов бракосочетаний, домов культуры, соответствующих комиссий при Моссове-

те и райисполкомах, обрядовых комиссий на крупных предприятиях и других организаций.

Сегодня трудно рассчитывать на эффективную пропаганду без систематического и комплексного обучения лекторов методической культуре, пропагандистскому мастерству. В прошлом году в Москве была создана такая высшая форма подготовки кадров, как университет атеистического актива. В его программе — глубокое и всестороннее изучение теоретических вопросов, а также обмен опытом работы в районах. Активизируется и деятельность школ лекторского мастерства. Большое внимание здесь уделяется проблемам повышения эффективности пропаганды.

Мы считаем, что главным итогом нашей работы по подготовке лекторов, пропагандистов стало обеспечение высокого идейно-теоретического уровня преподавания научного атеизма в народных университетах, лекториях, школах и т. д. Только в прошлом году здесь вели занятия 35 докторов и 186 кандидатов наук.

Большое внимание в последнее время уделяется качеству публичных атеистических лекций, их идейной направленности и научной достоверности, а также тому, чтобы они читались живым, доступным широкий аудитории языком. По-новому ставится теперь вопрос об организации циклов публичных лекций, проводимых обществом «Знание» (кстати говоря, у нас их число в течение года превышает 300).

Большую теоретическую и методическую помощь лекторским кадрам оказывает существующий при Доме атеизма научно-методический совет. Особое внимание он уделяет составлению учебных программ для городских и районных постоянно действующих лекториев, народных университетов, для школ лекторов, а также организаторов атеистической работы в трудовых коллективах. Методсовет подготовил методические пособия по таким темам, как «Актуальные проблемы атеистического воспитания в свете решений XXV съезда КПСС», «Великий Октябрь и духовное освобождение личности», «Коренная противоположность коммунистической и религиозной морали», «О единстве нравственного и атеистического воспитания» и другие. Он также проводит регулярные консультации, семинары, теоретические и методические конференции.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды», правление Московской городской организации общества «Знание» перестроило работу Дома научного атеизма, сделало его центром подготовки кадров лекторов-атеистов. Здесь организованы кабинеты, отвечающие современным требованиям работы с лекторскими кадрами,— методики атеистической пропаганды, контрпропаганды, кабинет новых советских праздников и обрядов. Начали действовать дискуссионный клуб «Атеист» и кинолекторий.

Говоря о мировоззрении как факторе жизненной позиции личности, наши лекторы обычно обращают внимание слушателей на то, что в реальной действительности эта связь не предстает в «чистом виде». По отношению к жизненной позиции человека мировоззрение выступает как сторона его убежденности. Вот почему задача работы лектора-атеиста, опираясь на уже имеющиеся у юношей и девушек багаж опыта и знаний, разъяснять им такие понятия, как цель и смысл жизни, гражданские обязанности и т. д. Правда, опыт подобных лекций пока не позволяет делать достаточно уверенный вывод о степени их эффективности, однако в отзывах слушателей звучит мысль, что именно такие выступления более всего способствуют появлению у людей осознанно критического отношения к религии.

Важное направление совершенствования нашей лекционной деятельности — разработка ее тематической направленности в соответствии с требованиями текущего момента. Сейчас мы делаем упор на разъяснение ленинских принципов отношения к религии и церкви, положений Конституции СССР о свободе совести, ее гарантиях, стремимся раскрывать положение XXV съезда КПСС о том, что в нашем обществе господствует научно-материалистическое мировоззрение. Этой цели служат специальные циклы лекций: «Ленинский этап в развитии атеизма», «Нравственное содержание атеизма», «Принцип свободы совести и его реализация в советском законодательстве о религиозных культах», «Актуальные вопросы атеистического воспитания молодежи» и т. п.

Отмеченная в этом году 110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина, конечно же, широко отразилась в тематике лекционной пропаганды, в том числе и научно-атеистической. Так, Московская организация общества «Знание» совместно с городским советом профсоюзов провели с ноября 1979 по апрель 1980 года в трудовых коллективах, в клубах и дворцах культуры, общежитиях более шести тысяч общественно-политических чтений «Дело Ленина живет и побеждает». А в Московском Доме научного атеизма для слушателей народного университета и лекторов прочитан цикл лекций «В. И. Ленин и вопросы атеистического воспитания».

В настоящее время в столице читаются лекции «Ленинизм — революционное знамя современной эпохи», «Ленинским курсом, верной дорогой», «КПСС — партия научного коммунизма», «Учение, преобразующее мир», «Развитой социализм и творчество масс», «Пламенные борцы за коммунизм», «Конституция СССР в действии», «Ленинское напутствие молодым», «Ленинизм и современная научно-техническая революция», «В. И. Ленин о социалистическом соревновании», «Ленинская внешняя политика КПСС на современном этапе» и другие. В них освещается широкий круг проблем современной жизни общества развитого социализма, показывается сила идейного, политического и нравственного воздействия ленинского учения на сознание масс.

Лекторы Москвы, стремясь успешно выполнить поставленные партией задачи по комплексному подходу к воспитанию масс, формированию у них, особенно у молодежи, научно-материалистического мировоззрения, применяют, как видим, весьма широкий диапазон средств. Теперь главная цель здесь — углубление, резкое повышение качества и эффективности. Вот над этим сейчас и работают правление Московской городской организации общества «Знание», Дом научного атеизма, научно-методические советы и вся лекторская общественность столицы.

Заслушались. Истина рождается в споре.

Сейчас откроют зал и начнется лекция. А пока — первые вопросы лектору.

Фото З. ГОЛУБЧИНА.

Идет разговор о самом сокровенном — о бессмертии, смысле жизни, о великой ответственности — быть на Земле Человеком...

Н. АДРИАНОВА

Заметки лектора

В ЧЁМ ГЛАВНЫЙ КРИТЕРИЙ?

◆ Да, снова вопрос — и к себе, и к коллегам, и к слушателям *. Вопрос, на который, как думают некоторые, ответить совсем нетрудно. Ведь в каждой лекторской путевке есть особая графа — «отзыв о лекции». Иногда четыре коротких строчки типографской формы вмещают весьма развернутые и эмоциональные оценки. Например: «Лекция очень интересная, содержательная и доступная. В ней приведено много жизненных примеров и фактов. Все слушатели остались очень довольны». Или: «Слушали с огромным интересом, узнали много нового, получили и пользу и удовольствие. Очень и очень признательны за это товарищу лектору». Бывают и предельно короткие отзывы: «Хорошо», «Отлично», «Просто прекрасно!» Но чаще из путевки в путевку кочуют стандартные, «общепринятые» формулировки вроде такой: «Лекция прочитана на высоком идейном и профессиональном уровне». Она, хоть и свидетельствует о положительной оценке выступления лектора, не дает ни малейшего представления о том, чем же один лектор отличается от другого, в чем его особые достоинства или, напротив, недостатки.

Впрочем, дело далеко не в форме записей в этой графе. Гораздо важнее сам принцип оценки качества выступления лектора, пропагандиста, тем более что эта проблема тесно связана с поиском достаточно объективного и полного критерия всей нашей воспитательной работы.

Начнем с вопроса: кто оценивает сегодня лекцию? В той же путевке, как говорят, черным по белому написано: «Представитель организации», то есть имеется в виду лицо, которому должностным или общественным порядком доверена организация лекционной работы в коллективе. Чаще всего это заведующий кабинетом политического просвещения или заведующий библиотекой, преподаватель естественных или общественных дисциплин в школе, вузе, организатор атеистической работы в цехе, отделе, член местного комитета профсоюза или член комитета ВЛКСМ, ответственный за культурно-массовые мероприятия. Эти люди, конечно, в основной своей массе и достаточно ответственные, и вполне компетентные, чтобы дать верную оценку выступления лектора.

Но случается, что заполнение путевки (и этой графы тоже) доверяется самым разным людям. И тогда даже восторженная оценка отнюдь не льстит пропагандисту, так как свидетельствует не столько о его успехе, сколько о слабом знакомстве с этой темой, а то и о довольно низком общем уровне того, кто писал отзыв. А бывает, оценка и вовсе дается заочно, так как заполняющий эту графу на лекции не присутствует. Кроме того, подчас мешает ложно понятая этика отношений между лектором и организатором его выступления в коллективе. Почему-то не принято писать критические замечания в адрес лектора (и даже высказывать их устно). А, наверное, и той и другой стороне полезно было бы периодически встречаться и откровенно, заинтересованно поговорить о качестве и эффективности лекционной пропаганды, высказать взаимные претензии и пожелания.

В Московском Доме научного атеизма, например, нашли, на мой взгляд, интересную форму такой взаимной информации заинтересованных сторон. Совместно с группой социологов здесь провели серию опросов (анкетирование и устные интервью, записанные на магнитофонную ленту), в которых каждая лекция оценивается с разных позиций. Об этом говорят один из руководителей идеологической работы в коллективе, организатор данной лекции, несколько слушателей (разного возраста, уровня подготовки) и коллега выступавшего — лектор-рецензент. Предоставляется слово и самому лектору, который, помимо самокритичного анализа своего выступления, высказывает и мнение о восприятии материала слушавшей его аудиторией — атеистической ее подготовленности, об организационной сторо-

* См. заметки лектора в № 4 и 6.

не проведения лекции и т. д. Даже первое, предварительное обобщение этого материала позволило сделать ряд практических выводов.

Так, в ряде партийных организаций предприятий и учреждений, участвовавших в этом опросе, серьезно задумались над тем, почему руководители цехов, отделов, а также некоторые секретари партийных организаций часто не присутствуют на лекциях, проводимых в их коллективах. Прежде всего, сам этот факт не лучшим образом сказывается на их авторитете в массах. Кроме того, они таким образом лишают себя возможности лучше знать настроения людей, видеть их непосредственную реакцию на те или иные положения, примеры, оценки, приводимые в лекции. И, наконец, выяснилось, что и в этой группе актива встречаются люди, слабо осведомленные в вопросах атеистического и нравственного воспитания, их современной специфики.

Выявились и другие негативные моменты. Например, только из-за непродуманной организации лекций и плохой их рекламы в отдельных коллективах неэффективно используются и лекторские силы, и средства предприятия, выделяемые на лекционную работу. Часто опытный пропагандист, которому нелегко было выкроить время для лекции (ведь у каждого есть основная работа, и чем солиднее специалист, тем он более занят), выступает всего перед несколькими слушателями. Нет в коллективах учета, кто же постоянно ходит на лекции, а кто на них систематически отсутствует, хотя, может быть, и больше нуждается в такой форме образования и просвещения. О какой же эффективности тут может идти речь?

Интересный материал дал и выборочный анализ тематического разнообразия лекций, читаемых в коллективах столицы лекторским активом Дома атеизма. Довольно разнообразная, актуальная и содержательная тематика лекций используется пока однобоко. Организаторы лекций заказывают чаще всего привычные или просто внешне, по названию, показавшиеся им более привлекательными темы и не очень-то утруждают себя изучением всего их списка.

А сотрудники и методисты Дома атеизма тоже порой не проявляют должной инициативы в этом вопросе. Довольствуясь весьма активным самотеком заказов, они не часто пропагандируют новые и более актуальные лекции, не беседуют специально с заказывающими лекции, чтобы выявить возможности и потребности коллектива, характер и степень его атеистической подготовленности, дать необходимый совет, консультацию: какой группе слушателей какие темы рекомендовать, в какой последовательности их следует читать, какого лектора лучше пригласить. А результат? В течение прошлого года, например, в коллективах столицы лекторы Дома атеизма прочли всего 40 лекций, пропагандирующих новые советские обряды и традиции, а вот выступлений на тему «Происхождение и сущность религиозных праздников и обрядов» было в восемь раз больше.

Или такой момент. Крупные организации имеют возможность заказать публичные лекции, с которыми выступают лучшие лекторы. А может быть, стоит подумать о том, чтобы предоставить такую возможность (тем более, что они в этом очень нуждаются) и небольшим организациям, скооперировав их по территориальному признаку или пригласив их в базовый Дом культуры, клуб, библиотеку?

В Доме атеизма деятельно работает секция рецензентов. И все же усилиями ее актива невозможно прослушать или просто прорецензировать выступления всех пропагандистов. А сделать это необходимо. Не только в порядке систематического контроля за качеством лекторских выступлений, но и для выявления интересного опыта. Это может быть и формой учебы с целью товарищеского заимствования лучшего, что есть у коллег. Как решить эту проблему? Все мы периодически участвуем в коллективных выходах лекторов на предприятия. И не так уж пострадает каждый из нас, если задержится здесь на час дольше, чтобы послушать еще выступление товарища (а он предварительно послушает вас, а потом выступит сам). Кроме того, в каждом коллективе есть довольно большой круг актива — люди, которые занимаются в специальных семинарах и университетах научного атеизма, сами проводят беседы, имеют в основном солидную общую и специальную подготовку. Может быть, привлечь их к рецензированию лекций, к написанию развернутых отзывов?

И все же, при всей важности и компетентности оценки твоего выступления специалистами, каждый из нас ищет прямых или косвенных оценок прежде всего у аудитории. Это и общее внимание, интерес зала, и непосредственная реакция «контрольных» слушателей, глазом выбранных из общей массы. Или, напротив, довольно откровенный вид скучающих или плохо понимающих тебя людей. А то и снисходительное превосходство, прорывающееся сквозь внешнюю вежливость. Весьма красноречивым может быть даже молчание. Мне, например, мое выступление кажется особенно успешным именно тогда, когда после лекции слушатели не выражают бурно своих чувств, не спешат задавать вопросы, а какое-то время продолжают молча размышлять и сопереживать моему рассказу, сидят задумавшиеся, растревоженные, под впечатлением услышанного.

Но самая высокая степень признания, как мне кажется, — это приглашение выступить в той же аудитории еще раз. Кстати, и для слушателей, и для лектора всегда интереснее и плодотворнее такие постоянные контакты. Слушатели получают не отрывочный, а суммированный и систематизированный материал, они избавлены от неизбежных повторов и прочих накладок, когда выступающий не знает, о чем говорил в прошлый раз его коллега. Людям психологически легче приспособиться к манере одного и того же лектора излагать материал, чем всякий раз перестраиваться. И лектору это интереснее — он постепенно раскрывает возможности аудитории и материал может излагать более полно, ведя слушателей от простого к сложному, и тема раскрывается глубже.

Именно при таких постоянных контактах можно разнообразить и форму разговора с аудиторией, переходить от монолога к диалогу, к общему обсуждению, к диспуту, развивать инициативу слушателей, приучать их к самостоятельности мышления, шире использовать возможности местного актива, сочетать массовую и индивидуальную работу со слушателями. И, наконец, это дает возможность видеть хотя бы «первые всходы» проведенной работы — пробуждение интереса к тематике, реакцию на рекомендованную книгу, статью. А главное — получаешь возможность по конкретным поступкам и высказываниям постоянных слушателей судить об их возросшей идейной и нравственной зрелости, о твердости материалистических убеждений.

Но, конечно, право на такое особое доверие коллектива, на привилегии «своего» лектора надо заслужить. А для этого следует стремиться к тому, чтобы любой — самый случайный и кратковременный — контакт с аудиторией был максимально полезным и интересным для нее, затрагивал и мысли и чувства людей. Наверное, для каждого опытного пропагандиста стало правилом предварительно знакомиться с характером аудитории, перед которой предстоит выступать, поинтересоваться, какие темы здесь были уже прочитаны и кто из твоих коллег уже читал до тебя.

Думается, невозможно сегодня лектору вести беседу без соответствующей поддержки работников местной библиотеки, которые помогут предварительно подготовить аудиторию, привлечь внимание к вопросам, поднимаемым в лекции, закрепить тот интерес к атеистической проблематике, начало которому положила лекция. Хотелось бы найти такое же взаимопонимание и у работников других учреждений культуры. Уважающий себя лектор всегда (каким бы восторженным ни был отзыв о его выступлении) поинтересуется, какие замечания есть в его адрес, не упустил ли он чего, всех ли слушателей удовлетворил его рассказ. Но этого мало. Лекторам очень нужны и выводы социологов, и рекомендации ученых.

Только так — путем всесторонней требовательности и общей заинтересованности — можно добиться живой, искренней и деятельной реакции слушателей на каждое выступление лектора, на полученную от него информацию, пробудить их мысли, чувства, гражданскую заинтересованность в решении поднятых проблем, иначе говоря, лекторская работа немыслима без той самой живой «обратной связи» со слушателями, которая, думается, и есть главный, определяющий критерий всей нашей идеологической и воспитательной работы.

●

Заканчивая свои заметки лектора, хочу подчеркнуть: стремилась изложить в них то, что особенно волнует и тревожит, что, на мой взгляд, заслуживает пристального внимания и широкого обсуждения. Они не претендуют на всесторонний охват поднятых в них проблем, связанных с необходимостью дальнейшего улучшения и совершенствования атеистической работы, одной из составляющих коммунистического воспитания. Все, что говорилось в этих трех статьях, отражает прежде всего личную позицию, мои размышления над своей практикой, опытом, мои столкновения с теми или иными фактами и событиями. Наверное, не все приведенные в заметках примеры, положения и выводы бесспорны. Тем интереснее видится продолжение начатого разговора, обсуждение затронутых проблем.

КАК УСТОЯЛА РУСЬ

Александр ШАМАРО

6. СХВАТКА ЗА БЕЛЫЙ КЛОБУК

Противоборство Московской Руси и Золотой Орды было основной коллизией второй половины XIV века. Основной, но не единственной. Параллельно ей — и в переплетении с нею — развивалась и острая внутрицерковная борьба, которую можно определить словами, вынесенными в заголовок: схватка за белый клобук — клобук митрополита всея Руси. Ситуация, сложившаяся в те годы, была куда сложнее упрощенных представлений, с которыми порой приходится сталкиваться и по сей день.

Сергий Радонежский был отнюдь не единственной крупной и влиятельной церковной фигурой того времени и не занимал какого-то исключительного положения ни в государственной, ни в общественной, ни в церковной жизни Руси. В ближайшем окружении великого князя Дмитрия Ивановича мы видим, по крайней мере, двух церковных деятелей, которые — по значению и весу в политических делах, по влиянию на князя — не только не уступали Сергию, но, пожалуй, даже превосходили его. Речь идет о митрополите Алексие и духовнике князя Митяе (просторечная форма имени Дмитрий), бывшем коломенском священнике, в дальнейшем — архимандрите придворного Спасского монастыря. Познакомимся с ними поближе...

В истории русской православной церкви трудно припомнить кого-то, кто мог бы быть поставлен рядом с митрополитом всея Руси Алексием, кто в такой же степени, как он, олицетворял бы собой положительную роль православной церкви в исторических судьбах русского народа.

Митрополит — сын черниговского боярина Федора Бяконта, который после установления монголо-татарского владычества счел за благо переселиться в края более безопасные — во владения московского князя. В Москве (то ли в 1293 году, то ли 1298-м) родился у него сын Елевферий-Симеон, крестник княжича Ивана Даниловича, будущего Ивана Калиты.

Судьба боярского сына с самого начала была переплетена с политической жизнью Московского княжества. Он вырос и всю долгую жизнь прожил рядом с великокняжеским двором. Двадцати лет пострижен был в Богоявленском монастыре (собор этого монастыря, сооруженный в конце XVII века, можно и теперь видеть в центре Москвы, в Куйбышевском проезде) и наречен Алексием. Вскоре он стал принимать непосредственное и деятельное участие в делах русской митрополии. Глава церкви митрополит Феогност сделал его своим ближайшим помощником. Минуло три десятилетия, и Феогност, стоя уже одной ногой в могиле, хиротонисал Алексия в епископа владимирского — отдал ему кафедру, по традиции занимаемую официальным преемником митрополита.

Митрополичий престол Алексий занял в очень трудное и тревожное время. Спустя 47 дней после похорон своего предшественника он похоронил и великого князя Симеона Ивановича Гордого. В годы непродолжительного княжения Ивана Ивановича, другого сына Калиты, на плечи Алексия легло бремя и церковной и государственной власти — он стал фактическим правителем Московского княжества. В 1359 году, после смерти Ивана Ивановича, он принял на себя обязанности и регента при девятилетнем сыне покойного — Дмитрии, будущем Дмитрии Донском, и главы боярского правительства. По его совету 17-летний Дмитрий Иванович повелел соорудить первый каменный Кремль, белые стены и башни которого заменили сожженные за два года до этого «всехсвятским пожаром» дубовые укрепления времен его деда.

Искусный и мужественный дипломат, митрополит Алексий сумел добыть в Сарае юному подопечному ярлык на великое княжение владимирское. Благодаря влиянию своему на ордынских властителей, он отводил золотоордынские набеги и от Москвы, и от всей Северо-Восточной Руси и тем самым помогал исподволь накапливать силы для решительной битвы с поработителями. Интересы церкви были слиты в его понимании с интересами крепнущей Москвы, следовательно, с будущим независимой и могущественной Руси, и фактически подчинены им.

24 последних года своей 80-летней (если не 85-летней) жизни Алексий, согласно официальному величанию, «митрополит киевский и всея Руси», отдал все свои труды и помыслы делу упрочения и возвышения Москвы, объединения вокруг нее русских земель. «Митрополит Алексий, — писал историк А. Е. Пресняков, — отождествил верность церкви с верностью крестоцеловальному признанию власти великого князя Дмитрия» (21, 312).

Алексий умер в начале 1378 года, за два с половиной года до Куликовской битвы, но мы с полным основанием можем назвать его одним из тех, кто во многом способствовал великой победе на Дону. Позитивная роль и патриотические заслуги его были столь значительны и бесспорны, что в оценке их проявили редкостное единодушие историки разных эпох.

В. О. Ключевский: «Митрополит Алексий шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в Орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживал его первенство, с неослабной энергией отстаивал значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли» (13, 205).

Член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Бахрушин: «Глава русской церкви митрополит Алексей... личность во всех отношениях замечательная. Умный и энергичный политик, тонкий дипломат, он все свои незаурядные способности посвятил созданию сильного Русского государства. Умирая, великий князь Иван Иванович назначил его опекуном своего малолетнего сына и поручил ему управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому...» (3, 14).

Академик М. Н. Тихомиров: «Малолетством Дмитрия могли бы воспользоваться другие князья, но этого не произошло, потому что фактическим правителем государства в то время был московский митрополит Алексей... Он

Печать митрополита всея Руси Алексия.

Печать великого князя Дмитрия Ивановича.

Окончание. Начало см. в № 7.

крепко держал в руках бразды правления, и на первых порах молодой князь следовал его советам» (26,5).

Академик Д. С. Лихачев: «Алексей выхлопотал в Константинополе официальное разрешение на перенесение митрополичьей резиденции «всея Руси» из Киева во Владимир, сохранив при этом свое постоянное местопребывание в Москве и титул «Киевского». Это было огромным успехом объединительной политики Москвы» (16, 25).

Если митрополита Алексия князь Дмитрий любил, как отца родного, то своего тезку и, возможно, сверстника, коломенского священника Митяя он любил, наверное, как родного брата. И должность «духовного отца», занимаемая Митяем при великом князе (по совместительству с государственной должностью «печатника», то есть хранителя великокняжеской печати), была отнюдь не вероисповедной формальностью. Со страниц документальных источников и исторических трудов встает перед нами образ вышедшего из простонародья самородка, наделенного всевозможными достоинствами.

Вот как характеризовали Митяя отечественные историки, в том числе и церковные. «Человек необыкновенно видный, — прочтем мы в «Истории России» С. М. Соловьева, — красивой наружности, грамотный, с речью легкою и чистою, голосом громким и приятным, превосходил всех уменьем толковать силу книжную; память имел необыкновенную, знал все старинные повести, книги и притчи; во всех делах и судах рассуждал красноречиво и умно... Митяй год от году приобретал все более славы и значения: никто, по словам летописца, не был в такой чести и славе, как Митяй; от великого князя не было ему ни в чем отказу, все почитали его, как царя какого, и, что еще важнее, любили его все» (25, 569).

Эпитетами «необыкновенный», «исключительный», «чрезвычайно замечательный» и т. п. пестрят страницы, посвященные бывшему коломенскому попу в «Истории русской церкви» Е. Е. Голубинского. А этот историк выгодно отличался от подавляющего большинства церковных авторов определенной критичностью суждений и выводов. По его словам, Митяй — «исключительная и совершенно выдававшаяся личность», «человек необыкновенно умный и необыкновенно в тогдашнем смысле образованный», к которому, «как к своему любимцу», великий князь питал «необыкновенную привязанность» (5, 227—228).

По сути дела, вторым человеком в государстве называет Митяя советский историк И. Б. Греков. «На протяжении почти двух лет (Митяй. — **А. Ш.**) был весьма влиятельной политической фигурой Великого Владимирского княжения» (7, 116).

Обратимся теперь непосредственно к схватке за белый клобук — борьбе за митрополичий престол, в которой Сергий Радонежский оказался в лагере церковно-политических противников великого князя Дмитрия Ивановича, более того, стал главой и идеологом архиерейско-монашеской антивеликокняжеской оппозиции. История эта отличается весьма динамичным сюжетом, и поэтому правомерно будет изложить ее здесь в форме краткого сценария. Даже Е. Е. Голубинский не удержался от замечания: «Как бывает в театральных комедиях, что все было улеглось и вдруг все снова поднимается вверх дном, так и в нашей прискорбнейшей комедии из действительной жизни...» (5, 251).

Пролог. На сцене появляется действующее лицо, до сих пор нами еще не упомянутое, — Киприан, человек весьма энергичный и колоритный... На исходе 1375 года константинопольский патриарх посвящает в сан русского митрополита этого 40-летнего афонского монаха, одного из своих ближайших сотрудников, которого, припомнив дореволюционную российскую терминологию, можно было бы назвать чиновником для особых поручений при самом патриархе. Митрополитом он стал еще при Алексие и, находясь в Киеве, свыше двух лет был как бы «параллельным» первосвященником русской митрополии. Такая иерархическая несуразица явилась следствием интриг великого князя литовского Ольгерда против великого князя московского Дмитрия и результатом политического маневрирования константинопольской патриархии.

Потерпев поражение в трех походах на Москву (1368, 1370 и 1372 гг.), Ольгерд и тверской князь Михаил Александрович решили нанести удар на другом фронте — дипломатическом и церковном: сместить митрополита Алексия, который давно стоял у них поперек горла.

К патриарху одна за другой пошли жалобы: Ольгерд и Михаил обвиняли Алексия в том, что он посвятил себя исключительно Москве, ему ставили в вину, что он святительской своей властью освобождал от крестоцеловальной присяги литовскому князю тех, кто решил перейти на сторону московского князя, и, наоборот, проклинал тех, кто уклонялся от службы Дмитрию Ивановичу, что он благословляет московского князя на ратное противоборство с Золотой Ордой... Одним словом, все то, что мы теперь ставим в заслугу митрополиту Алексию.

Не желая вступать в открытый конфликт с крепнувшей и богатевшей Москвой, патриархия в то же время со страхом внимала угрозам Ольгерда перейти в «латинство» — принять католичество, если не будет прислан в Киев митрополит для Западной Руси, входившей в состав Литвы. Алексия попытались увещевать грамотами. Однако, убедившись, что от таких посланий проку нет, патриарх направил в далекую Русь ревизора — иеромонаха Киприана. С полномочиями патриаршего легата-апокрисария отправился он зимой 1373—1374 годов в неведомую страну, быть может, уже тогда задумав овладеть престолом митрополита всея Руси.

Борьба за клобук митрополита имела вполне определенное и очень серьезное политическое значение, которое И. Б. Греков сформулировал так: «Совершенно понятно стремление литовско-русской дипломатии накануне Куликовской битвы добиться в Константинополе ликвидации «самозванной» митрополии в Москве и предоставления своему митрополиту «общерусских полномочий», которые в случае военной победы Мамая и Ягайло (он стал великим князем литовским в 1377 году, после смерти Ольгерда. — **А. Ш.**) над Московской Русью могли превратить Киприана в ту политическую фигуру, которая содействовала бы значительному расширению великого княжества Литовского... Совершенно понятно также стремление московской дипломатии получить от Царьграда санкции на ликвидацию литовско-русской митрополии и создание единой «общерусской митрополии» в Москве: в случае победы над Ордой и Литвой такой митрополит всея Руси в руках московского князя Дмитрия Ивановича мог бы стать важным орудием собирания русских земель вокруг Москвы...» (7, 122—123).

Патриарший апокрисарий сделал все, дабы проложить самому себе путь наверх: во-первых, в отчете очернил митрополита Алексия, изобразив его церковным деятелем, которого никто из русских князей, за исключением князя московского, терпеть не может; во-вторых, сумел понравиться великому князю литовскому. Тот стал требовать себе митрополита с еще большей настойчивостью. И хотя перепроверка обвинений, возведенных на Алексия, показала, что это навет, патриархия уступила: в декабре 1375 года Киприан был посвящен в сан митрополита киевского и литовского с перспективой стать после смерти Алексия митрополитом всея Руси... Нетрудно догадаться, как на такой политический ход отозвались в Москве и других городах и княжествах Северо-Восточной Руси, учитывая авторитет Алексия и могущество воспитанника его Дмитрия Ивановича. Новоиспеченный митрополит счел за благо отсидеться в киевской резиденции в ожидании лучших времен...

Действие первое. Москва, середина 70-х годов XIV столетия. Митрополит Алексий совсем стар. Кто займет его место? И великий князь Дмитрий Иванович, и сам Алексий, и бояре, и большинство служителей церкви, и, главное, народ — все хотят видеть на митрополичьем престоле соотечественника, а не чужеземца, присланного из Константинополя. Великий князь настойчиво убеждает своего «духовника» и «печатника» Митяя немедля принять монашество, иначе путь в архиерейство ему закрыт. Тот поначалу отказывается, колеблется, но наконец склоняет голову. Решительный характер Дмитрия Ивановича и на сей раз проявляет себя со всей очевидностью. «До обеда постригли его в монахи, а после обеда назначили архимандритом» (С. М. Соловьев. 25, 569). Архимандритом придворного Спасского монастыря и официальным кандидатом в митрополиты всея Руси.

Но кандидатура Митяя, ворвавшегося в мир монашества подобно метеору, смущает Алексия. Он пытается переубедить великого князя, указывает ему на то обстоятельство, что Митяй, нареченный при пострижении Михаилом, пребывает в иноках, как говорится, без году неделю и не успел еще «облечься благими делами и нравами». Против Митяя-Михаила — и Сергий Радонежский. Он настойчиво советует пригласить в Москву Киприана. Но Дмитрий Иванович по-прежнему и слышать не хочет о нем.

Как видим, игумен Сергий не чужд был участия в придворных интригах. «Несмотря на все свое смирение, —

писал об этом историк Н. И. Костомаров, — Сергий, однако, возвышал свой голос в церковных делах. Когда по смерти Алексия Дмитрий хотел возвести на митрополичий престол своего любимца Митяя, Сергий открыто говорил против него» (15, 25).

Но великий князь непоколебимо стоит на своем.

Действие второе. В феврале 1378 года Алексий умирает, и архимандрит Михаил входит на митрополичий двор уже полноправным хозяином русской православной церкви. В ту пору его именуют «нареченным митрополитом».

Узнав о кончине Алексия, Киприан в июне того же, 1378 года прибывает в Москву — так сказать, в явочном порядке, не дожидаясь великокняжеского приглашения. Для обеспечения успеха предприятия он шлет письма своему единомышленнику Сергию Радонежскому, надеясь, что тот замолвит за него словечко Дмитрию Ивановичу.... Киприан «тайно переписывался с Сергием и Феодором (племянник Сергия, крупный церковный деятель, настоятель Симонова монастыря. — **А. Ш.**), которые должны были распространять послание неудачливого кандидата в митрополиты среди русского духовенства и натравливать последнее на великого князя» (И. У. Будовниц. 4, 104).

Однако в Москве бывшего патриаршего апокрисария ожидал полный афронт: по приказу великого князя, разгневанного таким самовольством, Киприана сажают под стражу, а потом с позором выдворяют за пределы Московского княжества.

Надо заметить, что политическая позиция Сергия Радонежского в борьбе, разгоревшейся вокруг митрополичьего трона, никогда не была тайной; о ней прямо говорили историки. «Киприану для его целей необходимо было помешать и кандидатуре Митяя, — указывал дореволюционный историк Пл. Соколов. — Он... составляет против Митяя небольшую, но сильную партию из влиятельных при великом князе лиц... Душою этой партии был Сергий, и ему-то впоследствии и приписывал Митяй свои неудачи» (24, 438).

Действие третье. «Нареченный митрополит» предлагает великому князю Дмитрию Ивановичу организовать избрание русского первосвятителя собором русских архиереев, а не ездить на поклон к царьградскому патриарху. «Митяй отстаивал замечательную для своего времени мысль об освобождении русской церкви от подчинения константинопольскому патриарху» (М. Н. Тихомиров. 9, 77). Дмитрий Иванович горячо поддерживает и одобряет эту идею, ибо сам всегда настойчиво стремился к тому, чтобы «сохранить независимость русской церкви от Византии и ее подчинение великокняжеской власти и настаивал на поставлении отдельного митрополита для северо-восточной Руси» (19, 233—234).

Но против этой идеи горой встает высшее духовенство при самом активном участии Сергия Радонежского... То, к чему стремился «нареченный митрополит» Михаил вместе с великим князем Дмитрием, удалось осуществить лишь семь десятилетий спустя: в 1448 году церковный собор избрал русским митрополитом рязанского епископа Иону... Делать было нечего: «нареченный митрополит» начал сборы в далекий и многотрудный путь в Константинополь — через владения Мамая, через Черное море.

Действие четвертое. Митяю-Михаилу становится известно, что у него объявился новый соперник в борьбе за митрополичий престол. Суздальский епископ Дионисий, обуянный честолюбием, вознамерился обойти архимандрита Михаила — обогнать его на пути в Царьград и «восхитить» у него белый клобук.

По просьбе «нареченного митрополита» Дмитрий Иванович приказывает посадить Дионисия под арест. Тот клятвенно заверяет великого князя, что отказывается от своих притязаний и просит с миром отпустить его в свою епархию. Поручителем своим он выставляет Сергия Радонежского, с которым находится в дружеских отношениях. Оказавшись на свободе, Дионисий действительно направился в свою епархию, видимо предприняв этот маневр для усыпления великокняжеской бдительности. Выждав какое-то время, он бежит из Нижнего Новгорода вниз по Волге, через золотоордынскую столицу и Черное море, в Константинополь... Честолюбивым мечтам епископа не суждено было осуществиться.

Разумеется, объяснить эту авантюру лишь характером епископа Дионисия нельзя: его честолюбие в конце концов имело подчиненное значение. Причины лежали глубже — в политике суздальско-нижегородских князей, которые в самую напряженную пору русско-ордынского противоборства, в канун Куликовской битвы, решили отойти от московского князя, занять выжидательную позицию. И не случайно, конечно, эти князья уклонились от похода против Мамая. Не случайно двое из них, два года спустя после Куликовской битвы, поскакали вдогонку Тохтамышу, чтобы уверить его в своей покорности Золотой Орде, и сыграли подлую, предательскую роль в судьбе осажденной этим ханом Москвы. По мнению И. Б. Грекова, Митяй-Михаил и Дионисий «олицетворяли собой две линии политического развития Северо-Восточной Руси того времени, одну — связанную с руководством Москвы, другую — Нижнего Новгорода» (7, 118).

«Нареченный митрополит» пылает гневом. Наверное, больше на Сергия Радонежского (считая его сознательным участником заговора против него), чем на вероломного Дионисия. Михаил грозит разорить обитель Сергия сразу же после возвращения своего из Константинополя. И в это время Сергий роняет мрачно-загадочные слова: «Михаил не только не получит сана, но и не увидит Царяграда» (30,316).

Действие пятое. Зловещее пророчество Сергия исполнилось в точности, за исключением, разве, того несущественного факта, что Михаил все-таки увидел Царьград, хотя и издали. Панорама Константинополя уже видна была с палубы корабля, как вдруг Михаил тяжело занемог и скоропостижно скончался.

...Когда знакомишься с обстоятельствами этой смерти — смерти человека, полного сил, трудно отделаться от мысли об отравлении. Об этом писал еще Н. М. Карамзин: «В таких случаях обыкновенно рождается подозрение: он был окружен тайными неприятелями» (11, 57—58).

Если хотят раскрыть тайну политического убийства, задаются вопросом: кому оно было выгодно? Можно с уверенностью сказать, что смерть «нареченного митрополита» (естественная или насильственная) была выгодна его соперникам, что она, возможно, отвела от них серьезные неприятности, которые ожидали их, если бы Михаил вернулся в Москву митрополитом.

Сделать такое предположение позволяет, в частности, характеристика Митяя-Михаила, данная ему Е. Е. Голубинским в «Истории русской церкви», — своего рода некролог, написанный пять веков спустя: «...Михаил собирался было быть митрополитом исключительным. Предполагать, чтобы он поднял жестокое гонение на духовенство, начиная с епископов, ни с того ни с сего и без всякого повода, конечно, было бы вовсе неосновательно и несостоятельно. Если он поднял это гонение, то необходимо предполагать, что он обрушился с ним на людей недостойных. Следовательно, необходимо предполагать, что он хотел было поставить задачей своего правления реформу нравов духовенства от верху до низу» (5, 243).

Уж не этими ли планами насмерть перепугал он верхушку русского духовенства и монашества, нажил в их среде смертельных врагов и — подписал себе смертный приговор?..

Действие шестое. На лазурных водах Босфорского пролива покачивается корабль с церковной миссией из Москвы. В его каютах царят смятение и паника... Что делать? Совершить такой долгий, трудный и опасный путь, благополучно миновав и владения Мамая, и владения Нептуна, и возвратиться в Москву без митрополита?! А почему бы не представить вселенскому патриарху другую кандидатуру? Благо, выбор есть: в свите злосчастного Михаила — три архимандрита. Ведь в Константинополе не знают, кого направил сюда московский князь для патриаршего утверждения... И после ожесточенных споров и пререканий, чуть было не дошедших до рукоприкладства, свита покойного останавливает свой выбор на архимандрите переяславского монастыря Пимене.

На одном из чистых листов, скрепленных великокняжеской печатью (такими листами Дмитрий Иванович снабдил на всякий непредвиденный случай Михаила, к которому питал доверие поистине беспредельное) пишут подложное послание от лица великого князя и отправляются с ним к патриарху. И своего добиваются!.. Правда, для достижения цели пришлось прибегнуть к вручению крупных взяток. Вновь пошел в ход чистый лист с великокняжеской печатью, но на сей раз на нем написали долговое обязательство, обеспеченное казной московского князя.

Узнав о безвременной смерти своего «духовного отца» и о самовольстве его свиты, Дмитрий Иванович приказал арестовать и сослать Пимена и других участников злополучного путешествия, как только они ступят на землю Московского княжества. Великокняжеская стража бесцеремонно совлекла с Пимена митрополичьи одеяния, сняла с его головы заветный клобук и отправила в ссылку.

Но на этом схватка за белый клобук, естественно, не кончилась. «В завязавшейся... после загадочной смерти Михаила-Митяя ожесточенной борьбе за митрополию между Дионисием, Пименом и Киприаном Сергий и его племянник Феодор решительно встали на сторону интригана и неразборчивого в средствах Киприана и всячески его поддерживали» (И. У. Будовниц. 4, 104). Как видим, в один из самых напряженных, критически опасных, переломных периодов в истории Руси — в канун решительного сражения с Ордой и в год Куликовской битвы — правящая верхушка русской православной церкви погрязла в ею же затеянной сваре, открыто воспротивившись некоторым важным внутриполитическим намерениям московского князя Дмитрия Ивановича.

Митрополичья кафедра в Москве пустовала уже около трех лет, и после всего случившегося, после потери единственного желанного и бесспорного для него кандидата в митрополиты Дмитрий Иванович послал приглашение Киприану. На праздник вознесения 1381 года тот пожаловал в Москву, на сей раз не тревожась за свою судьбу, но и не подозревая, сколько еще превратностей ждет его в самом близком будущем.

7. «КРОВАВЫЙ ЧЕТВЕРГ»

Великая победа Руси на донских берегах до основания потрясла Золотую Орду. Но как ни парадоксально, быть может, это покажется на первый взгляд, за жестоким поражением на поле Куликовом последовало временное укрепление золотоордынского государства. Новый властелин его — Тохтамыш, добив в Приазовье разгромленного русскими Мамая, задавил смуты и попытался вернуть Золотой Орде ее золотые времена. А для этого необходимо было вновь выбить Русь из седла, вновь сбросить ее с боевого коня наземь, дабы снова потекла в Сарай ежегодная дань.

Но Дмитрий Донской не собирался, разумеется, возвращаться к вассальному прошлому. И Тохтамыш начал тайно готовить набег на Москву, чтобы нанести беспощадный и сокрушительный удар и по Московской Руси, и — что, быть может, еще важнее, — по страху перед нею после Мамаева побоища. На исходе лета 1382 года он скрытно и стремительно двинулся к Москве.

Проведав о набеге, суздальско-нижегородские князья переметнулись на сторону Тохтамыша. Два года назад они уклонились от участия в битве с Мамаем, но хотя бы послов к нему не посылали. А на сей раз вдогонку за Тохтамышевой ордой помчались Василий и Семен Дмитриевичи, родные братья великой княгини Евдокии, жены Дмитрия Донского, и, следовательно, его близкие родственники — «шурья». Они поскакали вслед Тохтамышу с намерением поскорее изъявить ему покорность и верноподданность. И еле-еле догнали хана уже недалеко от Москвы. Вступил на иудину стезю и Олег рязанский. Мамаю он только собирался помочь (возможно, не очень-то и собирался), а Тохтамышу подал помощь вполне реальную — указал броды через Оку (за что, кстати сказать, ордынский правитель, на обратном пути, «отблагодарил» его сполна — разорил и опустошил его княжество).

Крайне неблагоприятные для русских обстоятельства прикладывались одно к другому: и страна после Куликовской битвы сильно обеднела ратными людьми, и Тохтамыш нагрянул неожиданно, и среди князей и бояр начались разлад и несогласия.

Какой стратегический план диктовали все эти грозные обстоятельства? Тот, который и был избран Дмитрием Донским: не теряя времени, отправиться в северные и северо-восточные земли и города, оставив на недолгое время Москву под защитой белокаменных стен; собрать сильное войско и поспешить на выручку осажденным.

Верным ли был такой расчет? Бесспорно, да. По тем временам, Кремль был неприступной крепостью, тем более что осада ожидалась недолгая. «Отсидеться в городе против татар было вполне возможно,— полагал авторитетный историк Москвы И. Е. Забелин. — У татар, кроме стрел и сабель, никаких стенобитных орудий не было. Они, делая приступы, осыпали город стрелами, как дождем, но вреда от этого было не много...» (8, 93).

Итак, с небольшой дружиной Дмитрий Иванович ускакал в Переяславль-Залесский и в Кострому, а москвичи стали готовить подобающую встречу непрошенным гостям... Поглядим на эту трагическую историю с обеих сторон: сперва — со стороны осаждающих, потом — со стороны осажденных.

Когда в понедельник 23 августа 1382 года передовые ордынские разъезды увидели Кремль, им даже издали стало ясно, что москвичи полны решимости защищаться. До начала осады оставались сутки, еще ни одна стрела не пролетела над кремлевскими стенами, но их уже окружало сплошное пепелище: москвичи выжгли посады, дабы противник не смог соорудить из домовых бревен «примёты» — мосты через крепостной ров. Промежутки между зубцами на стенах были закрыты дощатыми щитами. На стенах и на башнях стояли люди, готовые к обороне. На следующий день, когда подошли основные силы Тохтамыша, началась осада — ожесточенная и безуспешная.

По приставным лестницам ордынцы лезли на стены — и гибли, сраженные стрелами и мечами. С пронзительными воплями летели они вниз, ошпаренные кипятком. К мечам, стрелам и вару москвичи прибавили оружие грядущих дней: со стен и башен Кремля засверкали и загремели «тюфяки» [1] — огнест-

[1] «Пушки стреляли камнями и мелко изрубленным железом, производя звук «тюфф», поэтому их называли «тюфяками» (В. Шевяков. Подвиг русского народа. М., 1961, стр. 90).

Дмитрий Донской. Портрет из книги «Титулярник» (1672 г.).

Под стенами Москвы — рисунок из летописи.

ральное оружие, впервые примененное русскими воинами; по крайней мере, впервые упомянутое летописцами.

Двое суток длилась осада. Все приступы были отбиты. Белокаменный Кремль действительно оказался неприступным. «Технический перевес был явно на стороне осажденных, — подчеркивает один из авторитетных исследователей истории русского военного дела А. Н. Кирпичников. — Татары смогли противопоставить разнообразным средствам городовой обороны только свой излюбленный прием массированной лучной стрельбы» (12, 17).

26 августа, в четверг, Тохтамыш, потеряв, видимо, всякую надежду на военный успех, решил прибегнуть к хитрости. Ханские парламентеры подъехали к стенам и стали кричать москвичам, что им-де нечего бояться, что хан-де против них зла не держит, а пришел сюда только для того, чтобы наказать за неповиновение князя Дмитрия. Но его в Москве нет, чего же воевать и губить друг друга? Давайте-ка кончим дело миром. Пустите хана в свой город; он его осмотрит и удалится, не причинив зла.

Для успеха в обольщении осажденных потребовалась помощь суздальских князей, и те с готовностью повторили ханские призывы и посулы, всячески напирая на то, что они — христиане. Уж кому-кому, а им-то, православным, мол, верить можно! «И на том слове князь Семен суздальский,— сообщал «Устюжский летописный свод» (М.—Л., 1950, стр. 62),— снем с себе крест и целова москвичем». И москвичи поверили... Поверили тому, чему никак нельзя было верить! Крепостные ворота открылись. Навстречу Тохтамышу вышел крестный ход, во главе которого, как и положено, шествовали священники и монахи с иконами, хоругвями, крестами.

Был полдень 26 августа 1382 года...

Ордынцы только этого и ждали. Сабли их обрушились и на иконы, и на хоругви, и на кресты, и на головы шествовавших с ними, не разбирая — где голова в клобуке, где в мирской шапке. Крестный ход был изрублен и затоптан. Ордынские конники ворвались в Кремль.

Как же могло такое случиться? Почему осажденная Москва открыла ворота?

После отъезда великого князя в городе остались бояре, которых само положение обязывало взять на себя руководство обороной. За два дня до подхода ордынцев в Москву возвратился из поездки по митрополии Киприан. Но ни бояре, ни митрополит «садиться в осаду» никак не хотели и решили бежать из города пока не поздно. Это не могло не вызвать взрыва возмущения среди москвичей и жителей московских посадов и примосковных сел и деревень, укрывшихся от врага за кремлевскими стенами.

И вспыхнуло народное восстание. Ударили в набат — колокола созвали вече. Тысячи людей собрались на главной площади и всем миром постановили: немедля готовить город к обороне, защищать его до конца. Караулы у всех ворот преградили дорогу беглецам. Выпустили лишь митрополита Киприана — наверное, из уважения к сану.

Для успеха обороны нужно было лишь авторитетное слово, сказанное в критическую минуту: «Не верьте! Не открывайте ворот!» Кому, как не митрополиту всея Руси надлежало сказать его участникам обороны, охваченным самоубийственной доверчивостью? Но осажденные не услышали этого слова из уст митрополита. И. Е. Забелин поставил Киприана в один ряд с Олегом рязанским, назвав его «другим виновником несчастья» (8, 96). Академик М. Н. Тихомиров обвинил митрополита в «трусости и почти предательстве», совершенном им «в самые тревожные и опасные дни», в том, что он «позорно бежал из Москвы» (28, 269).

В трагедии Москвы повинны, видимо, не только те, кто бежал, но и те, кто вынужден был остаться в осаде. Сдача Москвы, по мнению М. Н. Тихомирова, «станет понятной, если мы вспомним о черных людях, захвативших власть в Москве. Боязнь народного движения толкала бояр, архимандритов и больших людей, сидевших в осаде, на соглашение с Тохтамышем. Предатели дорого заплатили за предательство и были наказаны вероломством за вероломство» (28, 228).

Последствия Тохтамышева погрома были поистине ужасны. Еще утром в центре Руси стоял большой и богатый город, а к вечеру он перестал существовать. Ворвавшись в Кремль, ордынцы наполнили его трупами и пеплом, не щадя никого. И первыми, как мы уже сказали, пали те, кто, наверное, больше других уповал на чудесную защиту от врага, — священники, монахи и миряне, вышедшие из Кремля крестным ходом. Исторические источники сообщают разноречивые данные о числе погибших — от 10—12 тысяч до 24-х. Кого миновала сабля, тот погиб под ногами обезумевшей от ужаса толпы, которая металась по крохотной кремлевской территории, тщетно пытаясь найти укрытие. Ордынцы выламывали церковные двери и беспощадно вырезали всех, кто надеялся спастись в «жилище господнем». «Остались дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые обгорелые церкви», — так завершил летописец горестный рассказ о Тохтамышевом погроме.

Но была еще одна утрата — гибель несметного числа книг, которые их владельцы принесли в самое надежное, по их представлениям, место — в московские церкви. «Книг было многое множество отовсюду снесено со всего города и из сел, в соборных церквах до сводов наметано, сохранения ради спроважено, то все погибло без остатка» (И. Е. Забелин. 8, 95).

Люди пытались спасти книги... «Характернейший факт! Он говорит о многом. И о высокой культуре древней Руси, и о том, что во время панического бегства из Москвы ряда бояр многие любители книг... думали о спасении книг. А раз их свозили в Москву, значит велика была воля к ее обороне» (Л. В. Черепнин. 31, 646).

Что обратилось в сизый пепел в стенах сожженных ордынцами православных храмов?.. Этого мы никогда не узнаем. Возможно, не один список «Слова о полку Игореве». Возможно, многие иные литературные творения, не уступающие «Слову»... На сколько голов стала ниже древнерусская литература в страшный четверг 26 августа 1382 года?

Проследим, однако, за беглым митрополитом после того, как он выехал из кремлевских ворот. Из Москвы Киприан направился в Волоколамск, где князь Владимир Андреевич тоже собирал силы для отражения Тохтамышева набега. Но здесь владыка пробыл недолго и снова двинулся в путь, на сей раз в Тверь. Как объяснить этот маршрут? Можно предположить, что в Волоколамске Киприана догнала весть о гибели Москвы, и он, решив переменить покровителя, подался к давнему сопернику и противнику Дмитрия Донского — тверскому князю Михаилу Александровичу. Кстати, во владения тверского князя тогда уехал и Сергий Радонежский. «И от Тохтамышева нахожения бежа во Тферь», — сообщает об этом сокращенный летописный вариант его жития (цит. по: 6, 66).

Тохтамышев погром оставил неизгладимый и горчайший след в памяти потомков. Дмитрий Донской вынужден был вновь признать грабительское и кровососное владычество ордынских ханов и отправил послом в Сарай своего старшего сына и наследника Василия Дмитриевича. Тохтамыш оставил великое княжение Владимирское за Москвой, но потребовал за эту «милость» тягчайшую дань. Сокрушительный удар, нанесенный коварным и хитрым ханом, отодвинул на целое столетие то, что, казалось, уже стало долгожданной и радостной реальностью осенью 1380 года, — освобождение Руси от монголо-татарского ига. Окончательно Русское государство сбросило его со своих плеч лишь осенью 1480 года.

Как же дальше сложилась судьба митрополита Киприана?.. Нетрудно представить себе, какие чувства охватили Дмитрия Ивановича, когда он, возвратившись в испепеленную и истребленную Москву, узнал о том, как вел себя митрополит. Еще ветер не развеял дымы на Боровицком холме, еще дожди не смыли кровь с московской земли, а тверской князь Михаил Александрович, гостеприимством и покровительством которого воспользовались и Киприан, и Сергий, уже направил к Тохтамышу посла с богатыми дарами и просьбой передать ему ярлык на великое княжение.

Дмитрий Донской лишил Киприана митрополичьего престола и — уже во второй раз — выдворил за пределы своих владений.

Но и второе изгнание не поставило точку в карьере Киприана. Восемь лет спустя, через год после смерти Дмитрия Донского, он вновь появился в Москве, по приглашению великого князя Василия Дмитриевича, и восседал на митрополичьем престоле вплоть до своей кончины в 1406 году.

8. ПРОВАЛ В ПРОШЛОЕ

Внимание наше до сих пор было обращено главным образом к событиям, которые предшествовали Куликовской эпопее, — и за полтора века, и за полтора года, и накануне битвы. Лишь трагедия Тохтамышева погрома разыгралась позже этого великого исторического рубежа. Заглянем теперь еще дальше — во вторую четверть следующего, XV столетия...

В 1425 году, сразу после смерти великого князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, Русь вступила в мрачную полосу феодальных войн —

эпоху Шемякиной смуты, тянувшейся целых 28 лет.

У Дмитрия Донского, не дожившего и до 39 лет, было 12 детей — 8 сыновей и 4 дочери. Сын — Юрий Дмитриевич звенигородский и внуки, сыновья князя Юрия — Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, сцепились не на жизнь, а на смерть с внуком Дмитрия Донского по другой линии — с великим князем Василием II Васильевичем, сыном Василия I Дмитриевича. На первых порах это была война между племянником и дядей, а после кончины последнего в 1434 году — война между двоюродными братьями, внуками Дмитрия Донского. Смута изобиловала коварством, изменами, «крестоцеловальными» клятвами и немедленным отступлением от них. Враги ослепляли друг друга, подсыпали яд в пищу, подаваемую на княжеский стол. Сперва Василий Васильевич приказал ослепить своего соперника (и двоюродного брата) Василия Юрьевича. А десять лет спустя и Василий Васильевич претерпел такую же расправу.

На втором ослеплении есть смысл остановиться подробнее, ибо оно связано с Троицким монастырем. К этому времени мощи его основателя уже были «обретены» и прославлены и над гробом его поднялся белокаменный одноглавый собор. Строителем Троицкого собора стал князь Юрий звенигородский, крестник Сергия Радонежского и усердный попечитель обители. И вот в феврале 1446 года, в разгар феодальной войны, сюда приехал на богомолье великий князь Василий Васильевич с детьми и немногочисленной свитой. Противники его во главе с Дмитрием Шемякой этого только и ждали. Они ворвались в Кремль и захватили великокняжеский дворец. «Василий II...— прочтем мы в учебнике истории СССР,— был выдан троицкими монахами заговорщикам» (10, 160), и те, по приказу Дмитрия Шемяки, ослепили его, а потом вместе с женой и матерью увезли в ссылку в Углич.

«Расположенный на территории Серпуховско-Боровского удельного княжества, — писал академик Л. В. Черепнин, — Троице-Сергиев монастырь являлся местом пострижения для ряда бояр, часть которых была близка к удельным князьям. Не удивительно, что среди монастырской братии оказались сторонники Дмитрия Шемяки, а самый монастырь стал ареной, где разыгрался наиболее драматический эпизод «Шемякиной смуты» — захват заговорщиками великого князя, который затем был ослеплен в Москве» (31, 793).

Из-за Шемякиной смуты Русь провалилась в собственное прошлое на целое столетие. В злосчастную «вторую четверть» (XV века) повторилось то, что бывало ранее, и случилось то, чего прежде не было.

Снова многотысячные ордынские рати рыскали по Руси, разбойничали, жгли города и села, десятками тысяч угоняли в полон, в рабство. Ордынский правитель Едигей в 1408 году осадил Москву (к счастью, не ворвался в нее), сжег многие города, Троице-Сергиев монастырь. Каждый воин Едигея угнал с собой до сорока пленников. Снова пошла в Орду богатая дань. И снова, как и в прежние времена, Мор, Голод и Пожар, эти свирепые союзники Золотой Орды, помогали ей разорять Русь.

И снова Русь все выдержала, все вынесла. Изумительная, невероятная народная жизнестойкость! Благодаря ей (и только ей!) Русь выстояла в XV веке, как выстояла она в веке XIII, веке XIV, и с каждым годом неотвратимо приближалась к историческому рубежу — осени 1480 года, к знаменитому Стоянию на Угре, ознаменовавшему полное освобождение от золотоордынского ига.

9. ЗАМУТНЕННЫЕ КЛЮЧИ

«Источники», «источники наших знаний» — читаем, слышим, говорим мы, уже и не замечая метафоричности привычного этого слова. Как, впрочем, и сотен иных...

Исторический источник наших знаний о Куликовской битве можно сравнить с ручьем, который, выбившись струйкой из недр былого, разлился широко и полноводно. Родниковые известия о битве на берегах Дона — Краткая летописная повесть, составленная, по мнению Л. В. Черепнина, между 1382 и 1389 годами (см. 31, 619), и поэтическая повесть «Задонщина», в которой видят открытое подражание «Слову о полку Игореве». «Сказание о Мамаевом побоище», воинская повесть, дошедшая до нас во множестве редакций-вариантов, — источник, в который примешано немало церковного елея.

«Повествование в «Сказании», — писал академик А. С. Орлов, — значительно оцерковлено прежде всего усилением роли митрополита, в лице тогдашнего митрополита Киприана, и введением нового персонажа — предсказателя и чудотворца Радонежского игумена Сергия. Оба они руководят «политической моралью» Дмитрия Донского в монашеско-библийском стиле...» (18, 73).

«Что касается сказаний о Мамаевом побоище в различных их редакциях, — отмечал академик М. Н. Тихомиров, — то все они представляют собой сводные тексты. Они носят черты соединения различных произведений: с одной стороны, поэтического произведения, подобного Задонщине, с другой — текста со множеством церковных вставок. Текст такого характера лег в основу или был использован во всех редакциях сказаний о Мамаевом побоище, несмотря на свои явные несообразности... В сказания были включены... повествования легендарного характера. К ним, в частности, принадлежит рассказ о благословении Дмитрия Донского на бой с татарами Сергием Радонежским» (27, 346).

Такого же мнения и академик Л. В. Черепнин: «Идейная направленность данной повести (речь идет о «Сказании», включенном в Никоновскую летопись. — А. Ш.) отличается ярко выраженным церковно-религиозным характером. Соответствуют этой идеологии и вкрапленные в повествование легендарные эпизоды». Историк приводит примеры подобных вкраплений: «В Никоновской летописи содержится... рассказ о посещении Дмитрием Ивановичем 18 августа игумена Троице-Сергиева монастыря Сергия» (31, 605).

Очень интересен и важен проведенный Л. В. Черепниным анализ церковного искажения источников—сведений о Куликовской битве: «Наиболее ранние варианты «Летописной повести» о борьбе русского народа с полчищами Мамая (сохранившиеся в составе Ермолинской и Львовской летописей) отличаются светским характером. Церковно-религиозный элемент присутствует в них в минимальной степени. Так, отмечается, что, перед тем как приступить к сбору ратных сил, великий князь Дмитрий «шед в церковь святую богородицю (речь идет о древнем Успенском соборе. — А. Ш.) и многу молитву сотвори», а перед выступлением в поход опять «помолися церкви святые богородица и благословися у епископа Герасима».

Как видим, речь идет о самых обычных, традиционно-привычных ритуалах: два молебна в кремлевской церкви, благословение у епископа, который, как полагают, был в то время местоблюстителем митрополичьего престола, ибо Киприан, изгнанный за два года до этого, сидел в Киеве, а «нареченный митрополит» Михаил уехал в Византию.

«Главным действующим лицом является здесь (в самых ранних редакциях «Летописной повести». — А. Ш.) сам московский князь с его «воями», — продолжал Л. В. Черепнин. — Перед нами воинская повесть, чуждая узко религиозной направленности. И это не случайно. Вероятно, первоначальное восприятие Куликовской битвы в широких общественных кругах конца XIV в... сводилось к тому, что это — победа, которую одержало русское воинство... Упор делается на силу, множество, мужество «воев», ведомых князем. Эта историческая концепция, близкая народному сознанию, перерабатывается в дальнейшем книжниками, принадлежавшими к церковным кругам. Они выдвигают на первое место... деятелей русской церкви...» (31, 605—606)... Сергия Радонежского, который, по всей вероятности, пребывал в Троицком монастыре, и митрополита Киприана, который жил в далеком Киеве.

«И князь великий Дмитрий Иванович... — повествует «Сказание о Мамаевом побоище»,—пришел к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: «Знаешь ли, отец наш, предстоящую для нас беду великую, что безбожный царь Мамай идет на нас с непрестанной своей яростью?» Митрополит же сказал великому князю: «Скажи мне, господин, чем ты перед ним провинился?» Князь же великий сказал: «Тщательно я проверил, отче, что все дал ему, по обычаю наших отцов, и даже больше». Митрополит же сказал: «Видишь ли, господин, попущением божьим, ради наших согрешений идет он захватить землю нашу, но вам, князьям православным, подобает этих нечестивых дарами удовлетворить вчетверо (!)» (20, 248—249).

Любопытное напутствие, не правда ли?..

После фантастического «свидания» с митрополитом, находившимся в это время за 700 верст от Москвы, Дмитрий Иванович вместе с другими князьями отправился «к живоначальной Троице на поклон к отцу своему, преподобному старцу Сергию». Троицкий игумен перед расставанием «сказал ему тайно «Победишь, господин, своих врагов...» Слова эти, по возвращении в Москву князь Дмитрий передал Киприану, который «велел ему эти слова хранить в тайне и не говорить никому» (20; 251, 252, 253).

Наставляющий и благословляющий Киприан действует в «Сказаниях» вместе с наставляющим и благословляющим

Сергием. Версия о деяниях митрополита как бы обрамляет картину — версию о деяниях игумена Троицкой обители... Не заставляет ли такая рамка более критически взглянуть на картину или уж, по меньшей мере, более осторожно отнестись к тому, что на ней изображено?

Кстати, о «перемещении» Киприана из Киева в Москву летом 1380 года. Размышляя над побудительными мотивами этого вымысла, Л. В. Черепнин усмотрел один из них в стремлении поправить репутацию митрополита после его бегства из Москвы в дни Тохтамышева набега. «Он (Киприан. — **А. Ш.**) не проявил в это время мужества, чуть не стал жертвой народного гнева, а в конце концов ему удалось ускользнуть из Москвы. Ему надо было себя реабилитировать. И вот в «Сказании» под влиянием кого-то из сторонников Киприана появляется сообщение о патриотических поступках митрополита в год подъема народно-освободительного движения в 1380 г.» (31, 621).

Исторические искажения действуют наподобие рычага с опорой посередине: если поднимается одно плечо — опускается другое. Иными словами, если, вопреки исторической истине, кого-то превозносят, прославляют, то кого-то другого или других — принижают.

Напомнив о легенде, запечатленной в «Сказаниях о Мамаевом побоище» и изображающей князя Дмитрия Ивановича в неприглядном виде (не только не руководил сражением, но и, по существу, даже не участвовал в нем, покинув после ранения поле брани и пролежав всю битву под березой), М. Н. Тихомиров охарактеризовал эту версию как «своего рода памфлет, направленный против великого князя»... «Дмитрий Донский изображен почти трусом. Это — сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием». И далее: «Большое количество церковных ссылок помогает выявить автора этого памфлета. Скорее всего это митрополит Киприан, с которым враждовал Дмитрий Донской. В наиболее ранних источниках нигде не говорится, что великий князь Дмитрий оставил поле сражения и лежал, раненный и оглушенный ударами, под березой. Это — выдумка, сочиненная в кругах, враждебных Дмитрию, вероятно уже после разорения Москвы татарскими полчищами в 1382 г. Клевета оказалась живучей и ядовитой, и долг историков доказать, что Дмитрий Иванович по достоинству получил прозвище Донского» (27; 346, 370, 372).

Так ездил или не ездил князь Дмитрий Иванович в обитель преподобного Сергия перед тем, как выступить в поход против Мамая?

Обратимся для начала к «Задонщине»... О Сергие Радонежском и его благословении там — ни слова, ни намека. Летописная повесть упоминает лишь о грамоте, посланной Сергием вдогонку русскому войску и врученной Дмитрию Ивановичу на берегах Дона, на пороге битвы, когда холодный, предгрозовой ветер уже веял с просторов Куликова поля в лица русских воинов, объятых решимостью сражаться насмерть и победить. Была ли такая грамота или нет, успела она прийти на Дон до начала битвы или нет — это уже не имело значения: битва фактически началась.

Ну, а поспешная поездка московского князя в Троицкий монастырь в августе 1380 года?.. Мы согласны с мнением Л. В. Черепнина: «Отрицать возможность такого визита... нет основания» (31, 606). В конце концов, суть полемики — не в вопросе об исторической достоверности этого эпизода. Нельзя согласиться со стремлением представить его событием исключительного, предопределительного характера... Что же касается такой поездки, то она могла быть, могла и не быть.

Предположим, что рассказ о поездке великого князя Дмитрия Ивановича накануне выступления в поход против Мамая в Троицкий монастырь, к игумену Сергию — достоверен. В таком случае многочисленные вариации этой версии, встречаемые в последние годы на журнальных и книжных страницах, нуждаются в существенных поправках и уточнениях.

Начнем с настроения князя Дмитрия во время пребывания его в обители преподобного Сергия. Князь — весь в движении навстречу врагу, в целеустремленном порыве как можно скорее сразиться с ним. Попросту говоря, Дмитрий Иванович очень спешил, и Сергий едва упросил его задержаться в обители еще на час-другой. Все это никак не вяжется с версией о смятении души, неуверенности и т. п.

«По окончании же литургии святой Сергий со всею братьею просил великого князя, чтобы он вкусил хлеба в доме живоначальной Троицы, в его обители. Великому же князю было это затруднительно, потому что пришли к нему вестники, и что уже приближаются поганые татары, и он просил преподобного, чтобы тот его отпустил» («Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция. 20, 252).

«По окончании же литургии просил его (Дмитрия Ивановича. — **А. Ш.**) Сергий со всею братиею, чтобы князь великий вкусил хлеба у святой Троицы, в обители. Великому же князю некогда было, потому что пришли вестники... что приближаются татары» («Сказание о Мамаевом побоище» по Забелинскому списку. 20, 298—299).

Церковный историк Е. Е. Голубинский тексты эти, разумеется, прекрасно знал и писал в точном с ними соответствии: «Великий князь приезжал к преподобному на спех, — за день или в самый день своего выхода из Москвы против неприятеля... так что хотел отбыть из монастыря тотчас по окончании преподобным молебствования, тем более, что во время пения преподобным молебна к нему (государю) пригоняли вестники с докладами о движении неприятеля и с предупреждением торопиться» (6, 61).

В последнее время в художественной литературе и в публицистике приходится встречать, к сожалению, иные картины. Примеры тому мы уже приводили. Вот еще один — обширный роман М. Рапова «Зори над Русью» (М., 1971). Автор развернул версию о поездке московского князя в Троицкий монастырь на нескольких страницах (глава «В часы трудных дум» заключительной главы романа)... По приказу Дмитрия Ивановича русские полки стягиваются в Москву и Коломну, а сам великий князь вроде бы уже и не рад, что затеял все это дело, которое — чуть ли не за день до выступления в поход против Мамая — представляется ему весьма рискованным, если не безнадежным.

«Дмитрий перебирает в уме грады, княжества, земли...

Торопливо вспоминает Дмитрий, откуда еще идут полки, и все то же страшное, короткое слово бьет его: «Мало!»

Как стрела с обратными шипами вонзится в тело и не вырвешь ее, так и слово это: «Мало! Не хватит сил!..»

Дмитрий снова заходил из угла в угол, думал все то же: «Не хватит русских сил! Не хватит!» Так и бродил всю ночь, а едва забрезжил рассвет, велел седлать коня. Старая, с детства оставшаяся привычка погнала его в Троицу...»

«В Троицу» — значит в Троицкий монастырь.

Сергий Радонежский спрашивает гостя:

— Говори, сомнения одолели?

— Одолели, — признается Дмитрий Иванович и, словно в оправдание свое, жалуется:

«— Отче, сил у Мамая вдвое больше собирается (кстати, тогда знать этого Дмитрий просто не мог. — **А. Ш.**)... Не устоим, что тогда? Что с Русью будет?..

Дмитрий опустился на лавку, поник головой.

— На каждый наш меч три вражьих! Три!..

Глубоко запавшими глазами вглядывался он (Сергий. — **А. Ш.**) в лицо князя, по которому, как тени от туч над полями, пробегали сумраки мыслей, сомнений, тревог...

А Сергий твердил:

— Не считай вражьи мечи! Не считай! В сердца людей смотри, а мечи — железо мертвое!

— Как не считать? Железом этим живые сердца пронзают.

— Пронзают, княже! Но много ныне на Руси сердец, готовых, не дрогнув, удар железа встретить...»

Речь Сергия переходит в патетический регистр:

«— За Русь! За Русь!..

— Нет иного пути! — повторял он. — Только мечом поразит народ иго!

Настал час для Сергия Радонежского, когда слово его мечом стало» (стр. 690—693).

Далее — об иноках, опоясанных мечами... Уход на битву двух иноков Троицкого монастыря — Александра Пересвета и Андрея Осляби — одна из самых популярных подробностей легенды о Сергиевом благословении, а поединок Пересвета с татарским богатырем на поле Куликовом — один из самых известных эпизодов Куликовского сражения.

Кто же ушел из Троицкой обители к верховьям Дона — монахи или воины?

Писатель Д. Жуков православные монастыри XIV века представляет в роли неких армейских центров и арсеналов, где «копилось... оружие и обучались воины», — в роли «училищ для подготовки офицерского корпуса русской армии» («Новый мир», 1978, № 7, стр. 216). Не обнаружив никаких подтверждений этому в исторических источниках и исследованиях, поневоле задаешься вопросом: что же все-таки имел в виду автор, называя монастыри «офицерскими училищами»? И не находишь иного объяснения, кроме истории о Пересвете и Ослябе.

Да, они ушли из монастыря офицерами русской армии, но только потому,

что и пришли в монастырь офицерами русской армии. Не в монастырских стенах обрели и закалили они свое ратное искусство, а за их пределами — «в миру», откуда — по каким-то личным причинам — пришли они в монастырь и приняли постриг. Об этом говорят исторические источники: «Они известны были как великие наездники в ратные времена,— сообщает о Пересвете и Ослябе, к примеру, «Сказание о Мамаевом побоище» (по Забелинскому списку), — Андрей сотню гнал, а Александр двести гнал, когда сражались» (20, 299).

Даже церковные издания, заглавия которых красноречиво свидетельствуют об их откровенном религиозно-пропагандистском предназначении, — старались придерживаться этих первоисточников. «Их (Пересвета и Осляби. — **А. Ш.**) мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех на свежей памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри, и люди, весьма опытные в воинском деле» («Участие преподобного отца нашего Сергия в событиях 1380 года, положивших начало освобождению России от татарского ига». Издание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1880, стр. 6).

И, наконец, о грамоте вдогонку... Скорее всего «своеручная грамота» троицкого игумена и была единственным его напутствием. Слишком скорыми были сборы князя Дмитрия в поход, слишком много забот было у него, слишком долог — по тем временам — путь от Москвы до Троицкого монастыря в такие напряженные дни[2].

Некоторые историки и литераторы полагают, что гонцами, доставившими игуменское послание московскому князю, и были Пересвет и Ослябя. Та единственная фраза из Сергиевой грамоты, которую летописи донесли до нас («Чтобы ты, господин, пошел, поможет тебе бог и святая богородица» — 20, 231), дает основание думать, что Сергий надеялся на вручение своего послания еще в Москве.

Летописная повесть о побоище на Дону говорит о Сергиевой грамоте сдержанно: «Великий же князь пришел к реке Дону за два дня до рождества святой богородицы (то есть 6 сентября. — **А. Ш.**). И тогда подоспела грамота от преподобного Сергия и от святого старца благословение, в ней было написано благословение биться с татарами...» (20, 231). Как видим, ни малейшего намека на то, что это вторичное благословение.

10. НАНОСЫ ВЫМЫСЛА

В геологии есть понятие «аллювий». Значение его достаточно ясно раскрывает латинское слово, от которого этот термин происходит: нанос, намыв. Аллювиальными отложениями называют пласты гальки, песка, намытые реками в их руслах и поймах... Можно сказать, что полноводный поток истории намывает на коренные породы действительных событий наносы всевозможных легенд, домыслов и вымыслов. Исторический аллювий, к которому необходимо относиться предельно критично. Куликовская битва, естественно, не составляет здесь исключения — целая цепь легенд протянулась через всю эту эпопею.

Начнем с Сергиева креста... В старые времена, в музее Киевской духовной академии, на самом почетном месте красовался напрестольный крест, которым, по мнению ученых мужей означенной высшей церковной школы, преподобный Сергий и благословил на брань с Мамаем московского князя. Это подтверждала якобы и надпись на окладе: «Сим крестом благословил преподобный игумен Сергий князя Дмитрия на погана царя Мамая и рек: сим побеждай врага. В лето 1380 августа 27 дня».

Е. Е. Голубинский прямо назвал эту реликвию фальсификацией. «Преп. Сергий мог благословить великого князя в смысле дарения крестом тельным, но с какой бы стати он благословил его крестом напрестольным?» — удивлялся он по сему поводу и продолжал: «Надпись на кресте (сделанная не особенно искусным филологом и археологом) не древнее XVIII-го века, а очень может быть, что даже XIX века» (6, 63).

Напрестольный крест, которым Сергий Радонежский якобы благословил князя Дмитрия при посещении им Троицкого монастыря,— не единственная «реликвия» Куликовской эпопеи, сфабрикованная церковью. Помимо Сергиева креста, был еще и Сергиев костыль, который хранили и демонстрировали насельники Голутвина монастыря под Коломной, уверяя, что его принес один из питомцев Сергия — основатель их обители. Вполне возможно, что голутвинские монахи распространяли среди богомольцев и другие сказания. Об этом позволяет судить одна из легенд, опубликованных в «Русских преданиях», собранных и изданных М. Н. Макаровым. Согласно преданию, с этим «путевым костылем» уже сам Сергий пришел на поле Куликово, дабы поздравить великого князя с победой (см.: 17, 94).

Был и Пересветов костыль. Этой суковатой яблоневой палкой владели иноки Дмитриевского монастыря неподалеку от города Скопина на Рязанщине. Монастырские предания (см.: 22, 10—17) следующим образом объясняли появление этой «реликвии» в обители. В походе на Мамая Пересвет и Ослябя, вместе со своими дружинами, дабы не утомлять себя кружным маршрутом, по которому — в обход Рязанского княжества — двигалось войско во главе с Дмитрием Ивановичем, отправились более коротким путем, через те места, где стоит ныне город Скопин. Переночевав там в келье некоего отшельника, Пересвет оставил ему в знак благодарности за гостеприимство свой походный костыль...

А как оказался в этих местах Дмитрий Донской? Церковное предание пытается ответить и на этот закономерный вопрос: обратно, мол, великий князь шел уже кратчайшим путем — прямо на Коломну и, пройдя от поля Куликова 45 верст, повелел разбить лагерь как раз на той самой горе, где потом и вырос монастырь, князем основанный и в честь его названный.

Но стоит лишь взглянуть на географическую карту, чтобы воочию убедиться в том, что кратчайший путь с поля Куликова в Коломну отнюдь не пролегает мимо города Скопина. Если двигаться с поля Куликова в сторону Москвы по прямой, то надо идти на северо-запад, а Скопин лежит в 60 километрах к востоку от поля битвы. Зачем нужно было войску, изнуренному битвой, обремененному сотнями раненых, которых везли на телегах, накануне холодов и осенних дождей, «забирать вбок», вместо того чтобы идти прямо на Москву?..

«Свою победу над татарами великий князь приписывал заступлению богоматери. И не один великий князь думал так, но и все русские люди... После битвы пленные татары (откуда появились сведения о пленных татарах? — **А. Ш.**) объясняли свое поражение видением молниеносного полка, который шел на войско Мамая под водительством грозной небесной воительницы». Текст этот взят из брошюры «Донская икона божией матери», изданной в Москве в 1911 году «по благословению высокопреосвященнейшего архиепископа Алексия, управляющего Донским ставропигиальным монастырем» и посвященной одной из самых знаменитых «чудотворных» икон русского православия (стр. 7). По легенде, великий князь Дмитрий Иванович повелел вынести ее на поле битвы, этим и объясняется название иконы.

«В сказаниях, повестях, «Словах» и «Поучении», посвященных Донской Богоматери, говорится о том, что донские казаки поднесли московскому князю Дмитрию Иоанновичу «в дар и в помощь против врагов» перед битвой икону с изображением Богоматери с младенцем и Успения».

Прежде чем указать источник, из которого позаимствована эта цитата, следует дать историческую справку. Донское казачье войско «возникло в середине 16 века (то есть, почти через два столетия после Куликовской битвы. — **А. Ш.**), главным образом из русских и украинских крестьян, бежавших на Дон от феодального гнета» («Советская историческая энциклопедия», т. 5, стлб. 305).

А теперь — об издании, без оговорок сообщившем выдумку о подарке донских казаков московскому князю Дмитрию Ивановичу. Она взята из пояснительного текста искусствоведа Н. Салько к альбому «Памятник, овеянный славой Куликовской битвы (Икона «Богоматерь Донская»)», вышедшему в ленинградском издательстве «Аврора» в 1978 году.

Если некоторые искусствоведы полагают, что их дело — просто воспроизвести церковные версии с фотографической точностью (вплоть до орфографии: богоматерь — с прописной, хотя слово это отнюдь не является собственным именем), — то с ними, по моему глубочайшему убеждению, никак нельзя согласиться. Тем более, что в подобном духе автор пояснительного текста повторяет и фактически пропагандирует также и религиозные идеи. «Рассказывается и о том, — продолжает Н. Салько, — как она (икона «Богоматерь Донская». — **А. Ш.**) сопутствовала ему (Дмитрию Донскому. —

---

[2] Основательный дореволюционный исследователь истории Куликовской битвы Иван Афремов высказал по сему поводу весьма резонное предположение: «С достоверностию должно принять, что Димитрия и все Московское воинство напутствовал благословеньем единственно оставшийся тогда в Москве архиерей,— Крутицкий епископ Матфей... вместе с преподобным игуменом Сергием Радонежским, имевшим также в Москве собственную обитель в старом Симонове; где и погребены потом сподвижники Донского,— герои-иноки Пересвет и Ослябя» (2, 9).

Икона «Богоматерь Донская».

А. Ш.) во время битвы с Мамаем, помогла одолеть врагов...»

К сожалению, церковную версию повторяет и пропагандирует не только этот красочный альбом. Годом раньше в Москве была издана брошюра «Коломна», написанная Г. П. Ефремцевым и Д. Д. Кузнецовым. «Овеяна легендой и судьба этой иконы, — читаем на стр. 22. — Существует предание, что на Куликово поле перед сражением с Мамаем прибыл отряд донских казаков с иконой Донской богоматери. Они якобы убедили князя Дмитрия Ивановича в том, что икона поможет разгромить врага, как не раз (это уже что-то новое по сравнению с церковными изданиями. — А. Ш.) помогала им. Дмитрий согласился поставить икону на середину поля».

Все это противоречит не только историческим фактам, но и исследованиям советских искусствоведов, знатоков древнерусской живописи. «Несомненно, что эта икона была написана не раньше 1392 года и лишь впоследствии измышлениями московских книжников конца XVII века создалась легенда, выводившая ее с поля Куликовской битвы», — таково, к примеру, мнение известного советского искусствоведа В. Антоновой, высказанное в статье о древнерусском иконописце Феофане Греке, которому предание приписывало создание «Донской богоматери». «Если бы Донская действительно являлась реликвией первой победы над татарами, имевшей переломное значение, — продолжает В. Антонова, — то именно о ней вспомнили бы в 1395 году в связи с угрозой нашествия Тамерлана на Москву. Однако этого не произошло: из Москвы послали за Владимирской, а о Донской, мемориальном произведении, созданном всего за три года до этого, никто и не знал. Вероятно, эта икона не называлась тогда Донской» (1, 15).

«Донская богоматерь» — не единственная икона, которую церковь связывает с Куликовской битвой. И по сей день «Православный церковный календарь» упоминает в июле (по старому стилю) богородичную икону, именуемую Гребенской или Гребневской, указывая при этом и год ее «обретения» — 1380-й. По церковной версии, на обратном пути войско Дмитрия Донского проходило через город Гребни (или Гребень), расположенный на реке Чир — притоке Дона, и жители этого города преподнесли московскому князю в подарок икону (см.: 23, 460)... Придется еще раз обратиться к географической карте. Река Чир, действительно, приток Дона, впадающий в него в 650 километрах к югу от Куликова поля. Как могло случиться, что Дмитрий Донской двинулся в диаметрально противоположном направлении и зашел столь далеко в глубины ордынских владений, где его обескровленную рать ожидала неминуемая гибель?

И эту очевидную церковную выдумку слово в слово воспроизводит автор пояснительного текста в уже упомянутом выше альбоме «Памятник, овеянный славой Куликовской битвы». «Икону Гребневской Богоматери, так же как икону Донской, предание связывает с Куликовской победой. Согласно преданию, когда Дмитрий Иоаннович возвращался после победы над Мамаем, гребневские казаки у реки Чири, впадающей в Дон, поднесли ему икону».

Что это еще за «гребневские казаки» на Дону? История знает гребенских казаков, которые в XVI веке обосновались в горах Северного Кавказа (отсюда — и название: гребнем выходцы из России называли горный хребет). Позднее гребенские казаки переселились на берега Терека и были воспеты молодым Львом Толстым в повести «Казаки».

Если две первые иконы — Донская и Гребневская, согласно церковным легендам, были Дмитрию Донскому преподнесены, то третий «образ» возник в воздухе, подобно некоему миражу.

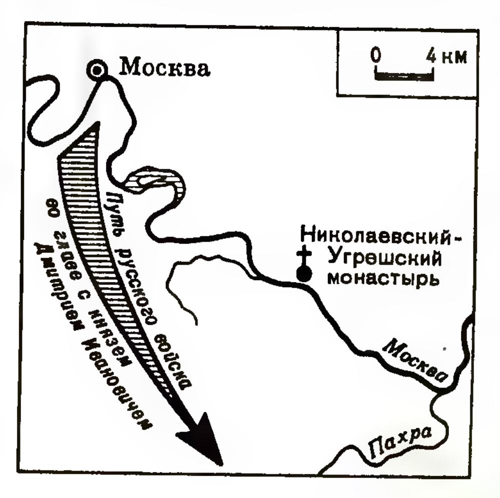
За южной чертой современной Москвы, на левом москворецком берегу, в поселке Дзержинский, и ныне высятся строения старинного Николаевского-Угрешского монастыря. Много повидали они на своем веку. В Угреше укрывался Лжедмитрий II, здесь терзали в застенках участников Медного бунта 1662 года, в промозглом узилище этой обители томился протопоп Аввакум... «Николаевский» — значит в честь Николая чудотворца, Николы угодника. На сей раз этот чрезвычайно популярный в православии святой выступает своего рода соперником Сергия Радонежского, выполняя, согласно церковной легенде, ту же роль, которую другая церковная легенда приписывает троицкому игумену.

Как гласит николо-угрешское предание, великий князь Дмитрий Иванович по пути к Коломне остановил полки для первого походного ночлега на том самом месте, где суждено было вскоре возникнуть этому монастырю. И вдруг увидел он над высокой сосной икону Николая-чудотворца, парящую «в чудном звездном сиянии». «Знамение» было как нельзя более кстати. «Когда великий князь вел свои войска на приближавшегося врага Руси — Мамая и, смущаемый сомнением на счет исхода войны... был так обрадован этим видимым проявлением благоволения божия, что воскликнул, внезапно оживленный

надеждою, что «сия вся угреша сердца его»... (29, 4). «Угреша» — значит «согрела».

Как известно, колонна, предводительствуемая Дмитрием Ивановичем, двинулась к Коломне через село Котлы. То место, где расположена Угреша, находится далеко на восток от Котловской дороги. Зачем же надо было Дмитрию Ивановичу на первом же переходе значительно уклониться влево да еще переправляться через Москву-реку, с правого берега на левый? И дороги, и речные переправы (особенно — для войска) в ту пору были очень трудны.

Если верить легенде о «вдохновлении» и «ободрении» князя Дмитрия на москворецком берегу, то от легенды о Сергиевом благословении вообще при-

дется отказаться. По николо-угрешскому преданию, Дмитрий Иванович увидел икону над сосной 9 августа, уже двинувшись в поход. А по легенде о Сергиевом благословении, он побывал в Троицком монастыре 18 августа (если — не позже), до выступления в поход. Концы с концами не сходятся...

И, наконец, последняя церковная версия — так называемая Димитриевская родительская суббота (субботний день перед днем памяти общеправославного святого Димитрия Солунского — 26 октября по старому стилю). По утверждению церкви, поминальная суббота эта была установлена Дмитрием Донским вскоре после возвращения с поля Куликова для вечного поминовения потомками павших в битве с Мамаевой ордой. «Церковь не забыла павших за общерусское дело, — с гордостью провозглашает один из современных церковных авторов, — с тех пор по всей России стали совершать панихиды по воинам в «Димитриевские субботы» («Журнал Московской патриархии», 1962, № 7, стр. 34).

Но так ли это?.. Выслушаем мнение Е. Е. Голубинского: «Это очень сомнительно. Достоверных свидетельств, чтобы поминание Димитриевской субботы было установлено Дмитрием Ивановичем, вовсе нет, а между тем записи об этом поминании говорят вовсе не о поминании воинов, павших в Куликовской битве, а об обыкновенном «вселенском» или годовом поминании всех православных христиан... Вопрос о Димитриевской субботе пока остается нерешенным и, как говорят, открытым вопросом... Поминовение умерших пред Димитриевым днем есть и у болгар... В России она есть не только у великороссов, но и у малороссов и белоруссов... а это говорит против ее учреждения Дмитрием Ивановичем Донским» (6; 64, 65).

Надо сказать, что подобные легенды рождаются и в наши дни...

«...Строптивых наказывал своей властью, — читаем в повести Д. Жукова «Владимир Иванович». — Когда нижегородский князь отказался присоединиться со своей дружиной к московскому войску, Сергий закрыл все церкви в городе, обратился к чувствам народа и заставил князя опомниться» («Новый мир», 1978, № 7, стр. 216).

Посещение Сергием Радонежским Нижнего Новгорода в 1365 году было вызвано отнюдь не отказом тамошнего князя «присоединиться с дружиной к московскому войску». Конфликт был совсем иного рода: схватка двух братьев — суздальско-нижегородских князей в борьбе за обладание этим богатым поволжским городом, оставшимся без хозяина после смерти третьего, старшего брата.

Посмотрим, что сказано по этому поводу в трудах Е. Е. Голубинского. В книге «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра» он писал: «В 1365-м году поссорились между собою князья Суздальские Дмитрий и Борис Константиновичи из-за того, что младший брат захватил Нижний-Новгород, оставшийся после третьего умершего брата, и не хотел уступать его старшему брату. Дмитрий обратился с жалобой на Бориса к великому князю Московскому Димитрию Ивановичу и к митрополиту Алексию, который в малолетство великого князя... был правителем государства. Великий князь и митрополит... отправили в Нижний-Новгород к Борису преподобного Сергия, при чем митрополит поручил Сергию, в случае упорства Бориса, затворить в Нижнем все церкви или наложить на город церковное отлучение... Борис не внял увещаниям Сергия и даже не хотел покориться и после того, как этот, согласно поручению митрополита, затворил в Нижнем церкви (он покорился, когда вслед затем было выслано против него Московское войско)» (6, 60).

Итак, перед лицом княжеских междоусобиц оказался бессильным духовный авторитет Сергия, и миссия его в Нижний Новгород окончилась провалом. Сергий отнюдь не «заставил опомниться» князя, который отказался «присоединиться с дружиной к московскому войску» (такая задача перед ним вообще не стояла), но не смог достичь и куда более скромной цели — прекращения внутрисемейной распри.

11. ПАТРОН ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА

«Не Сергий создал лавру, а лавра в процессе своего развития создала культ Сергия», — заметил Г. Костомаров, один из советских историков (14, 10). Иными словами, самая богатая, влиятельная и знаменитая православная обитель стала такой отнюдь не благодаря «великому духовному подвигу» Сергия Радонежского, а, наоборот, Сергий был целенаправленно и настойчиво прославлен этим монастырем. И этого удалось достичь прежде всего потому, что преподобному Сергию суждено было стать покровителем царствующего дома, вернее сказать — двух состыкованных Смутным временем российских династий: Рюриковичей и Романовых. «Государи признали в преподобном Сергии нарочитого патрона или покровителя Русской земли и своего собственного и нарочитого ходатая за землю и за себя перед богом», — подчеркивал Е. Е. Голубинский (6, 387).

Из великого множества фактов, это подтверждающих, остановимся лишь на так называемых троицких походах — ритуальных и традиционных паломничествах «к преподобному Сергию», которые совершали российские цари, императоры и императрицы.

Колоритное описание одного из таких паломничеств — «богомольного похода», предпринятого царем Алексеем Михайловичем, прочтем мы в книге известного дореволюционного москвоведа И. М. Снегирева «Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву лавру» (М., 1856). Автор воспроизводит рассказ очевидца — одного из иностранцев, наблюдавших троицкий поход в 1675 году: «Государева карета запрягалась в шесть или в двенадцать лошадей; подле нее и за нею ехали верхами ближайшие бояре, окольничьи, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчие, спальники... За царевым поездом следовал царицын; свита царицына также отличалась многочисленностью и великолепием» (стр. 36).

Троицкое паломничество Екатерины II трудно воспринимать иначе, как сатиру на хваленую православную набожность «матушки-государыни», кстати сказать, написавшей житие преподобного Сергия... Вереница золоченых карет отправлялась утром за Крестовскую заставу. Императрица выходила из экипажа и, в окружении придворных, шествовала по тракту. Кареты, обогнав неторопливое шествие, поджидали компанию в условленном месте. Все вновь усаживались в экипажи и катили обратно в Москву для отдыха. На следующий день экипажи доставляли паломников к тому месту, где был прерван «подвиг пешего странствия», и царица со свитой вновь проходила несколько верст, чтобы вечером возвратиться в свои покои.

Канун 500-летия Куликовской битвы совпал, с одной стороны, с 25-летием царствования императора Александра II, а с другой — с апогеем самоотверженной борьбы горстки героев-народовольцев против российского самодержавия. Ровно за семь месяцев до 500-летия Куликовской битвы, в нача-

Царь Алексей Михайлович начинает паломничество в Троице-Сергиев монастырь из подмосковного села Преображенского.
Рисунок М. В. Нестерова.

ле феврале 1880 года, Зимний дворец был потрясен мощным взрывом. Степан Халтурин, сумевший устроиться под чужой фамилией в столярную мастерскую дворца, взорвал динамитный снаряд в тот час, когда император должен был трапезовать в одной из гостиных («его величество» изволил опоздать к обеду). А раз «пронесло» — надо говорить о чуде. К этой кампании «подключена» была и тень первого троицкого игумена: «Святой отче Сергий, защити Александра Николаевича, как защитил когда-то Дмитрия Ивановича!»

Минуло 12 лет, подошел новый юбилей — 500-летие со дня смерти Сергия Радонежского. Страницы церковных и светских изданий заполнились статьями и проповедями во славу Сергия — «великого поборника веры и благочестия, отчизнолюбца, споспешника отечественному оружию, миротворца и чудотворца». В Москве торжественно закладывают и еще более торжественно освящают новые храмы во имя преподобного Сергия. К 1916 году в городе было около пятидесяти посвященных Сергию церквей и престолов.

...Николай II отбыл в обитель преподобного Сергия через несколько дней после коронации в мае 1896 года... Перефразируя известное латинское изречение, можно сказать, что времена меняются и паломничества меняются вместе с ними. Последний самодержец покатил «к Троице» в специальном поезде. Подробное описание этого богомолья дали все тогдашние газеты, в том числе — и «Московский листок» (23 мая 1896 года). Мое внимание привлек один характерный эпизод:

«При входе в архиерейские покои староста общества хоругвеносцев Сергиева посада... поднес их императорским величествам художественно исполненную из кипариса резную икону с изображениями: св. Троицы, св. Николая чудотворца и царицы Александры («ангелы» царствующей четы. — А. Ш.) и св. Сергия, благословляющего великого князя на войну с Мамаем».

Площадь Ногина (бывшая Варварская) в Москве. Церковь «Всех святых на Кулижках»... Она поставлена была по повелению Дмитрия Донского сразу после возвращения русского войска в Москву с поля Куликова в память о всех воинах, погибших в битве с полчищами Мамая.

●

Нет более патриотического взгляда на прошлое родного народа, чем взгляд с позиций научно-материалистических. Это мировоззрение провозглашает основной движущей силой и главным героем истории трудовой народ, поднимает и возвеличивает рядового человека — крестьянина, ремесленника, каменщика, воина, охотника-землепроходца.

Вернемся еще раз к державинским строкам, которыми было начато это повествование и которыми его хочется и закончить.

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Нет, не утонула в этой пропасти священная память о подвиге наших далеких предков — крестьян, ремесленников, воинов и военачальников XIV столетия. Подвиге национального самоспасения.

ИСТОЧНИКИ

1. **В. Антонова.** О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове. «Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования», т. II. М., 1958.
2. **Иван Афремов.** Куликово поле. М., 1849.
3. **С. В. Бахрушин.** Дмитрий Донской. Ташкент, 1942.
4. **И. У. Будовниц.** Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966.
5. **Е. Е. Голубинский.** История русской церкви. Период второй, московский, т. II, первая половина тома. М., 1900.
6. **Е. Е. Голубинский.** Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909.
7. **И. Б. Греков.** Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.
8. **И. Е. Забелин.** История города Москвы, ч. I. М., 1905.
9. «История Москвы», т. I. М., 1952.
10. «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века» (под редакцией Б. А. Рыбакова). М., 1975.
11. **Н. М. Карамзин.** История Государства Российского, т. V. СПб., 1817.
12. **А. Н. Кирпичников.** Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
13. **В. О. Ключевский.** Очерки и речи. М., 1913.
14. **Г. Костомаров.** Бог и его подвижники. М., 1930.
15. **Н. И. Костомаров.** Деятели русской церкви в старину. Мюнхен, 1922.
16. **Д. С. Лихачев.** Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (Конец XIV — начало XVI в.). М., 1946.
17. **М. Н. Макаров.** Русские предания. Вып. II. М., 1838.
18. **А. С. Орлов.** Героические темы древней русской литературы. М. — Л., 1945.
19. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. II. М., 1953.
20. «Повести о Куликовской битве». М., 1959.
21. **А. Е. Пресняков.** Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
22. **П. П. Розанов.** Местные предания о Куликовской битве. «Университетские известия». Киев, 1875, № 9.
23. **С. Снессорева.** Земная жизнь пресвятой богородицы и описание святых чудотворных ее икон. СПб., 1909.
24. **Пл. Соколов.** Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
25. **С. М. Соловьев.** История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960.
26. **М. Н. Тихомиров.** Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Дмитрий Донской. М., 1944.
27. **М. Н. Тихомиров.** Куликовская битва 1380 года. В кн.: «Повести о Куликовской битве». М., 1959.
28. **М. Н. Тихомиров.** Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.
29. «Угреша. Историческое описание Николаевского-Угрешского общежительного монастыря». М., 1881.
30. **Филарет** (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Жития святых, чтимых православною церковию, том «Сентябрь». СПб., 1892.
31. **Л. В. Черепнин.** Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

А. ХАРЬКОВСКИЙ

АСТЕРОИД «ПОД СЕДЛОМ»?

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ХИЛИАСТЫ

Последнее наказание погрязшему в грехах человечеству, устрашает религиозное учение, — «конец света» и «страшный суд». Лишь только избранные и непорочные будут спасены. «Концу света» будто бы должны предшествовать «небесные знамения». Так, в евангелиях от Марка и Матфея говорится, что именно тогда, перед «концом света», «звезды спадут с неба». Однако известно, что на Землю уже не раз падали небесные камни. Еще римский историк Аппиан рассказал о небесном камне, который фригийцы и финикийцы почитали как мать всех богов, а римский ученый Плиний Старший описал огромный камень богов, которому поклонялись во Фракии еще в V веке до нашей эры. Русская летопись сообщает о том, как «с неба упал огромный змий; ужаснулись люди. В это же время раздался удар о землю, который многие слышали». Здесь, как и в предыдущих случаях, речь идет о падении «звезды с неба», по которой предсказывали «конец света».

Предсказателей никогда не смущал тот факт, что пророчества их предшественников не сбываются. Каждый раз, когда приближается календарная круглая дата, оживают старые предрассудки хилиастов*, которые пророчествовали «конец света» при наступлении нынешнего тысячелетия и неоднократно на его протяжении.

Служителям всех религий во все времена и на всех континентах нужны «чудеса с неба». В Мекке, священном городе мусульман, они обожествляют метеорит Кааба, в Индии — метеорит Гаальпара.

В 1933 году наша планета встретилась с роем метеоритов, которые сгорели в атмосфере, не долетев до земной поверхности. Ученые предсказали «звездный дождь» и разъяснили его естественную природу. И все-таки небесный фейерверк вызвал страх у некоторой части верующих. Вот как описал это явление корреспондент газеты «Колхозный путь», выходившей в Ивановской области: «Ночь была ясная. Многие уже спали. Вдруг я услышал тревожный разговор на улице. Вышел из дома. Был сильный «звездный дождь», как будто все звезды валились по направлению с севера на юг. Было даже жутко смотреть. Некоторые суеверные люди молились и были в ужасе...»

Явление это наблюдали и на восточном берегу Атлантического океана. В католической Испании всю ночь звонили колокола, призывая верующих к последней молитве. А в языческой Африке всюду гремели тамтамы: по африканским поверьям, падение звезды означает смерть вождя племени. Но звезд было так много, что нельзя было найти на континенте столько вождей. Тогда африканцы решили, что «злые духи сделали что-то ужасное и произойдет конец мира» (так писала одна из местных газет). Но мир не «кончился» ни в 1000, ни в 1200, ни в 1500, ни в 1933 году. Наученные горьким опытом новоявленные хилиасты теряют веру в магию круглых дат и в своих предсказаниях частенько обращаются к данным науки. Теперь, например, они предсказывают вселенскую катастрофу в 1987 или в 2006 году, поскольку именно в это время, по расчетам ученых, Земля встретится с крупным космическим телом...

ОТКРЫТИЕ ИКАРА

Едва ли американский астроном Уолтер Бааде, внесший 26 июня 1949 года в каталог малых планет небесное тело под номером 1566, мог предположить, какую сенсацию вызовет его открытие. Свет, отражаемый астероидом, который назвали Икаром, был так слаб, что для его обнаружения понадобилось пятиметровое око крупнейшего в то время Паломарского телескопа (США). Диаметр астероида невелик, около двух километров — не великан даже в мире малых планет. Поперечник Юноны, к примеру, достигает 190 километров.

Самое необычное в Икаре его орбита, траектория движения: ее самая удаленная от Солнца точка (афелий) находится в глубинах Вселенной, за орбитой Марса, а ближайшее к Солнцу положение (перигелий) всего лишь в 28 миллионах километров от него, внутри орбиты Меркурия. Никакое другое небесное тело, кроме комет, не осмеливается так близко и без ущерба для себя подлететь к Солнцу. А Икар успевает почти коснуться Солнца и все же улетает невредимым в космическую бездну.

Так по расчетам будет повторяться каждые 19 лет — этот астероид побывал в окрестностях Земли в 1949 и 1968 годах. Новые космические встречи состоятся соответственно в 1987 и 2006 годах.

Естественно, сам Икар не входит, да и не мог войти в канонизированную христианской церковью систему небесных светил — здесь лишь большие планеты, известные еще в глубокой древности. Издавна движение небесных светил — звезд и планет — считалось про-

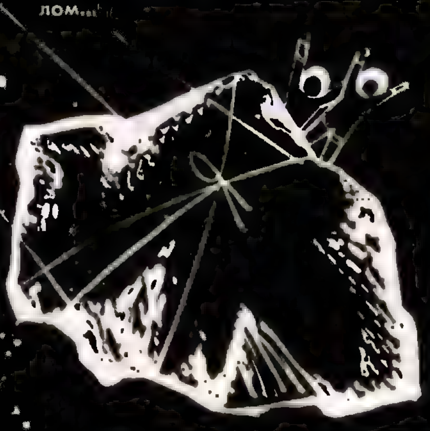

Рисунок В. ИВАНОВА.

* От греческого слова «хилиас» — «тысяча».

явлением воли божьей, они не могли менять свои пути, заданные богом при сотворении Вселенной. Однако современные теологи, совмещая религиозные догматы с новейшими открытиями науки, «признали» существование ранее неизвестных Плутона и Нептуна и даже возмутителя небесного спокойствия Икара.

Факты — упрямая вещь, а они свидетельствуют, что малые планеты уже не раз побывали вблизи Земли. И что же? Столкновения не последовало. Однако, говорят богословы, чего не было вчера, может случиться завтра, и указывают при этом на «рубцы», которые оставили на теле планеты прошлые небесные пришельцы. И в самом деле, если взглянуть на некоторые районы Земли с самолета или из Космоса, то на ее поверхности можно увидеть следы от встреч с большими метеоритами. Вспомним кратер Аризоны в США, его диаметр более километра, кольцо Вудворта в Африке окружностью 150 километров. В нашей стране это озеро Каали на эстонском острове Сарема в Балтийском море. Ученые предполагают, что дуга Гудзонова залива — часть вала, рожденного падением гигантского метеорита.

Расчеты, проведенные специалистами, показывают, что масса упавших на Землю небесных камней все же меньше массы Икара. И если наша планета столкнется с большим астероидом, то, считают некоторые, Земля обречена.

На первый взгляд, основания для такого вывода существуют: Икар меньше всего напоминает экспресс, следующий строго по определенному расписанию. В отличие от таких планет, как Венера, Марс и Земля, движущихся по устойчивым орбитам вокруг Солнца, этот астероид летит поперек Солнечной системы. На его траекторию может повлиять притяжение планеты, вблизи которой он пролетает, например Меркурия или Земли. Исходя из этого предположения, два австралийских астронома лет 15 назад выдвинули гипотезу, что астероид, возмущенный притяжением Меркурия, может в 1968 году столкнуться с Землей.

КАТАСТРОФА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Трудно проследить, как из предположения ученых рождается газетная сенсация: о возможном падении Икара на Землю говорили так, будто это неизбежность. Приводились расчеты, сравнения. Двадцать пять тысяч лет назад в Аризонской пустыне упал метеорит весом 70 тысяч тонн и образовал воронку диаметром свыше километра и глубиной 250 метров. А что произойдет, если в планету врежется астероид массой около 10 миллиардов тонн и диаметром немногим более двух километров — а именно таков Икар? И западные газеты живописали картины в духе страшного суда.

Однако расчеты, сделанные учеными, показали, что столкновение нашей Земли с Икаром для самой планеты не опасно, ибо она во много раз массивнее астероида и он не способен даже изменить ее орбиту. И все-таки падение этого массивного тела, движущегося с космической скоростью 30 километров в секунду, высвободило бы при столкновении много энергии. Произошел бы взрыв. Мог бы он погубить жизнь на Земле? Расчеты показывают: нет!

Беспокойство людей можно понять. В Англии был даже сделан парламентский запрос о возможности космической катастрофы и способах ее предотвращения. Учитывая расчеты орбиты Икара, проведенные учеными в СССР, член британского парламента Р. Стейтон сделал следующее заявление: «...Английское правительство полностью доверяет исследованиям русских, пришедших к выводу, что малая планета Икар не столкнется с Землей в момент их наибольшего сближения 15 июня 1968 года». Профессор Г. Чеботарев (Ленинград), тогдашний директор Института теоретической астрономии АН СССР, говорил: «Вероятность столкновения Земли с большим астероидом менее вероятности встречи двух пчел, летающих в разных концах Европы». П. Харгет, профессор университета в Цинциннати (США): «За столкновение Икара с Землей нет и одного шанса из миллиарда». С. Харрик, профессор Калифорнийского университета: «Предположение, что случайное изменение в орбите астероида может привести к столкновению с Землей, абсолютно нелепо».

Агентство Юнайтед Пресс Интернэйшнл опубликовало следующее заявление: «Смитсоновская астрофизическая обсерватория отвергла австралийское сообщение о том, что астероид Икар, возможно, столкнется с Землей с силой, равной взрыву тысячи водородных бомб. Икар не столкнется с Землей, а пройдет на расстоянии 4 миллионов километров от нее, как предсказывали раньше».

Астрономы ждали середины июня 1968 года — даты «космического рандеву». Катастрофа в этот день, как известно, не произошла. Икар, отмечали ученые, пролетел на расстоянии нескольких миллионов километров от Земли. В масштабах Солнечной системы он ее, как говорится, едва не задел. Однако, если уподобить Землю мишени в тире, а Икар — дробинке, то дробинка эта пролетела в десятках метров от цели.

Научный прогноз оправдался!

Кто придет на следующее свидание с Землей — Икар, Гермес или же неизвестное пока науке небесное тело? За ответом на эти вопросы нужно отправиться в глубины Вселенной.

КАМЕНОЛОМНИ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Планеты бывают большие и малые. Больших — девять. Они движутся вокруг Солнца по законам, которые открыл еще И. Кеплер. Церковь же утверждает, что в самом существовании этих небесных тел и в закономерностях их движения есть ясное указание на промысл творца.

Как известно, малые планеты не входят в канонизированную картину Вселенной. В древности, когда создавались основы христианской религиозной картины мира, об их существовании просто не знали: многие из них обнаружены в самом начале XIX века, некоторые становятся известными в наше время. Наука еще не все знает об этих небесных телах. К примеру, орбиты рассчитаны лишь у десятой части всех астероидов. Астрономы выяснили, что у некоторых из них они параболичны и нередко напоминают траектории других странников Солнечной системы — комет. К тому же большие планеты, например Юпитер, вблизи которого обращается большинство астероидов, способны своим притяжением эти орбиты изменить. Как же составить расписание их движения, чтобы предугадать возможные встречи некоторых из них с Землей?

Задача эта очень трудная, но достижимая. Однако нужно учесть, что большинство астероидов лишь ненадолго оказываются в сиянии Солнца и попадают в поле зрения телескопов; затем они скрываются в тени планет или же уходят так далеко в глубины пространства, что их слабый свет неразличим с Земли. Установить их орбиты не всегда удается. Вот почему из десятков тысяч обнаруженных астероидов в каталоги, где приводятся также и их координаты, попало лишь немногим более двух тысяч малых небесных тел. Но совершенствуются, становятся более зоркими телескопы, создаются новые методы исследования, так что «перепись» всех астероидов — дело, в принципе, возможное. Наука не стоит на месте.

Обнаружено, в частности, что астероиды в основной своей массе вращаются по круговым орбитам в пространстве между Марсом и Юпитером, где они образуют огромные скопления. Этот факт позволил высказать предположение, что астероиды имеют общее происхождение. Может быть, все они — обломки некогда существовавшей десятой планеты Солнечной системы?

Что и говорить, мысль кощунственная с точки зрения Библии, согласно которой все планеты созданы богом в один день и существуют с тех пор неизменными. Однако еще Иоганн Кеплер обнаружил в этом «творении божьем» некий изъян: если следовать открытым им закономерностям расстояний планет от Солнца (а церковь верит в магию цифр, достаточно сослаться хотя бы на мистические цифры Апокалипсиса), то между орбитами Марса и Юпитера оказывается свободное место, которое, как предположил великий ученый, в прошлом могла занимать еще одна планета Солнечной системы. Позже на этом месте был обнаружен так называемый пояс астероидов, общая масса которого соизмерима с массой небольшой планеты.

Итак, место для десятого жителя нашей планетной системы имеется, а вот был ли он сам? Проведя радиоактивный анализ выпавших на Землю метеоритов — гостей из астероидного пояса, советские ученые обнаружили на них оплавления, возраст которых не превышает 300—400 миллионов лет, в то время как само вещество метеорита примерно в 10 раз старше. Не тогда ли произошел взрыв гипотетической десятой планеты, породивший астероиды, в том числе и Икар? Сторонники такой гипотезы назвали ее Фаэтоном, в честь мифического сына Солнца, который слишком близко приблизился к дневному светилу и упал, опаленный его лучами.

Однако у этой гипотезы есть немало противников. Азербайджанский ученый Г. Султанов проанализировал распределение скоростей астероидов, их орбиты и пришел к выводу, что единой планеты, из которой они образовались, не было, а существовало около десятка менее крупных небесных тел: если бы существовало одно тело, то, по законам небесной механики, орбиты всех астероидов должны были бы пересечься в одной точке, а этого нет.

Султанов доказывает, что астероиды образовались из первичных тел в результате дробления — вот почему оплавленные места метеоритов моложе всего ме-

теоритного тела. Более того — дробление это, из-за столкновения астероидов, продолжается все время, так что между Марсом и Юпитером находятся настоящие каменоломни Солнечной системы.

Это еще раз опровергает догмат Библии о едином акте творения. Нет раз навсегда установленного творцом порядка и среди небесных тел. Астероиды сталкиваются, дробятся, изменяют орбиты движения, а в итоге в их среде появляются такие «из ряда вон выходящие» малые планеты, как Икар и Гермес, которые, отвергнув «привязанность» к Марсу и Юпитеру, отправляются в плавания по Солнечной системе, приближаясь при этом к Земле.

Трудно составить график движения этих небольших планет. Сейчас, когда до встречи с Икаром осталось семь лет, наблюдатели снова пытаются отыскать его — маленькую тусклую точку на фоне ярких звезд. Астрономы предполагают, что он пролетит много дальше от нас, чем в 1968 году.

Интерес к Икару 1987 года определяется совсем другим. За время между двумя его визитами космонавтика шагнула вперед: человек побывал на Луне, послал свои аппараты даже за пределы Солнечной системы. А что если в будущем... высадиться на Икар?

ОТ МАРСА ДО СОЛНЦА

У американского писателя-фантаста Рея Бредбери есть рассказ «Золотые яблоки Солнца». Его герои на космическом корабле приближаются к нашей дневной звезде и берут частицу ее вещества. Это фантастика, но...

Один из пионеров космонавтики в СССР А. Штернфельд отмечал, что средством для достижения Солнца может стать... Икар. Эта малая планета, говорит ученый, напоминает космический корабль, движущийся к Солнцу из глубин Вселенной. Его «борт» мог бы стать стартовой площадкой для ракет, запускаемых на другие планеты, ведь покинуть Икар очень легко — тяжесть там ничтожна, атмосферы нет. Икар, писал Штернфельд, также прекрасное место для устройства на нем астрофизической обсерватории: над ним круглые сутки сияют звезды.

Эта идея близка другому советскому ученому профессору К. Станюковичу. Он считает, что Земле необходима такая управляемая маленькая планета, как Икар: установив на нем ракетные двигатели, люди смогут не только предотвратить его хоть и весьма маловероятное столкновение с Землей, но и управлять Икаром в путешествиях от Солнца и к Солнцу, как космическим кораблем. Эту мечту конкретизировал профессор Г. Чеботарев: «Скорей всего до конца нынешнего века мы сможем заблаговременно засечь любое сколь-нибудь значительное небесное тело, послать навстречу отряд космонавтов и отбуксировать астероид на другую орбиту. По некоторым расчетам... достаточно мощности двух современных ракет, чтобы перевести на устойчивую орбиту вокруг Земли астероид диаметром несколько километров и с массой полмиллиарда тонн.

Это крайне заманчивая перспектива. Внутри пойманного астероида можно оборудовать жилье, используя толщу как защиту от радиации, холода и солнечного жара. Из вещества астероида можно будет выделить кислород, водород, получить воду для питья, воздух для дыхания, а в дальнейшем и топливо для термоядерных двигателей.

Особенно перспективным кажется создание такой обитаемой станции на Икаре... Устроив там убежище, исследователи без лишних затрат энергии могли бы чуть не коснуться Солнца, а затем совершить удивительное путешествие за орбиты Меркурия, Венеры, Земли, Марса. Объем Икара достаточно велик, чтобы защититься от перегрева при подлете к Солнцу, что весьма затруднительно для обычного корабля. Двигаясь же по Солнечной системе, Икар время от времени будет приближаться к Земле, и это облегчит смену экипажей. Такое путешествие сегодня, конечно, еще выглядит фантастикой, но вполне научной».

Освоение людьми космического пространства напоминает по своей схеме лестницу: вначале люди вышли на околоземные трассы, затем высадились на Луне. Следующей по трудности ступенькой перед приземлением космонавтов на Венере, Марсе или на спутниках больших планет считается посадка на Икар. Вот как представлял себе это профессор Г. Чеботарев. На первый взгляд, говорил он, может показаться, что легче всего опуститься на это небольшое небесное тело во время его сближения с Землей. Однако, продолжал он, орбиты нашей планеты и Икара пересекаются под большим углом, а это значит, что корабль, посланный с Земли, мог бы разминуться с Икаром, не прибыть одновременно с астероидом в одну точку. Легче встретиться им, когда корабль будет догонять астероид, тогда проще, с меньшими энергетическими затратами можно скорректировать орбиту снижения.

Представим себе, что ракета покинет Землю по касательной к ее орбите и также по касательной к траектории движения астероида опустится на его поверхность. Тогда наша планета, летящая вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду, превратится как бы в гигантскую пращу, бросающую космический корабль вдогонку Икару: скорость ракеты при этом складывается со скоростью обращения Земли вокруг Солнца.

Так получается, если корабль догоняет астероид, когда тот находится в афелии — положении, наиболее удаленном от Солнца. Ракета, стартующая с Земли, теряет две трети скорости на преодоление притяжения нашей планеты. Получив ускорение от летящей вокруг Солнца Земли, ракета продолжает свой путь со скоростью 34 километра в секунду по отношению к дневной звезде. Однако половина ее теряется, так как корабль, летящий от Солнца, должен преодолевать его притяжение. Скорость Икара в афелии 9 километров в секунду. Поэтому, достигнув афелия, корабль должен погасить 8 километров в секунду из развитых им 17 (мягкая посадка возможна, когда скорости астероида и корабля сравняются). Разницу в скоростях придется гасить ракетами, так как поля тяготения астероид практически не имеет.

Г. Чеботарев произвел такие же расчеты для перигелия — когда Икар ближе всего к Солнцу. Хотя при посадке на астероид в этом положении придется гасить меньшую, чем в первом случае, скорость, возрастает та скорость, с которой корабль вырывается из пут притяжения Земли. Суммарная же скорость спуска на астероид и старта с Земли окажется выше, чем для афелия. К тому же корабль настигнет астероид, когда тот будет находиться недалеко от Меркурия, в 28 миллионах километров от Солнца, и жар дневного светила может оказаться невыносимым для людей внутри корабля. Поэтому первый вариант предпочтительней.

Советский ученый с цифрами в руках обосновывал, почему наступают времена, когда посадка человека на Икаре станет реальностью. Задача эта, писал он, труднее, чем высадка космонавтов на Луну и их старт оттуда: при достижении людьми Икара приходится и развивать и гасить большие, чем в этом случае, скорости. Однако трудности эти сравнимы с достижением человеком поверхности Венеры или Марса: Икар труднее найти, чем эти большие планеты, но зато его легче покинуть. Все это дает основание считать, что высадка на этом астероиде под силу космонавтике будущего.

Однако, может быть, и не Икар станет первым плацдармом человечества среди малых планет. Известный советский астроном профессор Б. А. Воронцов-Вельяминов предлагает на эту роль астероид Гермес: пролетая ближе всех (не считая Луны) к Земле, Гермес может стать естественной станцией для наблюдения за поверхностью нашей планеты. Вот что писал Б. А. Воронцов-Вельяминов в этом году: «Прежде всего, путешествуя на Гермесе, мы могли бы увидеть с него земной шар в самых различных видах, в частности в виде серпа или полукруга... На небе Гермеса, при наибольшем его сближении с Землей, она светит там раз в 15 ярче, чем Луна на небе Земли в полнолунии...

Вместе с Гермесом мы погрузились бы в область, занятую астероидами. Мы бы догоняли одни из них, а другие перегоняли бы нас. Тысячи астероидов, вплоть до самых мелких, дефилировали бы мимо нас, и иные из них, проходя мимо, сверкали бы на время ярче всех остальных больших планет. Небо Гермеса, когда он пробегал бы свой афелий, было бы заполнено мириадами блуждающих светил-планет, из которых только пять доступны невооруженному взгляду на Земле и издревле известны ее обитателям.

Путь, подобный описанному, через кольцо астероидов в 1973 году проделала космическая станция США «Пионер-10». Чтобы пересечь кольцо, «Пионеру-10» понадобилось несколько месяцев. Много чудесного увидел бы астроном, путешествуя несколько лет вместе с Гермесом, много загадок разрешил бы...

Многое из того, что сказано здесь о путешествии на Гермесе, я написал еще тридцать лет тому назад, когда полет в Космос казался еще несбыточной мечтой. Теперь все это во многом касается настоящих космонавтов, путешествующих в космических кораблях вокруг Земли и к Луне и выходящих в открытый Космос».

Истинный пророк космонавтики К. Э. Циолковский описал жизнь людей на освоенной ими малой планете. Возможно, Икар, выступающий в религиозном сознании в качестве предвестника «конца света», станет одним из первых плацдармов на пути к звездам, который человечество отвоюет в мире малых планет.

Завещанное временем

Л. ДОЙЕЛЬ

ПОИСКИ «ПОДЛИННОГО» НОВОГО ЗАВЕТА

Читатели нашего журнала знакомы с творчеством Лео Дойеля: в № 5 за 1979 год был опубликован отрывок из его книги «Полет в прошлое». В этом и следующем номерах редакция публикует два отрывка из его новой книги «Завещанное временем», переведенной с английского языка и выпущенной главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». Книга посвящена поискам и изучению древнейших памятников письменности. «Это, кратко говоря, — как пишет в предисловии сам Дойель, — книга о книгах и об ученых, которые искали и открывали утерянные манускрипты, интерпретировали и расшифровывали их».

● УНИКАЛЬНАЯ, малоизвестная романтическая история открытия «Синайского кодекса», самого полного и самого древнего текста Нового завета, до сих пор остается одним из самых увлекательных эпизодов в летописи поисков человеком письменных памятников своего прошлого. В Лобеготте-Фридрихе-Константине фон Тишендорфе, искателе древних истин, романтика обрела поборника, настойчиво идущего к своей цели. Его карьера была яркой и феноменально успешной.

Все усилия Тишендорфа, теолога по профессии, были сконцентрированы на собственно Библии, в частности на Новом завете. Тишендорф ни в малейшей степени не был склонен к преклонению перед мифами. Он был прежде всего объективным и критически настроенным ученым, который пытался разгадать тайну ранних библейских текстов.

Поскольку большинство критических споров в период его студенчества было посвящено текстуальным разночтениям в Новом завете и содержащимся в нем противоречиям, Тишендорф, еще будучи студентом, обратил внимание на эти проблемы. Он оставил помыслы о пасторском поприще и, хотя время от времени выступал с проповедями, считал, что гораздо лучше сможет служить богу, посвятив свою жизнь творческому изучению священных текстов. Еще до посвящения в сан он твердо поставил перед собой цель — доказать подлинность евангелий и восстановить первоначальную редакцию священных текстов.

Константин Тишендорф родился в 1815 году в семье врача, в маленьком саксонском городке Ленгефельде. Будучи одним из лучших учеников своего класса в гимназии города Плауэна, он заложил в себе уже тогда основы отличного знания греческого и латинского языков, а также произведений древних авторов. Когда он приступил к изучению теологии в Лейпцигском университете, ему пришлось к классическим языкам добавить древнееврейский, арамейский, сирийский и коптский. Здесь он вскоре отличился, написав по-латыни удостоенные премий эссе о св. Павле и Христе.

Когда Тишендорф начал работу над изданием греческого текста Нового завета, он понимал, что древнейшие документы IV, V и VI веков намного превосходят по своему значению более многочисленные манускрипты X и последующих веков, которые послужили основой для прославленного греческого текста Нового завета, составленного Эразмом Роттердамским, а также для переводов его на разговорные языки, как, например, версии Лютера и короля Якова (Джеймса) I. Греческий Новый завет Эразма (первое издание, 1516 г.) был во многих отношениях сделан довольно небрежно, при полном, разумеется, незнакомстве с элементарными методами критики, выработанными наукой лишь в XIX веке. В том, как великий гуманист произвел отбор рукописных источников, не было никакой системы; он до конца не выяснил их происхождение, возраст и степень достоверности, не проверил с должной тщательностью, в какой мере они расходятся и дополняют друг друга, что помогло бы устранить имеющиеся в тексте ошибки. И что совсем непростительно, для того чтобы заполнить пробел в греческом оригинале и в то же время поспеть к сроку, установленному его издателем, печатником Иоханнесом Фробеном из Базеля, он сделал обратный перевод одного отрывка с латыни на плохой греческий. К несчастью, Эразм одновременно вызвал к жизни и новую традицию, стремившуюся провозгласить непогрешимыми как его греческое издание, так и в еще большей степени сделанные с него переводы на разговорные языки.

Однако еще в XVII веке несколько ученых собрали и сопоставили разночтения, обнаруженные ими в рукописях Нового завета, число которых неуклонно росло, включая уже некоторые тексты на коптском и готском языках. В то же самое время была сделана попытка составить перечень и классифицировать все имеющиеся в европейских странах манускрипты, а также оценить их относительную достоверность. Когда в XIX веке пальма первенства в библейских исследованиях перешла преимущественно к немецким ученым, появилось сомнение в правильности общепринятого мнения, согласно которому сопоставление возможно большего количества рукописей позволит восстановить на их основе первоначальный апостольский текст. Тишендорф всей душой принял эту новую точку зрения. Он счел важнейшей задачей сосредоточить внимание на текстах, относящихся к первым пяти векам христианства. Он убедительно доказывал, что только таким путем можно добраться до текста более раннего, чем официально «утвержденный» византийский Новый завет. Но когда он приступил к работе над своим вариантом греческого текста, то с удивлением обнаружил, что в области филологического изучения и толкования тех немногих древнейших евангельских документов, которые тогда были известны науке, сделано, за редкими исключениями, ничтожно мало. Что, если изучение этих древнейших евангельских текстов, а также тех, которые еще могут появиться, покажет, что евангелия создавались при жизни поколения, современного Христу и его ученикам, и что сохранившиеся наиболее ранние версии доносят до нас подлинное слово апостолов? Требовалось, во-первых, тщательное изучение небольшого количества имеющихся древних текстов и, во-вторых, поиски новых, быть может, более древних и полных рукописей.

Наконец Тишендорф нашел себе задачу по плечу. Его удивительные достижения доказали, что великие открытия редко являются делом случая, но почти неизменно удаются только подготовленному уму.

Перед тем как в 1840 году уехать из Лейпцига, он составил перечень древнейших рукописей Нового завета, имеющихся, по его сведениям, в европейских коллекциях. Первую остановку он сделал в Париже, где находилось несколько из этих редчайших документов, прежде всего «Кодекс Ефрема Сирина» и «Клароментанский кодекс». Тишендорф уделил основное внимание «Кодексу Ефрема Сирина», палимпсесту, т. е. рукописной книге, в которой более древний текст был стерт, а вместо него написан второй. Это был трактат жившего в IV веке церковного деятеля Ефрема, скопированный в XII веке поверх более древнего, относящегося к V веку текста Нового завета. Буквы первоначального текста были соскоблены пемзой, после чего пергамен был тщательно вымыт и отмочен. Эта была обычная практика средневековых монастырей, поскольку пергамен был дорог и относительно редок. Чтобы изготовить приличных размеров книгу-кодекс, требовалось немалое стадо крупного рогатого скота или овец. Поэтому редко используемые или устаревшие тома часто вновь пускались в дело, подобно тому как в наши дни лишние или бракованные книги, а также запрещенные издания превращаются в макулатуру для повторного использования. И так же как в наше время, новый текст далеко не всегда оказывался более ценным, чем предшествовавший.

Через два года работа была закончена. Она принесла Тишендорфу славу одного из величайших светил палеографии. В январе 1843 года он с удовле-

творением держал в руках печатное издание восстановленного им текста. Тишендорф также поработал над «Кларомонтанским кодексом», рукописью новозаветных посланий. Кроме того, он перерыл библиотеки в Утрехте, Лондоне (где хранился замечательный «Александрийский кодекс» V в.), Оксфорде и Кембридже. После завершения своей работы в Париже, где он пробыл в общей сложности двадцать семь месяцев, Тишендорф продолжил свои скитания, посетив Страсбург, Базель, Лион, Марсель и Северную Италию, где имелись ценнейшие рукописи Нового завета. Он побывал в библиотеках Венеции, Милана, Турина, Модены и Флоренции. Но основной его целью был Рим, где в папской библиотеке хранился самый древний и самый полный из всех известных тогда библейских кодексов — «Ватиканский кодекс», который до того времени не был еще по-настоящему введен в оборот текстологической критики.

Наконец, исчерпав запасы рукописей в Европе, Тишендорф в марте 1844 года пустился через Средиземное море в плавание к иным берегам. План, которым он руководствовался, и на этот раз был смел и прост: «Кодекс Ефрема», как и подавляющее большинство древнейших греческих документов, украшающих библиотеки Европы, пришел с Востока, где впервые расцвела христианская ученость. Разве нельзя допустить, что там, прежде всего в монастырях с их библиотеками и укромными тайниками, до сих пор погребены ценнейшие сокровища литературы?

Это смелое предприятие — поиски новозаветных рукописей в монастырях Ближнего Востока — увенчалось исключительным успехом; однако нельзя сказать, чтобы это была первая подобная попытка. Задолго до Тишендорфа перспектива найти предполагаемое сокровище этих мест волновала воображение путешественников и ученых. Порожденные возникшим в эпоху Возрождения интересом к утерянной классике предположения о погребенных на Востоке сокровищах высказывались еще в XV веке. Поэтому авантюрные предприятия с исследовательскими целями отнюдь не были редкостью. В Париж, Ватикан и даже Москву время от времени доставлялись морем разнообразные научные материалы, и надежда на замечательные открытия никогда не угасала. Путешественники, посетившие в XVI и XVIII веках монастыри горы Афон, в подвластной туркам Греции, и святой Марии Дейпары, в Египте, рассказывали о больших собраниях христианских текстов, которые они там видели, причем некоторые из их числа «восходили ко временам св. Антония». Но эти сообщения часто сопровождались сетованиями по поводу плачевного состояния манускриптов и их недосягаемости. Даже в это время местные монахи стремились охладить пыл исследователей и неоднократно сознательно наводили их на ложный след. К сожалению, скрытность церковников была обратно пропорциональна их заботе о сохранении собственного наследия.

Путешествие из Ливорно на валком французском почтовом пароходе «Ликург», в течение которого он жестоко страдал от морской болезни, лишь ненадолго выбило его из колеи. Вскоре по прибытии в Александрию Тишендорф продолжил свой путь, отплыв на барке вверх по Нилу, в Каир. Из позднейших описаний деяний Тишендорфа (серьезного биографического исследования, впрочем, нет и поныне) явствует, что с самого начала он наметил себе главной целью монастырь святой Екатерины на Синайском полуострове.

Маршрут разведывательной поездки Тишендорфа предусматривал также посещение Мар Сабы на Мертвом море, Лаодикеи, Патмоса и разных других пунктов в Сирии и Малой Азии, а также горы Афон и, разумеется, Константинополя, где, если верить упорно ходившим слухам, вместе с другими легендарными и неизвестными документами во дворце Серай («Сераль») хранился будто бы древнееврейский текст Евангелия от Матфея — книги, представляющей собой, вероятно, остатки сокровищ византийских библиотек и созданного в эпоху Возрождения будапештского собрания Матяша Корвина. Тишендорфу действительно удалось получить из различных источников множество манускриптов, а также купить у наследников немало рукописей, неизвестно где найденных, но всему этому предстояло поблекнуть перед его неожиданной удачей в Синае.

В Синайском монастыре в Каире в ответ на расспросы о манускриптах ему посоветовали посетить монастырь святой Екатерины, «где он смог бы найти множество великолепных образцов». Таким образом каирские монахи надеялись избавиться от назойливого иностранца. Одновременно они послали своей братии на полуострове предостережение о ненасытном пристрастии гостя к пергаменам. Но этот маневр привел к обратным результатам и оказал Тишендорфу услугу, обратив его внимание на монастырь святой Екатерины. От Тишендорфа было не так-то просто отделаться, и он убедил каирских монахов открыть деревянный стенной шкаф, случайно попавшийся ему на глаза. Немало времени ушло на поиски ключа, но, когда он был найден, обнаружилось изобилие древних текстов, хотя, как это часто бывало, они оказались в отчаянном беспорядке, брошенными на произвол судьбы. Было ясно, что монахи не имеют ни малейшего представления об их содержании, возрасте и даже языке, на котором они написаны.

В другом шкафу, на этот раз в часовне каирского женского монастыря, оказалось еще больше пергаменных рукописей, и Тишендорф с удовлетворением отметил, что, какие бы предостережения ни нашептывали ему с самого начала профессиональные пессимисты на родине, он стоит на пороге волнующих открытий. Кроме того, он уверился в том, что способен перехитрить монахов и священников, которые демонстрировали явное нежелание разрешить чужеземцам даже поглядеть на их рукописи. Как беспечные, но своенравные и ревнивые родители, они не могли спокойно относиться к проявлениям внимания со стороны чужаков к их заброшенным детям. Казалось, эти полуграмотные монахи никогда бы и не вспомнили о существовании древних, истлевающих рукописей, но стоило только иностранному гостю выказать к ним хотя бы малейший интерес, они заявляли, что рукописям этим цены нет. У Тишендорфа это часто вызывало отчаяние и отвращение, иногда он поддавался на обман, но со временем обрел должное самообладание, которое вкупе с совершенно необходимой искушенностью в восточной дипломатии позволяло ему вывозить рукописи из таких мест, которые его коллеги считали безнадежными или недоступными.

Еще в Каире ему не раз приходилось слышать о том, что где-то за семью печатями утаивается фантастически богатая библиотека. Предполагали, что она находится в ведении коптского архиепископа Александрии (который, как и его предшественники на протяжении ряда столетий, несмотря на свой титул, постоянно проживал в Каире). Тогдашнему коптскому патриарху было уже за девяносто, но при этом он оставался весьма подвижным, обаятельным и легкомысленным человеком. Тишендорф добился приема у старого джентльмена, изящная болтовня которого напомнила посетителю салонные разговоры дам парижского света. Когда наконец Тишендорф упомянул о своем желании ознакомиться с содержимым «секретной» сокровищницы манускриптов, патриарх поинтересовался, зачем ему это понадобилось. Тишендорф объяснил, что поставил перед собой задачу восстановить первоначальный текст евангелий и что для этого ему необходимо свериться с древними документами, которые «по возможности максимально точно воспроизводили бы то, что вышло из-под пера самих апостолов». Этот аргумент, однако, не произвел на патриарха впечатления. С каменным лицом он заявил: «В конце концов у нас есть все, что нам нужно. Есть евангелисты, есть апостолы. Чего еще нам желать?» Тишендорф понял, что идея текстуальной критики Библии за все девяносто с лишним лет, очевидно, даже не приходила ему в голову.

В апреле 1844 года Тишендорф из Каира направился в Нитрийскую пустыню, где когда-то существовало несколько сот монастырей — до тех пор, пока приливная волна ислама не поглотила их и христианское рвение коптов не угасло. Тишендорф провел розыски в нескольких таких монастырях. Довольно быстро он понял, что среди многочисленных помещений монастыря нет комнаты, «ограждающей от назойливых визитов монахов лучше, чем библиотека». В некоторых монастырях библиотеки загонялись на чердак какой-нибудь башни. Там манускрипты лежали грудой, или были разбросаны по полу, или напиханы как попало в плетеные корзины. На полу помещения в изобилии валялись обрывки и фрагменты рукописей.

В мае 1844 года, после 12-дневного пути с караваном через пустыню, Тишендорф добрался до монастыря святой Екатерины. Он располагался на высоком песчаном плато, примерно в 4500 футах над уровнем Красного моря. Плато ограждают крутые гранитные скалы, над которыми возвышалась гора Джебель Муса, где, согласно спорному преданию, господь продиктовал Моисею десять заповедей.

Монастырь в теперешнем его виде красноречиво свидетельствует о многогранном культурном и религиозном наследии. Он назван в честь Екатерины, христианской святой из Александрии, принявшей мученичество во время

гонений императора Максимилиана и, по преданию, похороненной на этом месте. Одна из его 22 часовен построена, как гласит легенда, на том месте, где господь явил себя Моисею в неопалимой купине.

Как вскоре заметил Тишендорф, монастырь святой Екатерины хранил остатки духа веротерпимости: в его стенах нашла приют мечеть, о происхождении которой рассказывают немало противоречащих друг другу историй. Согласно одной версии, она была построена самим пророком; другая, записанная Тишендорфом, гласит, что монахи воздвигли ее, чтобы смягчить гнев завоевателя, султана Оттоманской империи Селима I (1512—1520 гг.), когда они не сумели вылечить одного молодого греческого монаха, к которому властелин питал нежные чувства. Но это романтическое объяснение опровергается тем фактом, что о существовании мечети источники упоминают за два столетия до описываемых событий. В равной мере можно сомневаться и в ходячем мнении, что монастырю удалось спастись единственно благодаря уважению арабов к маленькой мечети. Безусловно, ее присутствие вряд ли помешало бы им разрушить или использовать для своих целей остальные постройки. Как бы то ни было, другие монастыри и церкви тоже оставались нетронутыми в течение веков арабского и турецкого владычества, даже без ограждающей близости минаретов. Правда заключается в том, что существование христианских и мусульманских храмов было выражением веротерпимости, гораздо более свойственной средневековой арабской цивилизации, чем западному миру.

В этой выглядевшей как мираж религиозной крепости было на что посмотреть. Через некоторое время Тишендорф научился разбираться в лабиринте домов, залов, мастерских, келий, часовен, лестниц, переулков, балконов и баллюстрад — в скоплении, образовавшемся за 1400 лет строительства и приводящем в отчаяние запутанностью.

Но прежде всего гостя интересовали рукописи. Библиотекарь оказывал Тишендорфу помощь и, по-видимому, доверял ему. Он сам первым повел борьбу во имя некоторого порядка против торжествующего хаоса, составив первый каталог. При этом он не возражал, если кто-нибудь пользовался книгами — что и у нынешних библиотекарей вызывает иногда приступы профессиональной нервной болезни, — хотя это и могло временно расстроить порядок, который он навел в библиотеке. Тишендорфу было позволено уносить рукописи к себе, чтобы без помех копировать их и составлять собственный перечень.

По счастью, Тишендорф в том сыщицком розыске, который он учинил в книжном и рукописном собраниях, был полностью предоставлен самому себе. В монастыре святой Екатерины были, собственно, три библиотеки, совершенно не связанные друг с другом и размещавшиеся в трех отдельных помещениях. Меньшая содержала в основном печатные издания, хранившиеся на полках. На дверях собственно монастырской библиотеки, расположенной на первом этаже, красовалась греческая надпись — «аптека духа» или «санаторий души». Тишендорф сухо прокомментировал этот факт: «Насколько мало остальные обитатели пустыни, люди образцового здоровья, нуждаются в городских аптеках, настолько же мало среди монастырской братии слабых душ, нуждающихся в помощи этой «аптеки духа».

Третья библиотека служила также в качестве склада священнических одеяний, сосудов и тому подобного. Кроме того, она содержала также Библии, литургические и патристические тексты и пополнялась в прошлом книгами, поступавшими сюда по завещаниям покойных синайских архиепископов.

По примерному подсчету Тишендорфа, здесь было около пятисот рукописей, главным образом на греческом, но также некоторое количество на арабском, сирийском, армянском, грузинском и старославянском языках (совместная американо-египетская экспедиция, субсидированная Фондом для изучения человека, впоследствии обнаружила примерно 3300 рукописей на древних языках, из них более двух третей на греческом).

Ни один из исследованных до сих пор Тишендорфом томов и отдельных листов не представлял большого интереса для библейских штудий. Здесь не было практически ничего, что помогло бы восстановлению текста Нового завета времен раннего христианства. Но тут, как в хорошем приключенческом романе, случилось непредвиденное. Тишендорф, рассеянно блуждая по главной библиотеке, случайно остановил взгляд на корзине, стоящей посреди зала. Она была заполнена старыми рукописями на пергамене, и, когда Тишендорф поспешил к ней, чтобы проверить ее содержимое, библиотекарь, по случайности оказавшийся здесь, заметил, что две груды подобного материала в такой же стадии разложения уже были преданы огню. Эта партия предназначалась для той же цели. Однако Тишендорф все же решил поближе взглянуть на рукописи. Перед ним были исписанные каллиграфическим унциальным письмом пергаменные страницы, содержащие по четыре колонки текста. Это был список греческого Ветхого завета — «Септуагинты», который, судя по стилю письма, показался Тишендорфу самым древним из всех, которые ему довелось видеть: «Я изучил все старейшие греческие рукописи в европейских библиотеках и изучил их тщательнейшим образом, с целью заложить основы новой греческой палеографии. Некоторые из них, например, часть Ватиканской Библии, я скопировал собственноручно. Пожалуй, никто не был так знаком с древним написанием греческих букв, как я. И все же мне не приходилось видеть рукопись, которую можно было бы счесть более древней, чем эти синайские листы».

Не было сомнений, что этот манускрипт не уступал по возрасту, а следовательно, и по своему значению для науки перлам среди библейских рукописей Европы — унциальным кодексам Рима, Парижа, Лондона и Кембриджа. Он насчитал 129 листов пергамена. Все они были из Ветхого завета, хотя только из одной его части. Поскольку Тишендорф в основном интересовался греческим Новым заветом, он, вероятно, испытал кратковременное разочарование. Но это отнюдь не умаляло значения его открытия, которое могло привести к находке новых — возможно, даже неизвестных ранее — фрагментов «Септуагинты». По уцелевшей части кодекса нельзя было сказать, входил ли в него Новый завет, хотя все говорило за то, что рукопись прежде была много больше по объему. И какие-то части ее уже были преданы огню.

Учитывая судьбу, уготованную содержимому корзины, Тишендорфу не составило труда получить разрешение на то, чтобы взять себе 43 листа. К сожалению, он еще не научился держаться с беспристрастностью опытного скупщика. Его восторг по поводу неожиданной находки, часть которой стала теперь его собственностью, недвусмысленно отражался на его лице. Какая великолепная награда за нудное высиживание месяц за месяцем над вычитыванием выцветших палимпсестов, за внесение в списки практически каждого клочка древних библейских рукописей в европейских библиотеках и утомительные поездки через весь континент в поисках этих клочков; за жизнь в дешевых гостиничных номерах вместо женитьбы и спокойной жизни в собственном доме; за выпрашивание средств и обхаживание хитрых чиновников, строгих архивариусов, уклончивых священнослужителей и продажных комиссионеров! Мог ли 29-летний ученый, только что совершивший то, что некоторые потом называли «открытием века», скрыть свои эмоции?

Монахи осознали ценность обрывков, которые они намеревались сжечь и часть которых они в своей щедрости от невежества только что отдали иноземцу. Теперь никакие доводы Тишендорфа не могли убедить настоятеля отдать ему оставшиеся 86 листов, хотя, как заметил Тишендорф, почтенный старец не вполне понимал, что он, собственно, оберегает. Однако Тишендорфу разрешили посмотреть оставшиеся листы, и он составил перечень их содержания, а также скопировал одну страницу с тремя колонками Исайи и первой колонкой Иеремии. Он умолял получше заботиться о листах, отобранных у него, и быть начеку, если вдруг обнаружится любой подобный материал. Тишендорф также намекнул, что он, возможно, еще вернется в монастырь. В его мозгу уже теснились всевозможные проекты. Каким образом ему овладеть листами, которые в последнюю минуту ускользнули из его рук? Может ли он рассчитывать на поддержку извне? Не обратиться ли к русскому царю, который, как патрон греческой православной церкви и покровитель христианских учреждений на Ближнем Востоке, пользовался большим почетом со стороны синайских монахов? Под давлением обстоятельств палеограф уже готов был превратиться в изворотливого политика. Одно он решил твердо: никто не должен знать о происхождении страниц «Септуагинты», которые он привезет с собой в Европу. Все, что он скажет, — это что они были найдены «в египетской пустыне или неподалеку оттуда». Это не было ложью, хотя позже его и обвинили во лжи. На самом деле это было правдой... только в соответствии с освященной годами заповедью дипломатии Талейрана: хотя он и говорил правду, и ничего, кроме правды, это была не вся правда.

Окончание следует

Перевел с английского Э. МАРКОВ

«Божественные» растения: правда и вымысел

Лоза для тех, кто проспит заутреню

В. АСТАХОВА

Ранней весной, когда еще не сошел снег, сквозь прозрачный лес кое-где видны красные веточки вербы. В феврале она сбросила колпачки, прикрывающие бутоны, и теперь вся украшена пушистыми серыми цветками.

Вербой называют различные виды деревьев и древовидных кустарников, принадлежащих к семейству ивовых. У ив множество местных названий: чернотал, белотал, краснотал или шелюга, верболаз, ракита, молокита, козья ива, бредина, вавилонская или плакучая ива — и большое количество видов: только в нашей стране их насчитывается 170, причем в Московской области — до 40. Часто они образуют помеси, и даже специалисту-ботанику бывает трудно их определить.

Ивы отличаются друг от друга размерами, формой или опушением листьев, окраской коры, величиной цветков. Среди них известно большое количество карликовых видов, образующих миниатюрные кустарники, почти не поднимающиеся над поверхностью земли. Но у всех ив есть общая черта — очень мелкие семена с длинным шелковистым хохолком при основании, похожие на семена осины, с которой они в близком родстве.

Все ивы двудомны. Это означает, что на одном дереве только женские цветки, а на другом — только мужские. Мужские цветки лишены околоцветника и прикрыты лишь одной чешуйкой, в пазухе которой располагаются обычно две тычинки. Чешуйки внизу желтовато-зеленые, наверху черноватые, верхняя часть чешуйки покрыта длинными многочисленными волосками, которые придают еще не расцветшей сережке пушистый вид. Волоски, словно шубкой одевая бутоны, дают им возможность переносить низкую температуру и резкие ее колебания в то время, когда прикрывающие колпачки опадут. Женские цветки ив очень похожи на мужские, только вместо тычинок у них продолговатая, утолщенная книзу завязь, формой напоминающая бутылочку. У козьей ивы иногда появляются цветки-уродцы — и с пестиками, и с тычинками.

Ива сбрасывает колпачки в феврале, во время сильных морозов, когда почва промерзает на максимальную глубину. В это время, а иногда и значительно раньше — в октябре или ноябре, когда затяжная осень и поздneосенние оттепели, — растения постепенно выходят из зимнего оцепенения.

Большинство ив любит сырой воздух и сырые места. Их можно встретить по рекам и оврагам, сырым пескам и на выгонах. Стоит воткнуть осенью на берегу пруда или у колодца веточку ивы, и она зазеленеет к весне. Пройдет год, другой, третий — и превратится веточка в деревце, трепетно шумящее своей зеленой листвой. Так размножается ива вавилонская и плакучая — символ печали. Жизненная сила ивы необычайна. Пень срубленного дерева быстро покрывается обильными побегами. Стоит поставить в воду веточку, как дня через три-четыре она пустит корни.

Вербовыми и ивовыми веточками и корой любят лакомиться зайцы, пятнистые олени, лоси, бобры. Иногда иву специально разводят для закрепления песков, для добывания дубильных веществ из ее коры, плетения корзин. Самый лучший материал для них дает белотал — корзиночная ива.

У козьей ивы в прежние времена весной сдирали корье, сушили, молотили, набивали в мешки и отвозили на кожевенные заводы для дубления кож. Отвар коры применяли от цинги, при лихорадках вместо хинина, от слабости желудка. Из коры ивы был выделен гликозид салицин, из которого позже стали получать аспирин. Ветла вязкостью древесины превосходит все остальные виды ив. Из нее делали хорошие обручи и лучшие русские ямские дуги, под которыми когда-то серебряным звоном звенел колокольчик...

Красота этих деревьев, их раннее цветение, удивительная сила жизни, способность с помощью дубильных веществ обеззараживать воду, польза, которую они приносят человеку, — все это с давних времен вызывало особое к ним отношение и нередко приводило к культовому почитанию, к возникновению суеверных представлений.

Это растение играет важную роль в народных поверьях. Еще до принятия христианства у древних славян, германцев и галлов с вербой было связано множество религиозных и магических представлений. Считалось, что вербные сережки предохраняют человека от лихомани и горловой боли, способствуют продолжению рода, что ветка вербы, брошенная против ветра, прогоняет бурю, а кинутая в пламя пожара — уменьшает его разрушительные действия.

Вероятно, вербовая ветка играла роль Перуновой лозы в весенний праздник у славян, который после принятия христианства совпал с вербным воскресеньем. В этот день люди похлестывают друг друга расцветшими ветками вербы, приговаривая: «Не я бью, верба бьет, через неделю велик день (пасха). Будь здоров, как вода; будь богат, как земля». А вечером хозяйка варит кашу с вербными распуколками и угощает соседей «вербной кашей».

Вообще с вербой связано множество поверий, которые гораздо старше ее мистической роли в христианстве. Так, у западных славян она была то благословенным, то проклятым деревом — то гнала нечистую силу, то служила ей пристанищем. («Влюбился, как черт в сухую вербу» — эта пословица есть у всех славянских народов.) Священная верба считалась средством от разных болезней. В ее отваре купали детей, от лихорадки рекомендовали съесть девять ее цветков. Ею полагалось отбиваться от вампиров и водяных, считали, что она спасает поля от града, мышей и кротов, а дома — от пожара. Верили, что если вбить в стену вербовый колышек, то в доме прекратится переполох и испуг не причинит никому вреда.

Позже вербовой лозой ударяли и обливали при этом водой тех, кто в вербное воскресенье проспит заутреню. Освященной вербой выгоняли домашний скот на первый подножный корм, кормили ею коров, чтобы у них не портилось молоко. Жители Чехии считали, что клады открываются лишь с помощью освященной вербы.

На Украине бытовало поверье, будто верба может указать на колдунов и ведьм. Для этого нужно в вербное воскресенье пойти к заутрене и смотреть сквозь ее ветки на толпу: колдуны и ведьмы покажутся стоящими вверх ногами. В Чехословакии существовал иной способ выявления ведьм при помощи вербы: в великую субботу освященную ветку нужно было зажечь в печи — сейчас же явится баба и попросит взаймы огонька, она-то и есть ведьма...

Есть интересное литовское предание. Жила-была женщина по имени Блинда, которая с удивительной легкостью рожала детей не только из чрева, но и из всех частей тела. Она была такой плодовитой, что ей позавидовала земля. Однажды, когда Блинда неожиданно застряла в болоте, земля крепко схватила ее за ноги, и женщина превратилась в дерево-вербу... Здесь мы встречаемся с поэтическим выражением жизненной силы этого растения — людей поражало, что даже отдельная ее веточка, посаженная в землю, может стать деревом. Очевидно, с этим связано, что в древней Литве верба считалась богиней чадородия, бездетные крестьянки приносили ей подарки и молились, чтобы она даровала им детей.

Со временем языческие праздники почитания вербы весной слились у многих народов с христианским праздником, который отмечался в шестую неделю великого поста. По библейской легенде, в это время народ иудейский встречал Христа в Иерусалиме ваями — ветвями финиковой пальмы или иерусалимской ивы. В память об этом событии шестой воскресный день шестой недели поста был назван христианской церковью вербным воскресеньем. А в странах, исповедующих католичество, его называют «праздником пальм». Пальма осталась неизменной в Испании и Италии. На севере Франции ее заменили вербой или буксом (вечнозеленым деревцем из семейства молочайных), в Провансе — миртом, лавром, ветками маслин...

Сейчас веточки с пушистыми серыми цветками украшают весной наши дома — мы спешим проводить зиму. В этом уже нет ничего мистического.

Читатель сообщает, советует, спрашивает

В ответ на «Бабушку»

В вашем журнале № 12 за 1979 год помещена заметка «Бабушка». И как раз в то время, в конце прошлого года, в нашем медицинском училище был проведен с помощью анкеты специальный опрос. Среди вопросов был и такой: «Есть ли у вас верующие родственники?» Всего анкету заполнил 91 человек. Из них 36 верующими родственниками назвали бабушку, а 35 — тетю. Но тети — это дочери верующих бабушек, и сами они станут или уже стали бабушками. В двух анкетах сказано, что верующими родственниками являются и бабушка и тетя.

Как видите, в 71 анкете (почти три четверти общего числа) отмечено, что верующими на сегодня остаются бабушки. Только в двух анкетах верующими названы мужчины. 14 учащихся ответили, что у них верующих родственников нет. Остальные четверо сообщили, что не знают, есть ли у них верующие родственники.

Итак, уважаемая бабушка из Красноармейска Донецкой области, не все бабушки уже порвали с религиозной верой, как это сделали вы. И дети черпают сведения о боге и сверхъестественных силах в основном от своих горячо любимых великих тружениц, перенесших тяжелейшие испытания в жизни,— от бабушек.

В анкете были и другие вопросы. Например: «Видели ли вы чудеса?» Утвердительно ответили четверо, 46 — только слышали о них, 32 — категорически отрицают возможность чуда. 9 человек на этот вопрос не захотели отвечать.

Один из учащихся сообщил, что сам видел чудо, и даже подписал свою фамилию, хотя можно было заполнять анкету безымянно. «Однажды шли мы по дороге ночью — и смотрим: катится колесо, — пишет он. — Мы его взяли и привязали. На следующее утро пришли посмотреть и увидели, что вместо колеса привязана бабушка». Согласитесь, что я, преподаватель, не мог не заинтересоваться подробностями такого исключительного случая, хотя этот парень и известен у нас в училище своим лукавством. Разумеется, при разговоре стало ясно, что мой юный собеседник все насочинял — и про колесо, и про привязанную ведьму. Думается, это один из примеров рождения и распространения небылиц: слышал мальчик в детстве сказки про оборотней, а потом взялся пересказывать их, выдавая себя за очевидца.

Однако влияние на юных оказывают не только бабушки. Автор одной анкеты оказался верующим, причем привел в своих рассуждениях о религии давно известные аргументы ее активных современных приверженцев. Вот, например, такое определение: «Религия — это всем доступное учение о Христе». Далее в форме притчи описывается разговор верующего с атеистом, который и сам-то еще не уверен, есть рай и ад или их нет. А верующий утверждает: «Я живу верою, основанной на исторических фактах, на духовном опыте верующих людей всех веков, на моем личном опыте», — и так далее, как написано в расхожих книжонках, распространяемых религиозными организациями. Резюме этой проповеди: «Если есть создание, значит есть и его создатель».

Другие ответы на вопрос о вреде религии распределялись так: 53 человека написали, что религия приносит вред, 29 — на этот счет не имеют определенного мнения, а трое считают, что она приносит пользу. Некоторые ответили: приносит пользу церкви, а людям вред; или: раньше религия приносила вред, а теперь она слишком слаба и большого вреда принести не может; или: в общем-то, она вредна, но у нее красивые обряды.

Конечно, изучать источники религиозного влияния на молодежь по данным одного нашего училища равносильно тому, что изучать море по капле морской воды. Но, думается, наши анкеты позволяют сказать: все же бабушки в распространении религиозных убеждений и в наше время играют еще не последнюю роль.

В. СИМБИРЦЕВ,
преподаватель Мещерского медицинского училища

с. Мещерское
Московской области

Нельзя быть равнодушным

Ваш журнал помогает мне в работе, на его страницах я нахожу для себя новое, интересное. И вот сам решил вам написать о том, чему был свидетелем в пригородной электричке.

В вагон вошли три благообразные еще совсем нестарые женщины и сели напротив меня. Обычно в пути невольно знакомишься с соседями, но это мое знакомство было не из очень приятных. Сразу же в глаза бросилась их одежда, которой они подчеркнуто отчуждались от всех. Черные косынки, низко повязанные на лоб, длинные, темно-серые одеяния, похожие на балахоны. Прежде чем сесть, они демонстративно перекрестили скамью. Естественно, меня, человека занимающегося атеистической пропагандой, это заинтересовало.

По соседству с ними, весело разговаривая, сидели школьники — мальчики и девочки (лет примерно десяти), ехавшие в школу. Богомолки обратили на них внимание. Широко зевнув и перекрестив рот, первая из них, очевидно старшая, спросила детей, хорошо ли они учатся, и угостила их карамельками. Ну дети — всегда дети. Прислушиваюсь к дальнейшему разговору.

Расспросив ребят, где они живут, кто их родители, и почему-то называя детей «бедняжками», эти тети в черных косынках объявили, что они «близкие» соседи, знают их, как и их мам, хотя по недоуменным взглядам детей я понял, что это неправда. Но все три мои соседки завозились в своих сумках, доставая какие-то грязные бумажки. «Вы, ребятки, хорошие, только вот грехов на вас много; а главный грех — не верите в нашего господа бога», — говорит одна из них и дает, а точнее сказать, сует юному «грешнику» листок, исписанный корявым почерком. «Вот здесь написаны божьи слова, и если вы их выучите, да еще перепишете девять раз и опустите соседям в почтовые ящики, — вас не оставит боженька своей милостью, снимет с вас грехи», — елейным голосом поет другая.

На лицах детей появилось удивление и какое-то опасение, они начали оглядываться на соседей по вагону. «Не бойтесь, милые!» — вещала богомолка. «Вы святыми этими письмами искупите не только свои грехи, но и родителей ваших», — подхватила третья. Ребята робко замялись, но тут же приутихли, куда делось их веселое настроение. В школе им, очевидно, не раз говорили, что бога нет, что все это сказки. Но женщины упорно вели свою линию, а у меня сердце разрывалось на части. Как могут эти люди, наверняка сами матери, говорить подобные вещи детям, затуманивать их детские души? В чем их прегрешения? В том, что они счастливо живут, учатся, или в том, что их родители трудятся не покладая рук, чтобы приблизить то будущее, к которому стремится советский народ?

«Как вам не стыдно, с чем вы пристаете к детям, чему их учите?» — сказал я, не предполагая, что в ответ из только что перекрещенных уст может изрыгнуться такая ругань.

Тем не менее, я тактично и деликатно старался объяснить им, сколь неверно они себя ведут в отношении детей. Я не рассчитывал убедить их, потому что в таких условиях и столь быстро это, конечно, невозможно, а хотя бы вразумить, напомнить им, что детям нельзя внушать подобные мысли. Мне хотелось поговорить с ними тихо и мирно. Но, увы, кроме ругани, я от них ничего не услышал. Я поинтересовался, работают ли они где-нибудь, и, услышав, что они — члены колхоза, работают в нем, выращивают хлеб, засомневался. Назвать свой колхоз они отказались. Да и как может настоящий хлебороб в такое жаркое время, как уход за посевами, в рабочий день ехать на богомолье за несколько сот километров. Сказав им это, я снова получил поток ругани.

Но самое главное то, что сидящий неподалеку молодой мужчина с сарказмом заявил мне: «Чего пристал к божьим людям?» А ведь этот молодой защитник действий таких «божьих» людей и другие, подобные ему, по-моему, не желают видеть, сколь опасны они для наших детей своей религиозной проповедью в общественных местах.

Я рассказал об одном возмутившем меня случае для того, чтобы мы не проходили мимо таких фактов, не отмалчивались. Если мы, атеисты, будем болеть душой за каждого опутанного религиозными сетями ребенка, — меньше будет изломанных судеб, загубленных душ, одурманенных иллюзорной верой в загробное царство, униженных титулом «раб божий», уповающих на сверхъестественную силу.

А. МАЗЫКИН

с. Беленихино
Белгородской области

Я читала, что в природе иногда можно встретить животных с необычной для них окраской — белой. И будто бы глаза у них красные. Из рассказов дедушки помню, что таких зверей называли «оборотнями». В них превращаются, «оборачиваются» злые колдуны.

М. СМИРНОВА
г. Свердловск

В. ХАРЧЕНКО, кандидат биологических наук

Трудным и сложным был многовековой путь познания бесчисленных таинств природы, которая, по меткому и образному выражению Плутарха, «любит скрываться». Что-то уже прочитано человеком, но многое еще не разгадано. Альбинизм — загадочное отступление от типичной окраски — долгое время считался колдовской игрой природы. Многие народы поклонялись различным животным, резко выделявшимся своей необычной окраской. Подобное явление природы и сейчас не всегда правильно истолковывается людьми.

Исторические документы бесстрастно свидетельствуют о том, что животные с необычной окраской издавна привлекали внимание людей. В этой связи, например, уместно напомнить: как только Петр I, большой любитель диковинок, узнал, что в 1719 году вблизи города Рязани Артемий Кривцовский поймал «живое чудо» — белую ворону, он отправил на место события гонца со своей грамотой. В ней, в частности, говорилось: «...Ведомо нам учинилось, что ныне есть у тебя в поимке птица белая ворона... и как к тебе сия наша грамота прийдет и ты б тое птицу отдал тому солдату, устроя ей место, в чем бы ее можно довезти в Москве в целости и велел дать ему на тое птицу в дорогу довольный корм и подводы и провожатых, чтобы ей в дороге какой гибели не учинилось». После долгого пути белую ворону доставили в Москву.

Необычно окрашенных диких животных и сегодня обнаруживают в разных местах нашей планеты. Сообщения о них вызывают неизменный интерес. Вот лишь несколько фактов.

В торфяных болотах Западных Карпат впервые в Румынии была обнаружена крупная белая гадюка длиной более 80 сантиметров. Экземпляр имеет все признаки, присущие этой разновидности ядовитых змей,— характерный зигзаг на спине, своеобразный рисунок в виде креста на голове и короткий толстый хвост. Белая гадюка в гористой местности — самый что ни на есть научный парадокс, так как окраска змей обычно заметно темнеет с увеличением высоты над уровнем моря.

В СССР только за последние годы найдено несколько разных животных-альбиносов. Так, в Закавказье был замечен огромный белый кабан. В Голубовском охотохозяйстве Псковской области во время охоты на зайцев в 1975 году встретили диковинного «белого, как снег», лося. Юные натуралисты Забайкалья видели белоснежных белок. А в июле 1977 года зафиксировано рождение детеныша-альбиноса на одном из котиковых лежбищ Командорских островов.

На обширной территории Казахстана поголовье сайгака — единственного вида антилоп в СССР — исчисляется сотнями тысяч. Но белый сайгачонок за более чем 40-летнюю историю существования Алма-Атинского зоопарка попал туда в 1976 году впервые. Крохотный, ослабевший детеныш был найден в степи под Джезказганом. Не менее сенсационным считают недавнюю находку в Узбекской ССР совершенно белого каракурта — ядовитого паука среднеазиатской пустыни; ранее такой случай был описан специалистами только по коллекционным материалам, собранным еще в конце прошлого столетия в пустынях Туркмении.

Но необычная окраска животного не всегда бывает только белого цвета. Например, в декабре 1977 года в одном из лесничеств Харьковской области был убит совершенно черный волк.

Появление животных с явно нетипичной для данного вида окраской называют аберрацией. Наиболее распространенная и относительно часто встречающаяся нетипичная окраска животных — альбиносная. Таким животным свойственна или светлая окраска — в этих случаях мы имеем дело с так называемыми частичными альбиносами, или же яркая чисто-белая — это полные альбиносы.

Как же это происходит? Окраска у живых существ определяется красящими веществами — пигментами, содержащимися в перьях или волосяном покрове, в коже, радужной оболочке глаза. Так, черная окраска перьев птиц зависит от наличия пигмента меланина, кровь большинства животных имеет красный пигмент — гемоглобин.

Известно, что большинство живых существ развиваются из оплодотворенной зародышевой клетки. Изредка в деталях ее строения происходят нарушения и процесс развития такой клетки идет не совсем нормально. Одно из отклонений выражается в том, что перья, шерсть или кожа частично или полностью не вырабатывают красящий пигмент. В этом случае живые существа имеют светлую, беловатую или чисто-белую окраску. Если пигмент не разовьется в радужной оболочке глаза, то через нее просвечивает сетчатка, богатая кровеносными сосудами, поэтому глаза выглядят красными. Такое животное или пресмыкающееся вырастает белым, красноглазым альбиносом с беловатыми когтями.

У альбиносов-млекопитающих в дополнение к этому еще и нос имеет розоватую или светло-розовую окраску. У птиц же, в силу некоторых особенностей их строения и развития, альбиносные особи имеют голубые глаза.

А если в процессе развития зародышевой клетки происходит усиленное интенсивное образование чернокрасящего пигмента, то получается меланист — животное с черной окраской. Среди животных-меланистов с густым отложением бурого или черно-бурого меланина также принято различать частичных маланистов, к которым относятся, например, лисица-сиводушка, и полных меланистов: черного волка, серебристо-черную и черно-бурую лисицу.

Ученые, изучавшие процесс образования пигмента, установили, что сначала образуется рыжий пигмент, а уж потом он превращается в черный меланин. Если развитие пигмента у какого-либо животного не дойдет до конца (так тоже иногда бывает), то получаются рыжие особи — хромисты. Следует сразу же отметить, что среди других животных с аберративной окраской особи-хромисты менее известны. Пока хромистов чаще встречают среди хорьков и волков. Известны особи-хромисты среди тетеревиных птиц. В этой связи необходимо упомянуть о редких интересных находках пестро и вычурно окрашенных белогорболысых белок, сонь-полчков, так называемых «горностаевых» лисиц... Хромистами на самом деле являются золотые рыбки — рыжие караси.

И альбинизм, и меланизм, и хромизм передаются по наследству. Сегодня биологи научились искусственным путем вызывать такие «выгодные» для пушного звероводства нарушения. Если животное подвергнуть воздействию рентгеновских лучей, оно вызовет нарушение нормального строения клеток, вырабатывающих пигменты.

Сейчас с уверенностью можно говорить лишь об одном: чаще других в поле зрения попадают альбиносы галок, грачей, воробьев, скворцов, сизых голубей... Почему? Во-первых, большие стаи этих птиц почти постоянно находятся на глазах у людей и, следовательно, обнаружить альбиноса легче. Среди животных они встречаются реже. Это объясняется тем, что млекопитающих вообще меньше, а кроме того, многие из них ведут такой образ жизни, что люди их редко видят, альбинос может оставаться незамеченным долгие годы, а нередко и не обнаруживает себя вообще.

И еще одна немаловажная деталь. Специальными исследованиями установлено, что хищные птицы в природных условиях избирательно вылавливают в первую очередь именно тех животных, которые выделяются на общем фоне стаи, стада или популяции своим необычным видом или поведением. Например, в Германской Демократической Республике в добыче ловчего сокола больные и ослабевшие серые вороны встречаются чаще, чем в добыче ружейного охотника.

Польские ученые обратили внимание на другое не менее интересное явление: охотящийся ястреб-тетеревятник почему-то явно предпочитал нападать на голубей, выделяющихся своей окраской. Там, где в стаях преобладали голуби-сизари, ястреб выискивал белых, а там, где в стаях преобладали светлые и белые голуби, он вылавливал преимущественно сизых. Аналогичную особенность в поведении охотящихся пернатых хищников мне удалось наблюдать и на территории юго-восточных районов СССР.

В нашей стране в течение многих лет изучением проблемы развития животных и их изменчивости занимается московский Дарвинский музей. Материал по животным-альбиносам бережно и скрупулезно собирается и систематизируется. Любое пополнение данных по этому интереснейшему вопросу следует рассматривать как важный научный материал, необходимый для дальнейшего изучения явлений изменчивости животных.

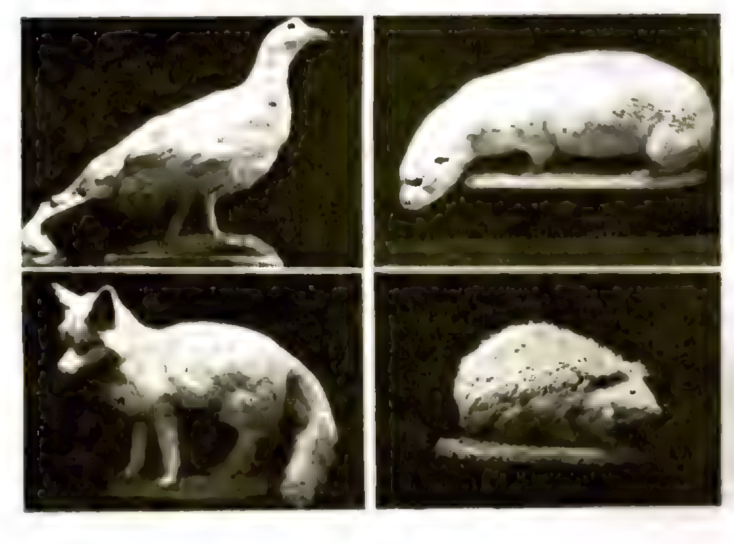
Кроме того, следует помнить, что и сейчас многое в изучении альбинизма еще остается неясным. Даже в Дарвинском музее, где экспонируется уникальная коллекция животных-альбиносов — представителей богатой и разнообразной фауны нашей страны, до сих пор нет сведений о явлениях альбинизма из многих ландшафтно-географических зон. К сожалению, большинство любителей природы, как правило, не придают серьезного значения встречам с животными-альбиносами. Поэтому сведения о таких находках все еще носят эпизодический, случайный характер.

Уникальность альбиносов, особенно их красные глаза, издавна способствовали тому, что окружала их «недобрая» слава, а подчас мистика и суеверия. И хотя загадка этого явления природы до конца еще не разгадана, но его материалистический характер не вызывает сомнений. Не только в лабораториях, но и в промышленном масштабе человек выводит животных с необходимой ему окраской. Напомним читателям о белых норках и различной расцветки лисицах. В альбинизме, как собственно и в любой нетипичной окраске животных, нет ничего сверхъестественного, материалистические закономерности этого явления природы изучаются учеными.

В заключение мне хочется обратиться ко всем любителям природы, натуралистам и охотникам: сообщайте о каждом факте встречи с альбиносами. Именно такая система связи ученых с широкой сетью корреспондентов—любителей природы десятки лет эффективно действует в целом ряде стран, обогащая науку ценнейшими данными о некогда таинственных случаях «игры природы».

г. Донецк

Животные-альбиносы: тетерев, выдра, лисица, еж. Экспонаты Московского Дарвинского музея.

Е. БРОДСКАЯ,
преподаватель
кафедры
философии
II Московского
медицинского
института

СПАСЕНИЕ МИРА ПО ПРОФЕССОРУ УАЙТУ

В эпоху научно-технической революции, когда воздействие человека на окружающий его природный мир нередко приводит к отрицательным последствиям, проблема взаимоотношения природы и общества приобрела жизненно важное значение. Все чаще говорят сейчас об «экологическом кризисе». В чем же его причина? Можно ли его преодолеть? На эти вопросы пытаются отвечать сегодня государственные деятели, ученые разных стран. Старательно ищут причины конфликта «человек — окружающая среда» и теологи.

В буржуазном мире большое распространение получила концепция, утверждающая, что начальная причина создавшейся экологической ситуации лежит в «неправильных» установках христианства. Одним из первых эту идею высказал профессор отделения истории Калифорнийского университета (США) Линн Уайт. Он изложил ее в лекции на собрании Американской ассоциации содействия развитию науки в 1966 году. Годом позже текст этой лекции был опубликован в журнале «Сайенс». Вкратце концепция Уайта сводится к следующему.

Изменения, которые люди производят в окружающей среде, зависят от того, как человек представляет себе свои взаимоотношения с окружающим миром. В этом смысле победа христианства над язычеством, считает Уайт, была величайшей революцией в истории культуры, «поскольку с этого момента и до настоящего времени мы живем, руководствуясь положениями, данными христианской религией».

На что же христианство нацеливает людей в их взаимоотношениях с окружающей средой? Вспомним, предлагает Уайт, библейскую историю сотворения мира. «...Бог создал свет и тьму, небесные тела, землю и все растения, животных, птиц и рыб.... Бог создал все это разнообразие для пользы и господства человека: весь мир должен служить целям человека. И хотя тело человека слеплено из глины, он не есть просто часть природы: он сделан по образу и подобию божию...»

Христианство, особенно в своей западной форме, продолжает он, представляет собой самую антропоцентрическую религию, какую когда-либо знал мир. Это учение, в отличие от древнего язычества и азиатских религий, не только провозгласило противоположность человека и природы, но и считает волей божьей эксплуатацию человеком природы в своих целях.

По мнению Уайта, христианский догмат сотворения, являющийся основным положением всего вероучения, приобретает в настоящее время, в период обострения экологического кризиса, все большее значение, так как «западный стиль становится преобладающим» во всем мире. «...Назревающий вывод неприятен для многих христиан, поскольку современная технология должна быть по крайней мере частично объяснена как западное волюнтаристское воплощение христианского догмата... А если это так, то христианство несет на себе бóльшую долю вины» за экологический кризис.

Что же предлагает американский профессор?

«Я сомневаюсь, — пишет он, — что экологический кризис может быть преодолен только с помощью науки и технологии. Изменения, вносимые человеком в окружающую среду, зависят от того, как человек представляет себе взаимоотношения с природой. Развитие науки и технологии не выведет нас из существующего экологического кризиса, пока мы не создадим новую религию или не изменим старую».

Аналогичный взгляд на причины современного экологического кризиса мы находим и в книге Г. Смита, Г. Стека и Г. Саретта «Экологический кризис. Его биологические, экономические и политические аспекты», в несколько модифицированном виде он содержится в статье английского историка А. Тойнби «Религиозная основа современного экологического кризиса», в работах профессора Массачусетского технологического института Д. Медоуза и некоторых других.

В противоположность подобным идеалистическим концепциям, видящим причины исторических событий лишь в представлениях и идеях людей, марксизм усматривает конечные причины исторических явлений в уровне развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений, которые и обусловливают определенные идеи, представления и вытекающие из них действия.

В то же время многие авторы, полемизируя в этих вопросах с марксизмом, утверждают, что он-де стремится объяснить все сложные, многогранные явления жизни только причинами экономического порядка. Однако это не так. «Мы считаем, — писал Ф. Энгельс, — что экономические условия в конечном счете обусловливают историческое развитие... Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное—лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь»[1]. Таков на деле материалистический подход и к такому сложному явлению, как экологический кризис.

Рассмотрим с этих позиций точку зрения Линна Уайта и его единомышленников. Профессор Калифорнийского университета правильно отмечает, что христианство, объявляя человека центром и целью мироздания, является антропоцентрической религией. Однако он при этом слишком абстрактно рассматривает значение принципа антропоцентризма в жизни людей. Чтобы верно оценить роль этой мировоззренческой установки в отношении человека к природе, следует учитывать два обстоятельства.

Первое заключается в том, что при установлении значимости этого положения необходимо иметь в виду, какими же реальными возможностями обладают люди, воплощающие его на практике. Второе состоит в том, что принцип антропоцентризма нельзя рассматривать в отрыве от других положений христианства. Ведь в этом вероучении, существующем в течение длительного времени, тоже происходили изменения. Менялись акценты, выделялись те или иные тенденции, которые в основном соответствовали сменяющимся этапам развития человеческого общества.

Например, в средние века, когда христианское учение было господствующей идеологией в Европе, значение принципа антропоцентризма фактически «погашалось» тем, что христианство, считая природу низшей формой божественного творения, провозглашало ее неизменяемость, непостижимость, неподвластность человеку. Такая установка, являясь своеобразным отражением ограниченных возможностей средневекового человека в его воздействии на природу, обусловила пренебрежительное, созерцательное, пассивно-потребительское отношение к ней.

С возникновением капитализма изменились и взаимоотношения человека и природы. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 174—175.

все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!» — так характеризовали динамизм восходящего капиталистического общества К. Маркс и Ф. Энгельс в 1848 году в «Манифесте Коммунистической партии» [2].

Следствием этого стало утвердившееся в буржуазном обществе представление о вседозволенности человека по отношению к природе — чуждой человеку внешней среде, с которой надо бороться, покорять ее, устанавливать над ней свое господство. Проповедуя активное, наступательное отношение человека к природе и, вместе с тем, заимствуя из христианства пренебрежение к ней, буржуазная культура, вооруженная мощными техническими средствами, смогла на практике реализовать эти принципы.

Таким образом, главная причина обострения экологических проблем в современную эпоху — существование капиталистического общества на нашей планете. Можно даже сказать, что современный экологический кризис есть кризис индустриального производства в его капиталистической форме, кризис ценностных установок буржуазной культуры. Опыт капитализма показывает: стихийное, движимое погоней за прибылью техническое и социальное развитие способно привести человеческую цивилизацию на грань гибели.

И в этом хищническом отношении к природе, да и к самому человеческому обществу, буржуазное общество нашло себе верного союзника в христианской религии, которая, по словам К. Маркса, есть «общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме... его моральная санкция... его всеобщее основание для утешения и оправдания» [3].

Позиция же профессора Уайта сводится главным образом к некоторым изменениям религиозных взглядов людей. В этом, а не в изменении самого капиталистического способа производства видит он спасение от всех бед.

Нужно отметить, что эти взгляды подвергаются критике и со стороны буржуазных ученых. Так, профессор Льюис Монкриф, выступая со своей собственной трактовкой проблемы, справедливо указал: «Уайт сам отмечает в начале своей статьи тот очевидный факт, что человек трагически изменял окружающую его природную среду еще с глубокой древности, а это противоречит идее о том, что именно иудео-христианская религия предрасполагает культуры, в которых она господствует, неблагоразумно использовать их природные ресурсы».

Действительно, отрицательное воздействие человека на окружающую среду можно увидеть и на ранних ступенях развития человеческой цивилизации. Сегодня, когда столь активно обсуждаются причины обострения экологических проблем, многие ученые обращают внимание на аналогичные ситуации в прошлом. Так, современный экологический кризис, вероятно, натолкнул советского климатолога М. И. Будыко и американских ученых Р. Мартина и Г. Райта на мысль о том, что исчезновение мамонтов и других крупных млекопитающих в ледниковую эпоху могло быть следствием не столько климатических условий, сколько результатом массового истребления этих животных первобытными людьми, доведшими охоту на них до совершенства. А это, в конечном счете, привело к изменению всего хозяйственного уклада первобытного человека, ранее жившего охотой.

Вполне возможно, что и таинственный уход народа майя (в Америке) с обжитых мест был вызван не столько испанской колонизацией, сколько истощением почв территории его обитания. Подобные примеры в истории человечества не единичны. Каждый из них еще раз подтверждает слова Ф. Энгельса о том, что не стоит «слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [4].

Эти слова очень точно схватывают общий противоречивый характер взаимодействия человека и природы. Но опять-таки надо подчеркнуть: крайней степени противоречивости этот процесс достиг именно при капитализме, для которого характерно «не **единство** живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой... а **разрыв** между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала» [5].

Но можно ли избежать отрицательных, нежелательных для природы и человека последствий в процессе их взаимодействия? По-видимому, сегодня на этот вопрос нельзя отвечать однозначно и прежде всего потому, что в мире еще существует капитализм со всеми присущими ему до крайности обострившимися чертами. Но на вопрос, можно ли избежать кризисов во взаимоотношении общества и природы, есть прямой ответ: да, можно! И фундаментальными предпосылками этого являются высокий уровень развития науки и наличие планомерно развивающегося социалистического общества, сознательно управляющего своим техническим и социальным развитием.

Разбирая концепцию Уайта и его последователей, следует отметить, что экологические вопросы остро стоят не только перед западными, индустриально развитыми странами, где господствует христианская религия. Обострение экологических проблем характерно и для других, в том числе развивающихся стран, где распространены нехристианские религии. Здесь оно имеет иные, отличающиеся от указанных Уайтом и не связанные с религией причины. Это варварская эксплуатация иностранными монополиями природных ресурсов в этих странах, хищническое «выкачивание» сырьевых запасов молодых государств, перемещение на их территорию наиболее загрязняющих среду производств (в печать просочились сведения даже о том, что из западных стран вывозят сюда радиоактивные отходы производства). Во-вторых, на фоне быстро растущего населения развивающихся стран примитивные способы эксплуатации природы часто приводят к ее необратимым изменениям. И, наконец, в-третьих, экологические проблемы с необходимостью захватывают все страны, поскольку, как стало принято говорить, природа не знает национальных границ.

Несколько отличаются от мнения Уайта и его последователей — светских буржуазных ученых, видящих причины экологического кризиса в слепом следовании христианским догмам, — взгляды на эту проблему многих религиозных деятелей. Они усматривают эти причины в искажении завещанного богом отношения к природе. Так, в русском православии господствует мнение, что истоки современных экологических проблем кроются в отходе европейской цивилизации от христианских традиций [6]. Мнения, казалось бы, взаимоисключающие, однако выход из создавшегося положения и те и другие видят прежде всего в изменении сознания людей на основе религии. И в том и в другом случае — чисто идеалистическая, уводящая от реальности трактовка вопроса.

Безусловно, в настоящее время необходимо изменение сознания людей, приведение его в соответствие со сложившейся экологической ситуацией. На место идеи господства человека над природой и принципа антропоцентризма, если они санкционируют право человека поступать с природой как заблагорассудится, должно прийти отнюдь не религиозное, а чисто земное, разумное представление о человеке как о заботливом хозяине земли, опирающемся в своем преобразовании природы на знание объективных законов и закономерностей взаимодействия общества и природы.

Однако не только представления нужны. Сам характер рассматриваемых экологических проблем настоятельно требует практических действий людей, вооруженных современной наукой и техникой. Пример таких действий — закон об охране природы, принятый в нашей стране, и меры, предпринимаемые для его реального осуществления. К этому следует еще добавить, что глобальные экологические процессы настоятельно требуют объединения в этой области усилий всех народов земного шара, их согласованных действий. И никакая новая (или обновленная) религия никогда не сможет стать фундаментом для этой цели. Не бессильное упование на всемогущего бога, не молитвы ему, а сами люди, их работа, труд, освобожденный от эксплуатации, сознательно планируемый и направляемый, — залог создания разумного взаимоотношения общества и окружающей природной среды.

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 429.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 414.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 495—496.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 478.

[6] Митрополит Алексий. Христианский взгляд на экологическую проблему. «Журнал Московской патриархии», 1974, № 3, стр. 47.

РОМАН

Найо МАРШ

Ярд

1

«Наверно, она начнет отпираться, — размышлял Аллейн. — Какие я тогда выдвину аргументы? Их ведь у меня совсем не много — все мои предположения основаны целиком на интуиции».

Он видел, что миссис Барримор потрясена, но эта женщина и в самом деле обладала завидной выдержкой.

— Я вела себя очень глупо, — сказала она. — Можете себя поздравить. Но интересно, какие у вас есть основания для подобных предположений?

— Я случайно подглядел выражение вашего лица в тот момент, когда из-за валуна появилась эта безобразная девица. Вы на нее так сердито глянули. К тому же мне говорили, что Уолли настаивает на том, будто его Зеленая Дама была высокая и очень красивая. Естественно, услышав такое, я прежде всего подумал о вас.

Наверху хлопнула дверь и послышался сиплый кашель. Миссис Барримор вздрогнула:

— Мистер Аллейн, бога ради, пообещайте мне, что не скажете об этом мужу. Пользы вам от этого не будет никакой. Клянусь! Вы даже не представляете, что случится, если вы об этом ему скажете.

— А он уже об этом знает?

— Это не важно. Он... он рассвирепеет. Из-за того, что об этом узнали вы.

— А почему, собственно говоря? Ведь это никакая не мистика и вы...

— Нет, нет, вы меня не поняли. Дело не в том... О, господи, он идет сюда. Боже мой, как мне вас просить?

— Постараюсь об этом умолчать. Лучше, чтоб он не видел вас в таком состоянии. Эта дверь ведет в кухню? Быстрей туда...

Майор Барримор грузно спускался по ступенькам. Зевая, он прошел через холл прямо к старому бару. Аллейн услышал звон стакана. «Доблестный майор имеет привычку опохмеляться, — подумал он. — Интересно, давно ли?» Он взял свой чемодан, скользнул в холл, потом громко хлопнул входной дверью.

— Здесь кто-нибудь есть? — крикнул он. Прошла целая минута, прежде чем распахнулась дверь бара и на пороге появился майор Барримор. Дрожащей рукой он прижимал ко рту белоснежный носовой платок. На его оплывшей багровой физиономии угрюмо поблескивали щелочки глаз.

— Привет, — буркнул он.

— Пришел к вам селиться, — бодрым голосом начал Аллейн. — Можете уделить мне несколько минут? Обычная формальность, но от нее, к сожалению, никуда не денешься.

Окончание. Начало см. в № 6, 7.

Барримор тупо уставился на Аллейна, потом распахнул дверь в гостиную:

— Сюда. Что скажете на этот раз? Арестовали кого-нибудь?

— Пока нет.

— Тут все болтают о мальчишке. Можно подумать, бедный ребенок им чем-то насолил.

— А вы не согласны с тем, что говорят?

— Нет. Начать с того, что он для этого слишком глуп. К тому же безобидный парнишка. Я в полку, бывало...

— У вас есть своя версия? С удовольствием выслушаю ваше мнение.

— Нет, старина. Вам она придется против шерстки.

«Итак, началось», — подумал Аллейн.

— Мне? Почему это? — спросил он.

— Слышали, о чем болтают в деревне?

— Нет. О чем же?

— Я-то сам не со всем согласен... И все-таки эти две... дамочки между собой лютовали.

— Кто?

— Мисс П. и мисс К. А ведь она побывала на месте преступления. Ясно, как божий день: вывесила свое чертово уведомление.

— А вам откуда об этом известно? — Аллейн сам удивился злости, с которой он выпалил эту фразу. — Дорожка перекрыта. К ограждению никого не подпускают. Откуда вам известно, что там побывала мисс Прайд и вывесила свое уведомление?

— Ей-богу, сэр...

— А вот откуда — вы сами там были!

Физиономия майора покрылась пунцовыми пятнами.

— Вы рехнулись, — глухо процедил он.

— Вы шли по дорожке. Притаились под навесом скалы возле последнего поворота. Когда мисс Прайд ушла, вы вышли из укрытия и направились к ограждению, прочитали предупреждение, разгневались и швырнули его в грязь.

Барримор нахмурил брови и дрожащей рукой расправил усы.

— Могу вам все объяснить.

— Что ж. Послушаем.

— Я следил за ней.

— За кем? За мисс Прайд?

— Именно. Так вот, слушайте. Я, значит, проснулся. Темень. Встал попить. За окном льет как из ведра. А тут вижу, эта старуха идет себе как ни в чем не бывало под своим проклятым зонтиком. Делает левый поворот и на дорожку. Ну, а я что, хуже? Глотнул, значит, парочку аспиринчика, плащ-палатку в зубы и вперед. Она, значит, догнала меня. Ладно. Применяю обходной маневр. Прячусь в укрытие. Чтоб подпустить неприятеля поближе. — Он осклабился.

— Вы что, встретились с ней на дорожке?

— Я? Боже упаси!

— Значит, вы просидели в своем укрытии, пока она не скрылась из виду?

— А я разве вам этого не говорил?

— Потом, когда она ушла, направились к ограждению, прочитали уведомление и швырнули его в грязь.

— Именно.

— А потом? Что вы сделали потом?

— Вернулся домой.

— Вы кого-нибудь встретили?

На лбу у майора набрякла жила. Глаза злобно сверкнули.

— Ни души! — что есть мочи гаркнул он.

— Вы встретили мисс Кост. Вы не могли ее не встретить. Она появилась у ограждения через несколько минут после ухода мисс Прайд. Вы встретились с ней либо там, либо на дорожке. Где же все-таки?

— Катитесь ко всем чертям!

— Это ваше последнее слово?

— Не совсем. — Он встал и вонзился взглядом в Аллейна. — Если это будет продолжаться, я позвоню в Ярд и скажу вашему командиру, что вы ведете себя предвзято и поэтому вам нет веры. Я добьюсь, что вас будет судить трибунал.

— Не советую, — спокойно сказал Аллейн.

— Не советуете? Я скажу им, что вы утаиваете улики, свидетельствующие против одной старой дамы, вашей закадычной подружки. Насчет вашего вкуса я уж помалкиваю.

— Майор Барримор, я не могу заставить вас проглотить язык, но, если вы его прикусите, вам это пойдет на пользу.

— Хотите запугать? Не выйдет. Да старая карга с самого начала точила зубы на бедняжку Кост. Твердила, будто она писала ей письма, кидала в нее камнями, угрожала по телефону, подсовывала в комнату какие-то фигурки.

— Да, в последнем случае мисс Прайд допустила ошибку, не так ли? Зеленую Даму ей в гостиную подкинула не мисс Кост, а вы.

У Барримора отвисла челюсть.

— Я бы на вашем месте не стал отрицать. Там сплошь ваши отпечатки.

— Лжете! Берете на пушку!

— Как вам будет угодно. Между вами существовал заговор, направленный против мисс Прайд. В нем участвовали вы, мисс Кост плюс Триэрны — как орудие. Вы рассчитывали ее запугать. Мисс Кост начала кампанию с угрожающих писем, составленных из букв и целых фраз, которые она вырезала из местной газеты. Вам понравилась эта идея: вы вырезали из вашего спортивного приложения слово «смерть» и прицепили его к голове фигурки. А фигурку взяли не у мисс Кост — они продаются в вашей гостинице!

— Катитесь к чертям!

Аллейн взял чемодан:

— Пока достаточно. Советую не злоупотреблять виски и обдумать на свежую голову, какой вред вы себе наносите. Если решите внести поправки в свои показания, я с готовностью вас выслушаю. И, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы в течение этих нескольких

часов, которые мисс Прайд вынуждена провести под вашим кровом, с ней обращались корректно.

— Минутку. Постойте...

— Слушаю.

— Похоже, меня крепко занесло. Мужчина не должен терять самообладания. Согласны?

— Напротив, спектакль был весьма поучительным, — сказал Аллейн и вышел.

2

Он взял у портье ключ и поднялся в номер. Было четверть четвертого. Мисс Эмили еще отдыхала. Через час сорок пять минут приедут инспектор Фокс, сержанты Бейли и Томпсон. Аллейн с нетерпением ждал их приезда.

Он ходил из угла в угол, обдумывая создавшееся положение. Майор должен был непременно столкнуться с мисс Кост. Он видел, как Эмили прошла к роднику, потом обратно, вышел из своего укрытия и направился к ограждению. В это самое время мисс Кост тоже должна была подойти к нему, только с другой стороны. Почему вдруг он, завидев ее, стал бы прятаться, да и где? Нет, они никак не могли избежать этой встречи. А если так, что сказали они друг другу под проливным дождем? А может, он, завидев ее издали, спрятался за валуном? Но с какой стати? И где все это время был Уолли? А Триэрн? Тоже слонялся где-то поблизости? Доктор Мэйн его не видел, но это еще ни о чем не говорит.

И еще одна головоломка, которая Аллейну совсем не нравилась, — миссис Барримор, она же Зеленая Дама. Случайно или же не случайно ломает он голову над этой загадкой? И почему она трепещет при мысли о том, что ее мужу могут рассказать об этом маскараде? Ведь Барриморы разбогатели именно благодаря эпизоду с Зеленой Дамой. Может, он просто велел ей об этом молчать? Она обмолвилась: его взбесит именно то, что обо всем этом стало известно Аллейну. И чем объяснить ее смятенное состояние в саду? Тогда еще и в мыслях ни у кого не было отождествлять ее с Зеленой Дамой.

И наконец, была ли мисс Кост убита потому, что она была мисс Кост, или же потому, что, ее приняли за мисс Эмили?

Зазвонил телефон. Аллейна хотел видеть мистер Нэнкивелл, мэр Порткарроу.

— Попросите его подняться ко мне в комнату.

Мистер Нэнкивелл был в крайней степени возбуждения. За его напыщенностью и подобострастием чувствовалось едва сдерживаемое любопытство. К тому же чем дальше, тем больше Аллейн догадывался: мэр порывается ему что-то сообщить, однако никак не может отважиться. Он попытался вызвать его на откровенность:

— Быть может, вы окажете мне помощь? Понимаете, я почти ничего не знаю о мисс Кост, а без этого просто невозможно вести расследование. Знаю только, что она была незамужем, что ей было сорок пять. К тому же мне сказали вы прекрасно разбираетесь в характерах людей.

— Конечно, это, так сказать, приобретается с опытом. — Мистер Нэнкивелл почесал затылок.

— Вот именно. Итак, между нами, как бы вы охарактеризовали мисс Кост?

— Обычная старая дева, — с ухмылкой изрек мэр.

— Неужели?

— И не такая уж старая. Недаром говорят, что сорок пять — самый опасный возраст в жизни женщины.

— Да, трудно предсказать, что они могут выкинуть в эти годы.

— Верно подмечено! — с неожиданным пылом подхватил мистер Нэнкивелл. Он откинулся в кресле и ухмыльнулся. — Она... она...

— Уверяю вас, если это не пригодится для дела, все так и останется между нами.

— Ну хорошо... Так вот, она за доктором здорово приударяла, а он ее на расстоянии держал. Майор после тоже...

— Что? Майор Барримор?

У мистера Нэнкивелла был ужасно смущенный вид:

— Возможно, это всего лишь сплетни, поэтому не будем на них останавливаться. Их распространяют дамы...

— Но все-таки что именно болтают эти дамы? Неужели у мисс Кост был роман с майором Барримором?

— Гм. Как будто. Говорят, к тому же бурный...

3

Одолев последнее препятствие, мистер Нэнкивелл понесся галопом. Оказывается, сведения эти исходили от мисс Сисси Поллок, вчерашней Зеленой Дамы, помощницы мисс Кост и ее ближайшей подружки. Судя по всему, мисс Кост изливала ей свою душу. Мисс Поллок в свою очередь под строжайшим секретом рассказала об этом одной своей закадычной приятельнице, чья мать, дружившая с миссис Нэнкивелл, была страшной сплетницей. По слухам, роман этот был скоротечным и имел место во время первого приезда мисс Кост на остров.

Когда мистер Нэнкивелл уходил, Аллейн заверил его, что фамилия мэра в деле фигурировать не будет, поскольку его показания основаны на так называемых слухах, а значит, их нельзя использовать в качестве улик...

Аллейн достал свои бумаги и дописал довольно длинный абзац. Потом закурил трубку и подошел к окну.

Из него открывался вид на залив, по спокойной глади которого скользило несколько лодок, среди которых Аллейн узнал ялик Патрика и Дженни. Девушка сидела на корме и смотрела кудато мимо своего спутника, а тот с ожесточением работал веслами. Даже издали было заметно, что он не в духе. Начавшийся отлив медленно относил их в сторону деревни. Аллейн видел, как Дженни качала головой.

— Ты не прав, Патрик, — тем временем говорила Дженни. — Ты зря на меня дуешься.

— Я вовсе не дуюсь на тебя.

— О, господи! — девушка посмотрела на Патрика, и ее губы задергались от смеха. — Ну не смешно ли, а?

— Ужасно смешно. Прошу прощения за свой клоунский вид.

— Послушай, но из-за чего все это? Из-за того, что мы с мистером Аллейном навестили Уолли и я опоздала к тебе на свидание? Или же из-за того, что завтра я еду с мисс Эмили в Данлоумен? Или же все вместе, а?

— Наслаждайся сколько тебе угодно любым обществом. Не стану соваться туда, где я не нужен. И свои секреты можешь держать...

— Но ведь это не мой секрет, а мистера Аллейна.

— Я так и думал.

— Ты меня извини, Патрик, но мистера Аллейна я все равно уважаю. Меня поражает в нем... как бы это сказать... в общем, то, что он не принадлежит к реакционерам.

— Ну да, перед нами образец настоящего просветителя.

Дженни наклонилась и положила свою ладонь на костлявую коленку Патрика:

— Скажи мне, что все-таки случилось?

— Господи, неужели ты можешь так легко обо всем забыть? О мисс Кост, которая теперь лежит в морге с проломленным черепом. О мисс Кост, которая захлебнулась водой из нашего распрекрасного родника. А этот твой очаровательный сыщик тем временем все глубже и глубже вторгается в нашу жизнь. Ты думаешь меня привлекает перспектива... — он вдруг осекся. — Одним словом, я слишком привязан к своей матери.

— Патрик, я все понимаю. Так оно и должно быть, но...

— Черт побери, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Но ведь об этом не может быть и речи. Мистеру Аллейну и в голову никогда не придет, что...

— Ты думаешь? — он отвел глаза. — Это была отвратительная женщина.

Оба долго молчали. Внезапно Дженни вздрогнула, точно ее схватила чья-то невидимая рука.

— В чем дело? Ты замерзла?

У Патрика был такой несчастный и растерянный вид, что Дженни буквально захлестнула волна сострадания.

— Давай перестанем говорить друг другу колкости, — сказала она. — Лучше поедем домой и разберемся в себе. Вот и солнышко скрылось.

— Я понимаю, что тебе хочется от всего этого отмежеваться. В хорошенькую же компанию ты попала! Конечно, тебе лучше всего уехать в Данлоумен.

— Милый мой, ты сам понимаешь, как ты несправедлив.

Патрик взял девушку за руку.

— Виноват. Я очень виноват. Милая Дженни...

В комнате Аллейна зазвонил телефон.

— Фокс прибыл в ваше распоряжение, — услышал Аллейн знакомый безмятежный голос своего коллеги. — Нахожусь в полицейском участке Порткарроу.

— Тогда я жду вас, Берди.

Фокса сопровождали сержанты Бейли и Томпсон. Кумб показал им дорогу и вернулся в участок. Они шли гуськом по насыпи. Аллейн увидел их из окна, надел плащ и вышел навстречу.

— Живописное местечко, — заметил Фокс. — И, судя по всему, пользуется успехом. Итак, мистер Аллейн, мы вас слушаем.

— Расскажу по пути.

Они поднялись к роднику маршрутом Уолли. На дорожке к гостинице стоял

на посту полицейский. Аллейн взглянул на небо. С северо-запада ползли низкие тучи, ветер крепчал. Море покрылось рябью.

— Сводку кто-нибудь слышал?

— Да, — отозвался Фокс. — Ночью ожидают шторм с ливнем.

— Проклятье!

Выступ над родником и прилегающий склон были закрыты брезентом.

— Его расстелили люди Кумба, — пояснил Аллейн. — Итак, Бейли, приступайте к делу. Фокс, вот мои записи.

Немногословный Фокс достал футляр с очками и примостился на склоне. Аллейн вышел за ворота и, прислонившись спиной к ограде в том самом месте, куда мисс Эмили повесила свое уведомление, окинул взором маршрут Уолли. Через несколько минут он окликнул Фокса.

— Что вы видите? — спросил он.

Фокс не спеша перечислил все, что охватывал его взор.

— Благодарю вас, Берди Фокс. Помните обо всем том, что видели, когда будете переваривать мои записи. А я пройду к этому проклятому укрытию.

— Чем нас порадует погода? — спросил он у стоявшего на посту констебля.

— По всем приметам, сэр, надвигается буря.

— А где ваш напарник? За поворотом?

— Да, сэр. Никто у нас не пройдет, хоть многие и суются. И больные и всякие.

— Кто-нибудь из ваших знакомых пытался пройти?

— Сперва две горничные из отеля, сэр. Как дурочки хихикали и визжали. После майор. Говорит, будто кто-то из гостей уронил за той скалой кольцо и он хочет поискать. Мы с напарником ничего там не нашли. Его мы и близко не подпустили, хоть он и по-страшному выражался.

— Правильно сделали. А вы не заметили: майор не оставил следов?

— Оставил, сэр, и, по-моему, они точно такие же, какие там уже были.

Аллейн тщательно измерил свежие следы майора и сравнил их со следами, сохранившимися под скалой.

— Тютелька в тютельку, — процедил он.

Вернувшись к роднику, Аллейн застал Фокса препирающимся с Джеймсом Триэрном.

— Я попросил приятеля подменить меня на катере, а сам вот решил подняться к вам и получить ответ на свой справедливый вопрос: что, черт побери, здесь творится? Я дорожу своим честным именем, мистер, а теперь это честное имя подвергают сомнению.

— В чем дело, мистер Триэрн? — поинтересовался Аллейн.

— Не подумайте, сэр, будто бы я хочу вступить в противоборство с законом, — загнусавил тот. — Мы народ смирный, и к нам с ихней стороны никогда не было претензий. Зачем это вы про меня записываете? — прицепился он к Кумбу.

— Я думал, вы хотите обратиться к нам с жалобой. Не так ли, мистер Фокс?

— Я тоже так подумал, сэр. — Фокс спокойно смотрел на Триэрна поверх очков.

— Ну, это не совсем чтобы жалоба... Не приписывайте мне чужих слов, начальник. Зачем это мне нужно?

Внезапно Триэрна прорвало и он пустился в долгий бессвязный рассказ. Люди, ныл он, болтают всякое. А Уолли соблазнили мороженым. Ведь кто угодно скажет, что на слова бедного парнишки нельзя полагаться: он же невинный, все равно, что новорожденное дитя, и всем любит делать одно приятное.

— Мистер Трйэрн, мы собирались заглянуть к вам вечером, — сказал Аллейн, — но вы нас опередили. Хотим произвести у вас обыск и имеем на это ордер. Если вас устраивает, мы спустимся вместе с вами в поселок.

— Это еще зачем? Я не прячу у себя ничего такого, что не дозволено.

— Тогда у вас тем более не должно быть никаких возражений.

— Все дело в принципе, — Триэрн обернулся и посмотрел в сторону родника, где Бейли и Томпсон уже начали собирать свои вещи. — Что такое? Что там делают ваши ребята? Ищут следы?

— Да.

— Они не найдут там следов нашего Уола! Не найдут! Ни за что не найдут, мистер. Уж я-то знаю.

— Он был там вчера.

— На выступе не был. И наверху тоже.

— А почему вы так испугались? Вам что, известно, как была убита мисс Кост?

Триэрн часто заморгал.

— Мистер Триэрн, вы будете говорить или нет?

— Но ведь все говорят, что в нее кинули камень...

— Это вы о том вечере, когда вы сами подучили Уолли кинуть камни в мисс Прайд, не так ли?

Триэрн вобрал голову в плечи, будто его самого огрели камнем:

— Что вам сказал парнишка? Он ведь придурок. Разве ему можно верить?

— Продолжим этот разговор позже, — сказал Аллейн. — А теперь спустимся к вам...

Посетителей в коттедже Уолли не было. Ветром с забора посдувало сети, розы гнулись к земле, вывеска дребезжала.

— Вы сэкономите время и себе и нам, если покажете то, что нас больше всего интересует. Куда вы спрятали бельевую проволоку?

— Так я вам и сказал. Силой не заставите.

— Дело ваше. — Он повернулся к Фоксу. — Посмотрим в сарайчике?

Здесь валялись старые сети, обломки весел, мешки, ящики, всякие инструменты и груды пустых бутылок из-под джина. В дальнем конце двора был курятник, а перед ним — куча навоза, в которой, похоже, кто-то недавно копался.

— Фокс, подайте мне, пожалуйста, вилы, — попросил Аллейн, направляясь к курятнику. В этот момент с неба обрушились потоки ливня. Проволока была аккуратно смотана и зарыта в куче навоза. Аллейн сразу же наткнулся на нее.

— Вот так, Фокс. Первая ценная находка. — Он протянул ему моток, а сам достал из кармана кусочек проволоки, который откусил от ловушки, и приложил к срезу.

— Будьте любезны, подите сюда, — окликнул он Триэрна.

Тот медленно сдвинулся с места — черная статуя, исхлестанная дождем.

— В данный момент я не собираюсь вас арестовывать, — сказал ему Аллейн, — но считаю себя обязанным предупредить: ваше положение серьезное. Совершенно очевидно, что проволочный капкан, обнаруженный два дня назад в папоротниках над родником, был отрезан вот от этого мотка. Доказательством послужат снимки и тщательные измерения среза.

У Триэрна задвигалась нижняя челюсть, будто он жевал резинку, в горле заклокотало.

— Дак это же обычная детская шутка, — промямлил он.

— Вы так думаете?

— Ежели это сделал мой Уол, я спущу с него шкуру.

— На вашем месте, мистер Триэрн, я бы не стал прибегать к новым актам насилия. Да Уолли и не смог бы этого сделать. Искусная работа, к тому же из той самой проволоки, остаток которой вы пытались спрятать. Желаете сделать опровержение?

— Опровержение! И чтоб про меня снова записали! Нет уж, дураков нет. Ладно, а с какого боку это можно прицепить к мисс Кост? Она же ноги протянула, а не та старая карга, верно?

Аллейн постарался пропустить этот эпитет мимо ушей.

— Значит, вы не верите, что мисс Кост убили из-за того, что ее приняли за мисс Прайд?

— Не верю, мистер. Наоборот, я считаю, что одна дамочка укокошила другую.

— А что вы делали сегодня в половине восьмого утра?

— Спал в своей кровати.

— И когда встали?

— Откуда я знаю? Постойте-ка... Конечно, черт подери! Запамятовал поначалу. Я слышал сквозь сон, как мальчишка шумел и гремел по дому. Он меня и разбудил, а я на него прикрикнул. На часы глянул: пять минут девятого. Растолкал свою старуху, она у нас соня известная, и велел согреть чайник. Куда там. Она опять словно в яму провалилась. Так что я сам встал и поставил чайник, потом глянул в окно, а там как из ведра.

— Уол был все еще дома?

— Да. Сидел в уголочке как обычно и мурлыкал что-то свое.

— Вы никого не видели, когда смотрели в окно?

Триэрн ответил не сразу:

— Я видел доктора в его катере. Он как раз ехал от Бесси Трэтевей, она произвела на свет еще одного мальца.

— Ваши часы идут верно?

— Секунда в секунду.

— Можно на них взглянуть?

Он замялся, потом, сопровождаемый Фоксом, нехотя направился к дому и вынес разбитый будильник. Аллейн сверил его со своими часами.

— Отстают на шесть минут.

— А зачем мне часы? Я выхожу в море и знаю время без них, — сердито огрызнулся Триэрн. — Гляну из окна и вижу: отлив, а я знаю, когда он начинается, и если эта дамочка преставилась как раз тогда, когда я из окна глядел, значит, преставилась она в самый что ни на есть отлив, вот и делу конец.

— Триэрн, как же так получается? Миссис Трэтевей родила ребенка в половине восьмого, а доктор говорит, что

уже через десять минут после родов был на своем катере. На целых полчаса не сходится.

Наступило долгое молчание, после которого Триэрн разразился бессвязным потоком проклятий и угроз, потом затянул обычное нытье. Затем сказал, что любой человек может оступиться. Тут на свет божий выползла его супруга, похлопала глазами, стоя в дверях, и удалилась. Из дома доносилось гиканье, цокот лошадиных копыт: Уолли, видимо, наслаждался телевизионной программой.

— Эй ты! Уол! — вдруг крикнул Триэрн. — Поди сюда!

Уолли бочком вышел на заднее крылечко и, увидев Аллейна, улыбнулся ему. Отец схватил его за руку:

— Ну-ка, выкладывай правду. Ты кидал в нее большими камнями?

— Нет, не кидал я, — захныкал Уолли.

— Вот так-то. И никогда не кидай. Скажи громче, чтобы слышали эти начальники. Дай честное слово, что не кидал большими камнями, не то шкуру спущу за вранье.

— Честное слово, не кидал большими камнями, только мелкими камушками,— дрожа, твердил Уолли. — Как ты меня учил.

— Вот так-то! — рявкнул его папаша. — Пошел в дом.

Уолли удалился.

— Вы с мальчиком потише, — предупредил Аллейн. — Бьете его?

— Руки на него сроду не поднял, мистер. Просто такая манера разговаривать. По-другому он не понимает.

— Так вот, Триэрн, вы слышали, что сказал мальчик. Большими камнями он не кидал, а только камешками, как вы его научили. Не лучше ли вам воспользоваться случаем и честно признаться в том, что он кидал камнями в мисс Прайд по вашему наущению. Подумайте хорошенько.

Триэрн в сердцах отшвырнул ногой консервную банку:

— А если я скажу, что он сделал это во время своего приступа... Да ладно уж. Но я отрицаю и буду отрицать, и тут уж вы со мной ничего не поделаете, что он мог швырнуть камнем в Элспет Кост. Могу хоть на Библии поклясться, да разразит меня гром!

— Почему вы так в этом уверены? Приблизительно без двадцати восемь мисс Прайд видела мальчика на дорожке. И доктор Мэйн тоже. Вас ведь при этом не было? Или же...

— Не было. Ей-богу не было! Пусть кто-нибудь попробует сказать, что был. Спрашиваете, почему я так в этом уверен? Да потому, что мальчишка в жизни своей ни разу не соврал, ясно? Он слишком глуп, чтоб врать. Кого хошь спросите. Его учительницу. Священника. Он правдивый парнишка, наш бедняга Уол, и ты его хоть убей, кроме правды, он ничегошеньки не скажет.

Аллейн вспомнил фразу Дженни: «Это удивительно правдивый мальчик. Никогда не обманывает. Никогда».

— Ладно. Пока ограничимся этим. Всего хорошего.

Когда они уже были в воротах, Триэрн крикнул:

— А что будет с этой моралисткой? С Прайд? Ее нужно посадить в кутузку.

Миссис Триэрн визгливо расхохоталась и громко хлопнула дверью.

Магазин

1

Чета Трэтевей жила через дорогу от Триэрнов. Аллейн постучал с черного хода, и дверь ему открыл сияющий отец.

Они беседовали в кухне, стоя возле окна, из которого открывался вид на родник. Аллейн спросил, не заметил ли Трэтевей случайно на дорожке Уолли примерно в то время, когда родился ребенок, и получил вполне резонный ответ, что было не до того. Ребенок и на самом деле родился в половине восьмого, а Мэйн отбыл буквально через пять минут после родов.

Пожав Трэтевею на прощание руку и выйдя на улицу, Аллейн пересказал товарищам то, что узнал.

— Почему же тогда Триэрн твердит, будто видел, как доктор отчаливал в своем катере в пять минут девятого? — недоумевал Фокс. — В таких случаях, как правило, врут с единственной целью — подтасовать время. Обычный трюк.

— Вы правы, — кивнул Аллейн. — Бейли, — обратился он к сержанту, — удалось ли вам обнаружить поверх этого месива следы рыбачьих или детских ботинок?

— Ни тех, ни других, мистер Аллейн. Но, как вы и сказали, какие-то следы стерли плоским камнем. Зато отчетливо видны следы, оставленные после утреннего дождя парой форменных ботинок и модных штиблет на вулканизированной подошве, размер девять с половиной, изрядно стоптанных.

— Знаю. Это наследили инспектор с доктором. А возле укрытия и за ним?

— Как вы и предполагали, мистер Аллейн. Армейские, ручной работы. Десять с половиной. Стоптанные, но еще в приличном состоянии.

— То же самое относится в известной степени и к их владельцу.

Теперь все море было в белых гребешках. Горизонт заволокло тучами. Через насыпь перекатывались огромные волны.

Из витрин магазина мисс Кост просвечивал слабый свет. В помещении стоял спертый запах картона, шерсти, жевательной резинки. Сидящая у коммутатора мисс Сисси Поллок заулыбалась, увидев гостей.

— Мистер Аллейн, вам звонил из Данлоумена сэр Джеймс Кертис, — с почтением в голосе сказал Пендер.

(Кертис был патологом министерства внутренних дел.)

— Откуда он звонил?

— Из морга, сэр. Там был и доктор Мэйн.

Сторож в морге сказал, что сэр Джеймс только что ушел, но он попытается его догнать. Его шаги гулко процокали по бетонному полу. Через пару минут трубку взял сам великий человек.

— Привет, Рори. Где это тебя носит? Я сделал то, о чем ты просил. Представить отчет?

— Желательно.

Он оказался достаточно прост. Захлебнулась в бесчувственном состоянии, причиной которого стал удар по голове. Тем самым камнем, присланным вместе с телом. Он согласен с предположением доктора Мэйна, что смерть наступила примерно за час до того, как тело было обнаружено Аллейном. На все интересующие его вопросы ответит доктор Мэйн — он уже уехал в Порткарроу.

В гостиницу они вернулись без пяти восемь. Аллейн спросил у портье, не найдутся ли комнаты для трех его коллег, и тот ответил, что почти все номера теперь пустуют. Ввиду того, что надвигалась буря, да и родник временно закрыт, большинство из прибывших в Данлоумен решили сюда пока не ехать.

— Ведь если разыграется шторм, — сказал портье, — мы будем отрезаны от всего мира.

Аллейн поднялся к себе, быстро переоделся и зашел к мисс Эмили. Старуха как раз кончала обедать. Сидела за столом прямая, как свеча, и чистила грейпфрут. Перед ней стояла бутылка с красным вином, у локтя лежала раскрытая книга.

— Я на минутку, — сказал Аллейн. — Как дела? Небось, умираете от тоски?

— Добрый вечер, Родерик. Пока держусь, хотя и очень скучаю по свежему воздуху.

— Погода теперь не для прогулок. Как к вам относятся?

— Утром горничная вела себя вызывающе, а официант, который принес ленч, просто надерзил. Однако к вечеру отношение заметно переменилось. Как будто меня подозревают в убийстве.

— Почему вы так решили?

— Днем, перед тем как прилечь отдохнуть, я вышла на балкон. На лестнице отеля собралось несколько местных ребятишек. Завидев меня, они запели хором. Не стану пересказывать вам слова. Но мне определенно хотели сделать больно.

— Чертовы деточки. Не обращайте внимания. Что касается вашего отъезда в Данлоумен...

— Не создавайте себе лишних хлопот. Этот молодой человек... Патрик вызвался нас довезти.

— Понятно. Но, если погода не изменится, переправиться по насыпи будет нелегко.

— Ничего...

Они замолкли. На гостиничное здание свирепо обрушился ураган, дико завыл в каминной трубе.

Фокс, Бейли и Томпсон ждали его в столовой. Здесь не было никого, кроме Дженни и Патрика. Они сидели за семейным столом, держа в руках пузатые рюмки. Похоже, отмечали какое-то событие. Их взгляды то и дело встречались, и тогда они улыбались друг другу. Завидев Аллейна, Дженни помахала ему рукой.

— Я слышал, вы вызвались отвезти завтра дам, — сказал Аллейн Патрику. — Очень любезно с вашей стороны.

— Если шторм не уляжется, перебраться на ту сторону будет нелегко, — заметил Патрик.

— Представляю себе.

— Она не боится?

— Уж кому-кому, а ей чувство страха неведомо. В шестьдесят лет она руководила подпольной организацией Сопротивления. Ее жизнь — это целый роман!

Подошел официант и сказал, что Аллейна разыскивает доктор Мэйн:

— Он в вестибюле, сэр.

Доктор Мэйн стряхивал с полей шляпы воду.

— Ну и ночка! — воскликнул он. — Вот уж не думал, что сумею добраться.

— На чем вы переправлялись через пролив?

— На своем катере. По насыпи ехать невозможно. Сэр Джеймс сказал, что вы, по всей вероятности, захотите поговорить со мной, к тому же я должен заглянуть к пациенту.

— Очень вам рад. Вскрытие немногое дало. Кертис так и сказал. Я хотел бы выяснить у вас некоторые детали. Что-нибудь выпьете?

Доктор Мэйн заказал виски с содовой.

— Думаю, пока я здесь, — сказал он, — мне следует навестить мисс Прайд. Знаю, полиции не полагается задавать вопросы, но все-таки, что вы думаете по поводу покушения на мисс Прайд? Или же эта проблема пока не возникала?

— Возникала, но лишь как побочная. А вы сами что думаете на этот счет?

— Боюсь, к этому причастен Уолли Триэрн. А за его спиной стоит папаша.

— Я придерживаюсь той же точки зрения. Как вы считаете, это не противоречит основной модели поведения этого ребенка?

— Как раз весьма характерно для него. В возбужденном состоянии он способен на дикие выходки. Иногда за этим следует эпилептический припадок.

— Ему можно как-то помочь?

— Мальчик должен вести спокойный, размеренный образ жизни. Мне кажется, домашнее окружение и эта роль шута, которую его заставляют играть, действуют на него пагубно. Гм... А если... Нет, просто не знаю, что и делать.

— Вы о чем?

— Я подумал, не стоит ли нам в любом случае определить ребенка в соответствующее лечебное заведение. И потом, несет ли он ответственность за то, что ударил мисс Кост по голове камнем?

— Если он и сделал это, то никак не раньше, чем через полчаса после того, как вы его видели.

— Понятно, — доктор помолчал. — Сэр Джеймс считает, что смерть наступила около восьми, плюс-минус двадцать минут. Жаль, я не пригляделся к ребенку внимательней, но тогда на то не было оснований. Я как раз разворачивал катер.

— Это происходило примерно в семь сорок, не так ли?

— Да, приблизительно в это время.

— А вы случайно не заметили мисс Прайд? Ее тоже было видно с моря. Она, кстати, видела Уолли.

— Да не может быть! Нет, не заметил. Наверное, ее загораживал от меня верх рубки.

— А как вел себя Уолли? Прошу прощения за свою дотошность, но мисс Прайд могла кое-что упустить.

— Он прыгал спиной ко мне, размахивал руками, выбрасывая их вперед, будто что-то бросая. Теперь, когда вы мне сказали, что мисс Прайд была возле ограды, я понял, что его кривлянья предназначались для нее. Когда я посмотрел в его сторону в последний раз, мне показалось, он собирается подняться в гору. Но все это я видел, как вы понимаете, краем глаза.

— Его отец утверждает, что мальчик в пять минут девятого был дома.

— Не исключено, — не сразу сказал доктор Мэйн. — Он вполне мог обернуться, не так ли?

— Еще Триэрн говорит, будто бы видел, как вы отчаливали на катере. По его словам, это было в пять минут девятого.

— Врет, как сивый мерин! — доктор внимательно посмотрел на Аллейна. — Интересно, зачем ему это нужно?

— Мне тоже интересно, уверяю вас. А как вы думаете, кто эта Зеленая Дама в жизни?

Бледные щеки доктора вспыхнули лихорадочным румянцем:

— Я никогда над этим не задумывался. Даже не представляю. Мы считали, он ее выдумал.

— Ею была миссис Барримор.

— У вас нет никаких оснований для такого утверждения, — запальчиво возразил доктор.

— Самые надежные основания. Поверьте мне.

— Вы хотите сказать, что миссис Барримор сама вам в этом призналась?

— Фактически да. Я высказал ей свое предположение, и она ответила, что я могу себя поздравить.

Доктор Мэйн поставил свой стакан с виски и зашагал из угла в угол:

— Клянусь чем угодно, но я никак не могу взять себе в голову, зачем вы этим занимаетесь? К вашему делу это ни в коей мере не относится.

— Если окажется, что это действительно к делу не относится, мы сразу же поставим точку. Но мне не ясно, почему миссис Барримор так страшится разоблачения?

— Черт побери, а как же ей его не страшиться! Представим себе, абстрактно разумеется, что она встречает возле родника этого несчастного, затравленного ребенка и, повинуясь мгновению, заставляет его поверить в то, что бородавки действительно исчезнут, если он этого сильно захочет. Мальчик возвращается домой, и бородавки на самом деле исчезают. В мгновение ока досужие умы превращают это в чудо. Она никак не может решить, стоит ли ей выводить из заблуждения ребенка и разочаровывать многих людей. И чем дальше, тем больше ее терзают сомнения.

— Мне вполне понятен смысл вашего рассказа.

— Тогда прекрасно! — воскликнул доктор.

— Особенно она боялась, что я расскажу об этом ее мужу.

— Такому субъекту вряд ли станешь изливать душу.

— А вам она рассказывала об этом? Понимаю, это бестактно с моей стороны, но ничего не поделаешь.

— Я ее доктор. Она советовалась со мной. И я посоветовал ей молчать.

— Да?

— Нередко вера помогает людям исцелиться. Особенно это относится к тем, чьи заболевания происходят на нервной почве. И таким людям разоблачение может нанести вред.

— Это относится и к астматикам?

— Вероятно, да.

— К мисс Кост тоже?

— Как вам будет угодно.

— И мисс Кост была вашей пациенткой?

— Да. Ее беспокоили родинки, и я за ней наблюдал. Примерно с год назад я удалил их в своей лечебнице.

— Хотелось бы услышать от вас об этой женщине.

— Послушайте, Аллейн, я не чувствую себя обязанным пренебрегать своими профессиональными обязанностями по той только причине, что меня вызвали осмотреть труп.

— А она не могла знать тайну Зеленой Дамы?

— Не имею представления. Но, на мой взгляд, это маловероятно. Вы ведь присутствовали вчера на этом дурацком зрелище? Зайдите в ее магазин! Сплошные Зеленые Дамы. Если хотите знать мое мнение...

— Я как раз хотел о нем спросить.

— Так вот, я считаю, это дело рук мальчика. Надеюсь, все кончится тем, что его сочтут неответственным за свои действия, потому что он бросил камнем просто так или же не представляя последствий своего поступка. Его могут забрать от родителей, которые все равно со своими обязанностями не справляются, и поместить под наблюдение специалистов.

— Просто. Ясно. Понятно.

— А вы в это не верите?

— Хотел бы поверить.

— Интересно бы было выслушать ваши возражения.

— Вам они покажутся сугубо профессиональными. Ну, мне пора.

Он успел дойти только до двери, когда доктор Мэйн окликнул его:

— По-моему, вам следует знать одну вещь относительно мисс Кост...

— Я вас слушаю.

— Она жила в мире фантазии. Опять-таки для женщины ее темперамента, комплекции и возраста не столь уж и необычное явление, однако иной раз это доходило до крайностей.

— Спасибо вам за информацию.

— Она может и не пригодиться.

— Кто знает. Спокойной ночи, Мэйн.

2

Дверь закрылась, и четверо мужчин очутились во власти беснующейся стихии. Ступив на тротуар, они буквально повисли на перилах и поползли в сторону моря, по-крабьи широко расставляя ноги.

— Жуткая ночь, — покачал головой Пендер, запирая за вошедшими дверь.

— Должно быть, вам обоим эти бдения надоели до чертиков, — посочувствовал парню Аллейн.

— Нет, сэр. Пока еще нет. Сисси показала мне, как работает коммутатор. Простая душа у этой девчонки, сэр. Да вы сами поймете, если случится ее допрашивать. — Он улыбнулся мисс Поллок, и та хихикнула в ответ.

Они разделились на группы и разработали план действий. Им предстояло самым тщательным образом обследовать все помещение.

— В нашу задачу не входит отыскивать что-то необычное, — говорил коллегам Аллейн. — Меня интересуют материальное положение покойной, ее корреспонденция. Нам очень пригодился бы ее дневник. Если найдутся старые

газеты, их необходимо внимательно просмотреть. Фокс, можете взять себе подсобные помещения и спальню. Я начну с гостиной.

Аллейн подошел к Сисси Поллок. Та сняла наушники и жеманно улыбнулась.

— Вы, по всей вероятности, были в хороших отношениях с мисс Кост, — сказал он. — Сколько лет вы проработали у нее в магазине?

Оказалось, чуть больше года. С тех пор, как здесь открылось почтовое отделение. Мисс Кост продала свой дом в Данлоумене и оборудовала себе жилье позади магазина. Она договорилась с одной оптовой фирмой, чтобы та ей поставляла Зеленых Дам, которых она раскрашивала, а местная типография печатала для нее листовки со стихами. Сисси рассказывала охотно. По ее словам, мисс Кост была женщиной предприимчивой. Она еще организовала в Порткарроу драматический кружок. Фестиваль был его первым детищем, а Сисси — ведущей исполнительницей.

— Были у нее близкие подруги? — спросил Аллейн.

— По-моему, нет. Хотя она писала много рождественских открыток.

— Значит, ее самой близкой подругой были вы?

Рисунки И. ОГУРЦОВА.

— Ага, — кивнула Сисси и шаркнула по полу подошвами.

— А с мужчинами она дружила?

Это вызвало приступ смеха. Аллейн с трудом вытянул из нее уже известный ему рассказ о разбитых надеждах. Мисс Кост постоянно предостерегала Сисси относительно сильного пола и не раз намекала на то, что мужчины поступали с ней подло. Когда Аллейн издалека завел речь о майоре Барриморе, Сисси замялась, и ему едва удалось добиться от нее признания, что мисс Кост майора ненавидела — он обошелся с ней как последний подлец.

Потом девушка вспомнила, что мисс Кост лежала в лечебнице из-за своих родинок, а перед этим прибегала к помощи родниковой воды. Аллейн рискнул спросить, нравился ли мисс Кост доктор Мэйн, на что Сисси с неожиданной откровенностью ответила, что покойница его боготворила.

— А мисс Кост дружила с миссис Барримор?

Сисси насупилась:

— Да она ее видеть не хотела.

— Что вы говорите! А как вы думаете, почему?

— Она звала ее лицемеркой. — Сисси поджала губы.

— А вы не знаете, мисс Кост вела дневник?

— По вечерам она что-то писала в толстую тетрадь, — сказала Сисси, — а потом куда-то ее прятала.

Зажужжал коммутатор. Воспользовавшись паузой, Аллейн увел Пендера в соседнюю комнату и сказал, чтобы он проводил мисс Поллок домой — они уж как-нибудь сами управятся с коммутатором.

Когда Сисси с Пендером ушли, Аллейн вернулся в гостиную и принялся за изучение содержимого письменного стола мисс Кост, который при беглом осмотре показался ему памятником беспорядку. Счета, квитанции, накладные, деловые письма — все было вперемешку рассовано по ящикам, а те в свою очередь плохо выдвигались. Он рассортировал бумаги и перевязал резинками.

— По-моему, она и в самом деле преуспевала, — крикнул он Фоксу, обследовавшему кухню. — Если верить ее идиотскому гроссбуху, крупных долгов у нее не было, а в банке лежит кругленькая сумма. Что у вас?

— Пока ничего существенного.

Фокс надел плащ, взял фонарь и вышел обследовать прилегающие помещения. Вернулся он с сияющей физиономией, держа в руке мокрые, обгоревшие обрывки бумаги. Это был кусок страницы из местной газеты. Из него аккуратно вырезали узкую полоску, вслед за которой шли слова «...знаменитой живописной местности», а под ними: «Общество охраны красот природы на собрании, происходившем в среду в Данлоумене, решило отправить протест по поводу...»

— Оно самое! — воскликнул Аллейн. — Тот же шрифт. Помню наизусть: «Угроза (этими же заглавными буквами) закрыть чревата последствиями». Нашли что-нибудь еще?

— Нет. Это было в урне. Наверно, провалилось сквозь колосники, когда она сжигала. Оказывается, там у нее есть темная комната для проявления фотопленок. На мой взгляд, неплохо оборудованная.

— Почему бы вам, Томпсон, не проявить здесь то, что мы нащелкали возле родника? — предложил Аллейн. — А вы, Фокс, можете заняться спальней. Черт побери, нигде не могу отыскать ее проклятый дневник!

Гостиная напоминала магазин. С полок глупо ухмылялись целые шеренги еще не раскрашенных Зеленых Дам. Повсюду валялись листки со стихами, несшитые детали жилеток. Через раскрытую дверь был виден кухонный стол, на котором стояли кувшин, сахарница и грязная чашка. Мисс Кост непременно вымыла бы ее, если бы после службы вернулась домой, а не побрела под дождем навстречу своей смерти.

Он наткнулся на большой конверт с фотографиями. Компания местных девушек с Сисси на переднем плане, воздевших к небу руки, точно жрицы; Уолли с открытым ртом; Уолли, протягивающий свои руки; сама мисс Кост перед зеркалом с фотоаппаратом. Несколько снимков, сделанных во дворе лечебницы, среди них — недовольное лицо застигнутого врасплох доктора Мэйна.

Аллейн услышал, как Фокс, отодвинув какой-то тяжелый предмет, вскрикнул от изумления.

— Нашли что-нибудь?

— Вполне возможно. В изголовье кровати — шкаф. Интересно, где она держала ключи?

— Только не в сумке.

— Нашел! В ящике комода. Целая связка...

Щелкнул замок. Аллейн поспешил в спальню. Фокс стоял на коленях, шарил руками в шифоньере. Наконец он осторожно извлек откуда-то из глубин две лакированные шкатулки и поставил их на незастланную кровать, на которой валялась скомканная ночная сорочка.

— Прошу вас, сэр.

В первой шкатулке хранились пачки банкнотов, во второй — какие-то бумаги. Сверху лежал отпечатанный под копирку лист — список дат с указаниями точного времени:

Родник: 15 авг. 8.15 вечера
21 авг. 8.20
29 авг. 8.30...

Всего двенадцать чисел, охватывающих промежуток в целый год. И отдельно две даты, подчеркнутые жирной чертой: **«22 июля, 5 вечера и 30 сентября, 8.45».**

— Этот лист вырван из записной книжки, которую я нашел в ее столе, — сказал Аллейн. — А в гостиной есть допотопная пишущая машинка.

— Эти числа вам что-нибудь говорят?

— Только те, что подчеркнуты. В позапрошлом году, 22 июля в 5 часов вечера, Уолли Триэрн исцелился от бородавок. Вчера как раз праздновали вторую годовщину этого события.

— Может, здесь зафиксированы все остальные случаи так называемых исцелений?

— Не думаю. Можем сверить по «Золотому списку» в коттедже Уолли. Три дня в августе прошлого года, один день в сентябре, а потом ничего вплоть до 27 апреля нынешнего года. Затем снова зачастили и прекратились, — черт побери, две недели тому назад. Минуточку... — он задумчиво побрел в магазин. — Пендер, вы не знаете, кто стоит по вечерам за стойкой бара в отеле? — спросил он только что вошедшего с улицы сержанта.

— Раньше, сэр, как правило, сам майор. Но с тех пор, как пристроили новое помещение, там прислуживает девушка из местных, а майор остался в старом баре.

— И он торчит в баре каждый вечер?

— В общем-то, да. Если стоит на ногах. А уж он-то пить умеет.

Аллейн вернулся в спальню.

— Ну, пошевелим мозгами. Что там у нас дальше? Экспонат номер два...

Им оказался конверт с проявленным отрезком пленки и единственным отпечатком, на котором можно было различить заросли папоротника, верхушку большого валуна и расплывчатые очертания ограждения в самом низу.

— Снято сверху, — заключил Аллейн. — И немного сбоку от родника. Взгляните сюда, Фокс.

Фокс нацепил на нос очки:

— Ноги. Две пары ног. Влюбленная парочка.

— Кажется, вы угодили в самую точку. Это то самое, что мешало мисс Кост спокойно спать. Боюсь, она начинает открываться нам с весьма неприглядной стороны.

— Любительница замочных скважин. Ну, что ж, не такое уж редкое явление среди женщин, — заметил немногословный Фокс.

Аллейн перевернул карточку. На обратной стороне было написано: «17 июня, 7.30 вечера». И помечено текущим годом.

— Снимок сделан в прошлом месяце, — сказал он. — Бейли, зайдите на минутку к нам. Взгляните вот на это. Возьмите лупу. Я хочу услышать от вас, не обнаружили ли вы у родника следов от вот этих мужских ботинок.

Бейли склонился над фотоснимком.

— Право не знаю, сэр.

— А вы, Томпсон? Как у вас обстоят дела?

— Уже проявляю пленки.

— Давайте их посмотрим. Нашли ее фотоаппарат?

— Да. Хорошая штуковина. Даже не ожидал.

— Пендер, вы слышали что-нибудь насчет фотоаппарата мисс Кост?

— Ей подарила его одна иностранка, которая вылечила здесь свои страшные прыщи. Она находилась в лечебнице доктора Мэйна, но мисс Кост уговорила ее полечиться родниковой водой.

— Ясно, Томпсон. Можно летом в семь тридцать вечера получить четкое изображение?

— Безусловно. Причем куда четче, чем на этом снимке, если браться за дело с понятием.

Аллейн вернулся в спальню.

— Фокс, не знаю, кому принадлежат мужские ботинки, но женские, черт побери, я узнал.

— Не может быть, мистер Аллейн.

— Да. Превосходные туфли из оленьей кожи с дорогими пряжками. Она была в них на фестивале. Фокс, это ноги миссис Барримор...

— Подумать только! Ну что ж, будем надеяться, ботинки принадлежат майору...

3

В шкатулках дневника не оказалось.

— Вы добрались до задней стенки шифоньера? — допытывался Аллейн у Фокса.

— Еще нет. Уж очень он глубокий. В толщину стены, да еще часть заходит за прилавок в магазине.

— Разрешите, я попробую.

Аллейн лег животом на пол и запустил в шифоньер свои длинные ручищи. Пальцы коснулись чего-то твердого. Тетрадь!

— Наверно, она доставала ее при помощи зонтика, — проворчал он. — Здесь их две. Нет, даже три. Наконец-то, Брэр Фокс!

Это были целые фолианты в кожаных переплетах, связанные вместе резинкой. Аллейн разложил их перед собой на столе и стал листать страницы, густо исписанные мелким ажурным почерком:

«...Красивый уголок, причудливый и девственный. Конечно же, я его полюблю. Здесь чувствуется притяжение и земли и моря. «Таверна»(!) очень оригинальна, напоминает о времени контрабандистов. Ее хозяин — джентльмен. Майор Б. Захожу вечерами выпить в бар, прислушиваюсь к чудесному рыбачьему говорку. Все оч. дружелюбны. Майор Б. заглядывается на меня. Его жена — особа эксцентричная, пока еще не до конца ее поняла. Боюсь, она типичная пожирательница мужчин. Он на нее обращает не оч. много внимания».

— Чтоб прочитать все это целиком, нужно сидеть день или два, — сказал Аллейн. — Эти записи относятся к ее первому посещению острова. Два года тому назад. Кстати, Фокс, где этот листок с датами?

Фокс положил его на стол. Аллейн продолжал листать дневник. Все чаще и чаще на его страницах упоминалось о майоре. Сначала он обозначался буквой Б., потом уже К. Хотя подробности и были завуалированы, но тем не менее чем дальше, тем больше все прояснялось. Аллейн отыскал запись, появившуюся после исцеления Уолли:

«Я и раньше верила в волшебство.

Древние чары живой воды и магические заклинания! Зеленая Дама! Ведь недаром какие-то силы привели меня на остров». За сим следовала целая страница всякой белиберды. Ничего полезного. Уже потом мисс Кост через весь этот лист написала чернилами: «30 сентября, 8.45» — и поставила жирный вопросительный знак.

Это была вторая дата из двух, подчеркнутых ею в списке.

«Я шокирована, я в ужасе от того, что видела сегодня вечером, — продолжал читать Аллейн. — У меня трясутся руки. Я с трудом заставляю себя писать. Как только я увидела ее, я поняла, что она ему неверна. Такое всегда заметно. Не скажу К., хотя ему это и было бы поделом. Все эти месяцы... а он ни о чем не догадывается. Но я не скажу ему. Пока нет. Если только...

Так вот, я сидела на склоне ниже родника, предавалась счастливым мечтам и радовалась тому, что наконец-то договорилась насчет магазина и заказала своих чудесных Зеленых Дам. Я чувствовала на себе магическую силу воды. И тут я услышала... Услышала за валуном их смех. Я спряталась в папоротниках. Вдруг из-за валуна вышла она в своем зеленом платье и встала над заводью. Она воздела руки к небу. Я слышала мужской смех, но еще не видела его самого. Но я знала, кто это. Какое страшное осквернение! Она разыгрывала из себя... кривлялась. Потом вернулась к нему. Я ждала. Но вдруг мне стало невмоготу, и я пошла домой».

Аллейн пробежал глазами записи, датированные вынесенными в отдельный список числами, — целых два лета мисс Кост с неизменной одержимостью совершала вечерние облавы в это притягательное для нее место и заносила результаты своих бдений в дневник. Поскольку турникет обычно был заперт, она устраивалась на склоне прилегающего холма и оттуда тайно шпионила за своими жертвами. Она ни разу не назвала любовников по именам, но их нельзя было не узнать по ее описаниям.

— Миссис Барримор и доктор Мэйн, — сказал Аллейн. — Будь проклято это дело!

Он перелистал записи, сделанные в последний месяц. Они касались фестиваля и были сплошь пересыпаны злобными выпадами в адрес мисс Эмили и скрытыми намеками на отправленные ей анонимные угрозы. Злобой дышали строчки, описывающие визит мисс Эмили к ней в магазин, который повлек за собой приступ астмы.

— Было бы просто здорово, если бы она настрополила Триэрна против мисс Прайд и сама попала в собственную ловушку, — сказал Фокс, читавший через плечо Аллейна.

— Тогда, что называется, справедливость торжествует, Брэр Фокс, однако при ближайшем рассмотрении видны белые нитки.

Они добрались до записей, сделанных в последнюю неделю. «Даму к ней в номер подбросил К. Я в этом уверена. Я рада, рада. Она, разумеется, подозревает меня. Я отказалась к ней пойти. Пускай она знает, что мной не покомандуешь. Сидеть в одной комнате с той и теми двумя, чьи жизни она разбила. Никогда!»

Аллейн перевернул страницу.

— Последняя запись сделана вчера вечером, — сказал он. — После неудавшегося праздника:

«Наконец-то, наконец-то после долгой агонии, жестокостей и этого последнего оскорбления я заговорю! Я их обоих припру к стенке фактами. Скажу ей, что было между нами. Он... они оба... они все будут страдать. Я добьюсь, что их фамилии появятся в газетах. Сейчас. Сегодня же. Я решилась. Это конец».

— Да, это и был для нее конец, — сказал Фокс, глядя поверх своих очков. — Бедняга. Грустно становится на душе, когда разматываешь вот такие дела. Мистер Аллейн, вам хоть что-нибудь ясно?

— Боюсь, что да. И даже скажу вам, почему.

В комнату внезапно влетел обычно медлительный Бейли.

— Вас просят к телефону, сэр. Какая-то мисс Уильямс. Говорит, очень срочно.

Аллейн со всех ног бросился к аппарату.

— Мистер Аллейн? — Голос у Дженни был очень взволнованный. — Слава богу! Пожалуйста, скорей идите сюда. Прошу вас. В номер к мисс Эмили. Больше ничего не могу сказать. — Аллейн услышал чье-то приглушенное восклицание, женский вопль. Едва слышный, но вполне различимый звук разбившегося стекла... — Прошу вас, скорей, — повторила в трубку Дженни.

— Иду! Пендер оставайтесь на коммутаторе, а вы все скорей за мной, — бросил он коллегам. — Комната № 35. Направо от лестницы. Первый этаж.

Он выскочил за дверь и, низко наклонив голову, двинулся навстречу шторму.

Шторм

1

Дождь перестал, но темнота была наполнена таким неумолчным ревом, что казалось в ней не осталось места для других звуков. Волны с грохотом обрушивались на берег и, шипя, ползли к подножию лестницы. Согнувшись в три погибели, Аллейн ощупью взбирался по ступенькам. Его сердце громко билось, во рту было сухо.

Портье спокойно читал книгу. Он удивленно взглянул на Аллейна, который в спешке забыл надеть плащ. В коридорах было пусто. Где-то во всю мочь надрывалось радио. Сделав несколько шагов, Аллейн понял, что его рев доносится из комнаты мисс Эмили. Духовой оркестр наяривал «Полковника-ищейку».

Он постучал. Ему не ответили. Тогда он распахнул дверь.

Казалось, здесь специально для него устроили живую картину. Мисс Эмили, очень бледная, но в то же время величественная, стояла на коврике возле камина, опираясь на руку Дженни. Маргарет Барримор, зажав ладонями рот, стояла у стены слева, и Аллейн чуть было не ударил ее дверью. Мужчины расположились в центре. Майор Барримор стоял посередине комнаты, широко расставив ноги, из его носа стекала кровь, прямо в открытый рот. Доктор Мэйн стоял к нему лицом и хмуро разглядывал царапину на своей холеной руке. Взъерошенный Патрик был между ними, точно рефери, секунду назад остановивший бой. Оглушительно орало радио. В камине валялись осколки битого стекла. Все, как по команде, повернули головы в сторону Аллейна.

— Можно выключить? — спросил он.

За него это сделала Дженни. Наступила оглушающая тишина.

— Мисс Эмили, сядьте, пожалуйста. — сказал Аллейн.

Старуха повиновалась.

— Хорошо, если бы и все остальные сели.

Доктор Мэйн раздраженно хмыкнул и отошел к окну. Барримор облизнул усы и полез в карман за платком. Он с трудом держался на ногах. Аллейн подставил ему стул, и майор рухнул на него. Он тупо глядел на Аллейна, распространяя по комнате крепкий запах виски. Миссис Барримор рванулась к доктору Мэйну. Дженни присела на ручку кресла мисс Эмили, а Патрик пристроился на краешке стола.

— Итак, что здесь *происходит?*

Секунду все молчали, наконец голос обрела Дженни:

— Лучше я все сама объясню — ведь это я вас позвала.

— Попридержите язык, — невнятно буркнул Барримор, не отнимая от губ пропитанного кровью платка.

— Ну, хватит! — угрожающе предостерег его Патрик.

— Я вас слушаю, — сказал Аллейн Дженни.

— Если я смогу... Хорошо, я попробую. Так вот, я зашла пожелать мисс Эмили спокойной ночи, а Патрик ждал меня в вестибюле. Мы разговаривали с мисс Эмили, и я уже собралась уходить, когда... когда пришла миссис Барримор.

— Дженни! Не надо! Не надо! — услышали все громкий шепот Маргарет Барримор.

— Не прерывайте ее, — спокойно сказала мисс Эмили. — Он должен знать все.

— Патрик? — Дженни умоляюще взглянула на юношу. Он в нерешительности смотрел на мать.

— Мне кажется, ты должна все ему сказать. Одни факты, Дженни.

— Хорошо. Миссис Барримор была расстроена и... как мне кажется, напугана. Она не сказала, из-за чего. Она спросила, можно ли ей посидеть несколько минут с нами, и мисс Эмили кивнула.

— Мисс Эмили была ко мне так добра, — вдруг вмешалась Маргарет Барримор. — Я чувствовала себя неважно, как и обычно в последние дни. У меня закружилась голова, когда я проходила мимо ее двери. Вот я и зашла.

— Как доктор я настаиваю, чтобы миссис Барримор не задавали никаких вопросов, — решительно заявил доктор Мэйн. — Она на самом деле нездорова. — Он подвинул ей стул и коснулся ее плеча. — Присядьте, Маргарет, — ласково велел он, и она подчинилась.

— Как доктор миссис Барримор, — передразнил майор и злобно ухмыльнулся. — Расчудесно! Превосходно замечено!

— Прошу вас, продолжайте.

— О'кей. Ну, мы втроем засиделись. Потом к мисс Прайд зашел доктор Мэйн. Миссис Барримор и он уже собрались уходить, когда появился майор Барримор. — Дженни осеклась.— Вот... вот с этого все и началось, — срывающимся голосом заключила она.

— В действительности, мой дорогой Родерик, здесь произошла сцена, — сказала мисс Эмили. — Майор Барримор выдвинул определенного рода обвинения, доктор Мэйн вступился. Страсти накалились, не обошлось без рукоприкладства. Я тихонько посоветовала Дженни, чтобы она позвала на помощь вас. Скандал продолжался. О пол грохнули стаканы. Миссис Барримор подняла крик, снизу прибежал Патрик. Ему не удалось разнять дерущихся, и скоро майор Барримор очутился на полу. Драка прекратилась, но скандал не утих. Тогда мы с Дженни включили радио. Вот и все.

— Все согласны с этой интерпретацией?

Ответа не последовало.

— Прошу вас принять к сведению, что все то, что здесь произошло, не имеет ни малейшего отношения к вашему делу,— заявил доктор Мэйн. — Это происшествие носит сугубо личный характер и разглашению не подлежит. Думаю, все со мной согласятся.

— Безусловно, — с готовностью подхватил Патрик.

Раздался стук в дверь. Прибыли Фокс, Бейли и Томпсон. Аллейн попросил Фокса войти, а Бейли и Томпсона подождать за дверью.

— Инспектор Фокс вместе со мной ведет расследование.

— Добрый вечер, дамы и господа, — поздоровался Фокс.

— А какие обвинения выдвинул майор? — спросил Аллейн.

Ему никто не ответил. Аллейн оглядел собравшихся:

— Хорошо. Тогда я расскажу вам, чем занимались мы. Я с коллегами побывал в магазине мисс Кост и обыскал все закоулки. Мне кажется, я обязан довести до вашего сведения, что мы нашли дневник покойной. Это подробный, исчерпывающий документ, проливающий свет на многое, относящееся к нашему делу. Он может служить вещественным доказательством...

Маргарет Барримор приглушенно вскрикнула.

— Последняя запись в нем была сделана вчера вечером. В ней говорится, что в ответ на какое-то оскорбление покойная собиралась придать огласке одно дело, о котором в этой части дневника не упоминается, но что это за дело, мне кажется, не представляет труда выяснить при внимательном изучении всего дневника. Не исключено, что мисс Кост уже успела сочинить письмо в газету. Если так, мы обнаружим его в почтовом ящике.

— Нельзя, чтобы оно ушло! — воскликнул Патрик.

— Мы обычно не вмешиваемся в дела почтового ведомства.

— На этот раз, черт побери, могли бы и вмешаться, — буркнул Барримор.

— Чепуха! — решительно заявил доктор Мэйн.

— Уж не вам бы, сэр, это говорить, черт бы вас побрал! — окрысился майор и попытался встать.

— Сидите, — велел Аллейн.

— Ему лучше лечь,— сказал доктор Мэйн.

— Будь я проклят, если лягу, — буркнул майор.

— Итак, продолжу свой рассказ. Мы уже знаем, кто Зеленая Дама. Мисс Кост сделала это открытие 30 сентября прошлого года. Она видела, как та же самая женщина повторила этот спектакль для избранной аудитории из одного зрителя. Мисс Кост догадалась, кто был этот человек. Майор Барримор, пожалуйста, оставайтесь на своем месте. Мисс Кост стала следить за этими двумя людьми. 17 июня нынешнего года ей удалось сделать снимок возле родника.

— Это наконец должно прекратиться, — раздался голос доктора Мэйна.

— Ради бога, прекратите! — простонал Патрик.

— С удовольствием, но это неизбежно. Миссис Барримор, может, вы подождете в другой комнате? Я уверен, мисс Уильямс тоже к вам присоединится.

— Нет, нет, только не сейчас.

Наступило тягостное молчание. В окна стучал ветер. Лампочки мигали, тлели и снова вспыхивали светом.

— Мисс Кост ни с кем не делилась своим секретом, — продолжал Аллейн. — Догадываюсь, он стал для нее навязчивой идеей. Из записей в ее дневнике явствует, что она затаила злобу против майора Барримора. Злобу покинутой женщины.

Маргарет Барримор впервые за весь вечер посмотрела на мужа. На ее лице застыло глубокое удивление, которое как бы отразилось на лицах ее сына и доктора Мэйна.

— Я не сомневаюсь в том, что во время ее первого приезда на остров между ними возникли отношения такого рода, которые, несмотря на их скоротечность, в дальнейшем вызвали у покойной жажду мести.

— Это правда? — спросил доктор Мэйн у майора.

Выпуклые и вечно изумленные глаза Барримора прищурились будто в злорадной усмешке. Он молчал.

— Как я уже говорил, мисс Кост ни с кем не делилась своим секретом. Позже она переключила свое внимание на доктора Мэйна, но безуспешно. Это очень грустный рассказ, и я не стану вдаваться в подробности. Скажу только, что человек, в которого она влюбилась, отверг ее ради женщины, с мужем которой у нее был когда-то непродолжительный роман. К тому же мисс Кост знала, что эта женщина — Зеленая Дама. И вот, с одной стороны, ей хочется открыть тайну этой Дамы, с другой — она понимает, что это открытие чревато последствиями для нее же самой. А тут еще ее предприятию грозит крах из-за того, что...

— Во всем этом есть большая доля моей вины, — перебила его мисс Эмили. — Продолжайте.

— Итак, мисс Кост заваливает мисс Прайд письмами. Теперь я с уверенностью могу сказать, что она была в сговоре с Триэрнами и настраивала против мисс Прайд жителей деревни. Она стала центром внимания. А тут еще этот фестиваль. Но когда мисс Кост писала в дневнике свои последние строчки, то есть вчера вечером, с ней уже что-то случилось — такое, что обнажило былую боль и ненависть и заставило написать следующие строчки: «Он... Они оба.... они все будут страдать. Я сделаю так, что их имена появятся в газетах. Сейчас. Сегодня вечером. Я решилась. Это конец...»

На гостиницу обрушился новый шквал урагана. Снова мигнули лампочки.

— Она не пишет, что послужило толчком для этого. Я склонен думать, что этим толчком стал провал представления. Тем более, что от нее не ускользнула реакция кое-кого из зрителей.

— О, господи! — не удержалась Дженни.

— Но давайте по возможности вернемся к фактам. Вот некоторые из них: мисс Кост, посетив раннюю службу, направилась к роднику, чтоб отыскать ожерелье. Оно было зажато у нее в руке, когда мы нашли труп. Мы знаем, что утром она успела поговорить с тремя из своих знакомых: с миссис Кастерс и доктором Мэйном до службы и с майором Барримором после.

— А если я буду это отрицать? — подал голос майор.

— Дело ваше. Но я бы на вашем месте, взвесив все «за» и «против», признался в том, что видел ее и даже говорил с ней. Майор Барримор, — пояснил Аллейн остальным, — уже сознался, что следил за мисс Прайд, которая

утром вывешивала у родника свое уведомление. Как только она ушла, он сорвал его и швырнул наземь...

Мисс Эмили вскрикнула от удивления.

— Потом его кто-то повесил назад. — Аллейн подошел к Барримору. — Хотите я опишу, что произошло между вами и мисс Кост? В ответ на ее обвинения, вы сказали ей что-то оскорбительное, и она решила причинить вам боль, сообщив о своей тайне. Вы пришли в ярость и, вернувшись домой, накинулись на жену. Мисс Кост даже могла пригрозить вам, что расскажет всей деревне о том, что когда-то между вами было.

— Я этого не делал, — сказал Барримор. — Я ее не убивал.

— И вы больше ничего нам не скажете?

— Ничего.

— Ладно, пойдем дальше. Среди бумаг покойной мы обнаружили отпечатанный на машинке список каких-то дат. Причем второй экземпляр. Первый куда-то исчез. В последнее время мисс Кост приобрела привычку рассылать анонимные письма. Всем известно, что аппетит приходит во время еды. Вполне вероятно, что этот документ взяли для того, чтобы показать человеку, на которого он должен был произвести впечатление. Возможно, к нему приложили и снимок. А этот человек дал неверные показания относительно времени...

Раздался стук. Фокс распахнул дверь. Из коридора донесся знакомый голос:

— Не могу ждать, мистер. Я должен его увидеть...— войдя в комнату, Триэрн обвел взглядом всех присутствующих и остановился на Аллейне. — Должен кое-что сказать вам, мистер. Я вот все думал...

— Ну и?..

— Я, мистер, тугодум, но уж коль сдвинусь, так сдвинусь. Только не торопите меня, мистер. Это жуть как важно.

— Никто вас не торопит.

— Вот и не надо. Так вот, эта ваша дама, — он кивнул в сторону мисс Эмили, — говорит вам, что, дескать, видела моего парнишку на дороге примерно без двадцати восемь. Так я говорю или нет?

— Совершенно верно, — подтвердила мисс Прайд.

— Очень признателен. А я говорю, дескать, откуда мне знать, был он там или нет, если я в это время дрых в своей постели. И я сказал вам, мистер, что продрал глаза только в пять минут девятого. Так я говорю или не так?

— Так.

— Если не так, то пусть меня покарает господь бог. Мой парнишка в это время был уже дома. Да. А еще вы сказали, что в то самое время, то есть без двадцати восемь, его видел доктор. Что как раз подтверждает слова этой дамы.

— Да.

— И вы сказали, да не торопите вы меня, вы сказали, что доктор в этот самый час был в своем катере.

Аллейн перевел взгляд на Мэйна:

— Подтверждаете?

— Да. Я видел Уолли с катера.

Триэрн вплотную подошел к доктору Мэйну:

— Это брехня, доктор. Простите за выражение. Я видел своими глазами, как вы, доктор, в пять или в десять минут девятого заводили свой проклятый катер, и, клянусь богом, вы неспроста сбрехали.

— Этот вопрос мы уже обговорили со старшим инспектором Аллейном, — сказал Мэйн, с глубоким отвращением глядя на Триэрна. — Ваши показания ни на чем не основаны.

— Как бы не так. — Триэрн снова повернулся к Аллейну. — Вы отвалили, а я стал думать. И вспомнил, что малыш Уол подошел ко мне, когда я смотрел в окно, и сказал так смирненько: «Большущий у доктора катер, правда?» Спросите у него, мистер. Он вам все скажет.

— Еще бы ему не сказать! — воскликнул доктор Мэйн. — Надеюсь, Аллейн, вы будете исходить из моих показаний. Этот человек хитер, как и все они. А его мальчишка... Да кто станет придавать значение его показаниям? Ему, небось, их вколотили ремнем.

— Я никогда и руки на него...— начал было Триэрн, но его перебил Аллейн.

— Я как раз собирался коснуться вопроса времени, когда меня прервали. Есть еще и другие факторы, о которых Триэрн даже не подозревает. Но они только подтверждают его рассказ. Если вы, доктор Мэйн, вспомните какие-нибудь объективные факты, говорящие в защиту вашей версии, просим сообщить их нам. Должен вас предупредить...

— П р е к р а т и т ь!!!

Маргарет Барримор, заломив руки, как тогда, в саду, направилась прямо к нему. Только теперь она полностью владела собой.

— Прошу вас, мистер Аллейн, не продолжайте. Я должна вам кое-что сказать.

— Маргарет! — громко окликнул ее доктор.

— Нет! Даже не пытайся мне помешать. Иначе я расскажу обо всем мистеру Аллейну с глазу на глаз. Но я бы хотела рассказать об этом при всех. Нам больше незачем притворяться.

— Говорите, миссис Барримор.

— Это все правда. Его не могли видеть на катере в половине восьмого. Он зашел повидаться со мной. Я сперва сказала, что завтракала одна, но со мной был он. Мисс Кост пригрозила ему, что все про нас расскажет. Сказала ему об этом возле церкви, и он пришел меня просить уехать с ним. Он хотел, чтобы до того, как все всплывет наружу, мы сами открыто порвали со старым. Просил, чтобы я ждала его сегодня вечером в деревне. Мы хотели уехать в Лондон, а оттуда за границу. В нашем распоряжении было всего несколько минут. Мы услышали чьи-то шаги... Я попросила его дать мне подумать... немного отдышаться. Он ушел. По всей вероятности, к своему катеру. — Она подошла к Мэйну и положила руку ему на плечо. — Теперь все это уже не важно, Боб. Мы с тобой будем вместе.

— Маргарет, дорогая моя...

Наступила долгая пауза. Фокс старательно прокашлялся.

— Хотите что-нибудь добавить? — обратился Аллейн к Триэрну.

У того отвисла челюсть, и он, точно помешанный, уставился на миссис Барримор.

— Мне пора, — наконец вымолвил он. — Мне нужно домой.

Он шагнул к двери, но путь ему преградил Фокс.

Майор Барримор вскочил на ноги. Его физиономия превратилась в багровую маску.

— Так значит это правда, — очень тихо начал он. — Она мне сказала. Стояла вот здесь и нагло ухмылялась. Обещала сделать меня посмешищем. А когда я велел ей убираться к черту, она... знаете, что она сделала? Она в меня плюнула. И я... я...

Его голос потонул в реве урагана, обрушившегося с моря. Мимо гостиницы с грохотом прокатился какой-то металлический предмет. Кто-то, скорей всего Маргарет Барримор, громко вскрикнул, и тут же наступила кромешная тьма.

За окнами выло и стонало. Аллейна сильно ударили в плечо, и он, отлетев в сторону, наткнулся на что-то мягкое и мокрое. Он протянул руку и нащупал край двери.

— За мной! — крикнул он и, шаря рукой по двери, ринулся во мрак коридора. Ему казалось, он слышит впереди чьи-то приглушенные коврами шаги. Сзади него бежал Фокс. На стене плясало пятно его фонаря.

— Дайте мне! — Аллейн выхватил из темноты лицо Бейли. — Вы двое тоже за мной. Фокс, свяжитесь с Кумбом.

На улице он сразу же оказался во власти урагана. Снова полил дождь. Аллейн едва добрался до лестницы и уцепился за железные перила. Где-то сзади сквозь пелену дождя маячили пятна фонарей Томпсона и Бейли, внизу, под ним, плясал еще один лучик света. Он не упускал из виду его, а вокруг стонало, ревело и грохотало.

Уже внизу он увидел того, кого преследовал, — темная фигура на фоне тускло мерцавшей витрины магазина мисс Кост. Луч света впереди упорно продвигался вперед. «Хочет добраться до мола», — догадался Аллейн. Внизу прыгали огни гостиничного катера.

Наконец-то последняя ступенька. У самых его ног беснозались волны. Тот, другой, упорно продвигался вперед, но теперь их разделяло не больше тридцати футов. Огни катера были совсем рядом. Они вздрагивали, когда суденышко ударялось о сваи мола.

Луч фонаря, неясно маячивший впереди, вдруг больно резанул по глазам. Полуослепленный Аллейн ринулся вперед, не сводя глаз с человека, который, выбрав момент, когда катер подбросило на волне, прыгнул в него. Собрав все силы, Аллейн тоже прыгнул вниз.

Он приземлился на корму, на одну из скамеек, больно ударившись головой о другую. Долго лежал, пытаясь отдышаться. Фонарь погас, и его обступила кромешная тьма. Должно быть, в тучах образовался прорыв, потому что перед глазами мелькнула россыпь звезд. Катер здорово качнуло, и Аллейн увидел освещенные окна отеля. Они куда-то провалились, потом взлетели вверх. «Электричество дали», — подумал он. Вдруг все померкло. Когда он открыл глаза, словно током пронзила мысль: «Я терял сознание». Он услышал стук

мотора, ухватился за скамейку и поднялся на колени. В тусклом свете, падающем из рубки, он разглядел у штурвала спину того, кого преследовал. Человек стоял, широко расставив ноги и судорожно вцепившись в штурвал. Катер накрыло волной. Мелькнули освещенные окна прибрежных домов, и снова наступила тьма.

Аллейн начал ползком пробираться по трапу в сторону носа. Нестерпимо болела голова. Катер шел наперерез волнам и был уже на полпути к деревне. «Ему не удастся достичь того берега», — подумал Аллейн и постарался припомнить, где хранятся спасательные пояса. Знает ли тот, кто стоит за штурвалом, что он не один?..

Катер накренился и зачерпнул воды. В ладони впились железные ножки скамеек. Он повис на них почти в вертикальном положении. Вода, точно щупальцы спрута, обволакивала тело. Палуба качнулась, задрожала и снова выпрямилась. Первое, что он увидел, была спина рулевого. Что-то больно ударило в грудь. Фонарь...

Совсем рядом мелькнули прибрежные огни. Мотор кашлянул и заглох. Превозмогая боль, Аллейн поднялся на ноги и стал продвигаться к носу. Теперь он был всего в нескольких ярдах от человека за штурвалом. Катер несся в сторону мола, раскачиваясь и подпрыгивая на волнах. Левая рука, в которой был зажат фонарь, стукнулась о спинку сиденья, и вспыхнувший луч света выхватил из темноты фигуру рулевого. Тот обернулся.

Какую-то долю секунды Аллейн и Мэйн в упор смотрели друг на друга. Доктор метнулся к борту. Катер взлетел вверх и, провалившись в бездну, зарылся носом в волны. Аллейна ослепил поток соленой воды. Потом блеснули береговые огни и на их фоне вырисовалась темная фигура, балансирующая на самом краю. Катер с силой швырнуло о мол. Последнее, что слышал Аллейн, был пронзительный вопль.

2

Он спускался по каким-то ступенькам. Они были крутые, почти отвесные, но ему непременно нужно было их одолеть. Ступеньки обрывались, и он проваливался в бездну, пронизанную лучами-шпагами. И снова ступеньки, ступеньки, ступеньки...

Когда Аллейн пришел в себя, рядом была Трой. Ее ладонь лежала на его щеке.

— Ты здесь? — с трудом разжав губы, сказал он.

— Привет! — воскликнула Трой и поцеловала его в лоб. Стена сзади нее была вся в солнечных бликах и казалась ему такой знакомой. Ему захотелось еще сильней ощутить тепло ее ладони, и он повернул голову. Виски пронзила острая боль.

— Не двигайся, — предупредила Трой. — У тебя было сотрясение мозга.

— Когда?

— Примерно тридцать четыре часа назад.

— Это дом Кумба.

— Верно, но тебе нельзя разговаривать.

— Возмутительно, — сказал он и забылся сном.

...Утро стояло чудесное. Вода в проливе отливала лазурью. Насыпь обнажилась, и по ней брели трое: старуха, юноша и девушка.

— Ты в полном порядке, — сказал сэр Джеймс, наклонившись над Аллейном.

— Где Трой?
— Я здесь, дорогой.
— Как хорошо. Что со мной случилось?
— Тебя выкинуло за борт. Кумбу и двум его людям удалось вытащить тебя.
— Кумбу?
— Фокс позвонил ему из отеля сразу же, как ты кинулся в эту дикую погоню. Они были на молу.
— Понятно. Значит, это они вопили. Кертис, позови Фокса.
— Хорошо но только на одну минуту.
Трой привела Фокса.
— Вы нашли его?
— Вчера вечером, во время отлива.
— Где?
— Примерно в четырех милях отсюда.
— Он сделал это умышленно, Фокс.
— Я так и понял. Кумб сказал мне.
— Ну, хватит вам, — перебил Кертис.
— Подожди, Фокс, при нем нашли что-нибудь? Нашли, я спрашиваю?
— Ладно же, скажите ему, — уступил Кертис.
— Да, мистер Аллейн, нашли. Первый экземпляр того самого списка и фотографию.
— Ага. Значит, она отдала ему. Я так и думал.
Он вздохнул и закрыл глаза...

3

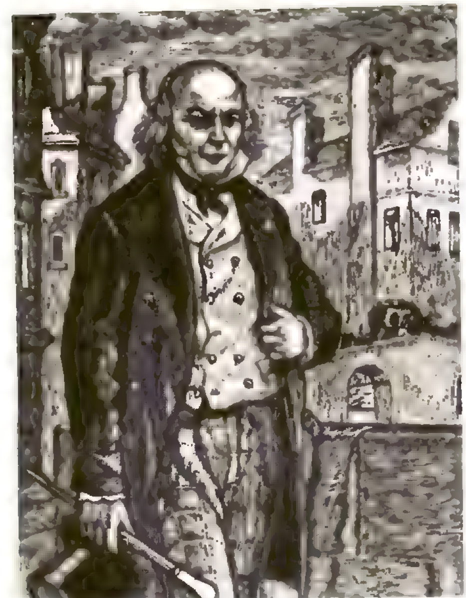
— Моя сестра, Фанни Уинтерботтом, — говорила два дня спустя мисс Эмили, — однажды со свойственной ей экстравагантностью заметила: где бы я ни появлялась, я везде поднимаю такой шум, как дебоширящий дервиш. Конечно, ей дороже всего была забавная аллитерация и она плевать хотела на смысл. Но будь Фанни жива, она бы непременно почувствовала правоту своего замечания. Я такого натворила в Порткарроу...
— Дорогая мисс Эмили, смерть мисс Кост никак и не связана с вашим решением восстановить порядок в этих местах.
— Связана. — Мисс Эмили хлопнула обтянутой перчаткой ладошкой по деревянному сиденью стула. — Давайте рассуждать логично. Если бы я не упорствовала, ее нервная система не расшаталась и она вела бы себя по-другому.
— Откуда вам знать? — удивился Аллейн. — Толчком могло послужить что угодно. Если бы вы, мисс Эмили, не приехали на остров, Барримор с Мэйном все равно смеялись бы над ней во время праздника.
— Их смех тогда задел бы ее не так больно. — Мисс Эмили пристально посмотрела на Аллейна. — Я вас утомляю. Мне пора. Меня ждут в машине эти добрые дети. Просто я зашла сказать вам au revoir, мой дорогой Родерик.
— Вы меня вовсе не утомляете, а ваш эскорт подождет. Догадываюсь, они даже очень рады этой задержке. Так не пойдет, мисс Эмили. Ведь я вижу — вас снедает любопытство.
— Не любопытство, а вполне естественное отвращение ко всякого рода неясностям.
— Понимаю как нельзя лучше...
— Когда вы впервые заподозрили доктора Мэйна?
— Когда вы сказали мне, что не видели никого, кроме Уолли.
— А я должна была видеть доктора Мэйна?
— Вы бы обязательно видели, как он отчаливал в своем катере от мола. А тут еще Триэрн заявил, что видел, как Мэйн примерно в пять минут девятого отчаливал в катере. Зачем доктор солгал? И что он делал эти полчаса?
— Вы не поверили рассказу бедной женщины?
— Ни на секунду. Если бы он был у нее, она сказала бы мне об этом во время нашего первого разговора. Разве вы не заметили, какой у него был изумленный вид, когда она вмешалась. А она не дала ему и слова вымолвить. Нет, я ей не поверил, и он, думаю, это понял.
— Поэтому он и пытался бежать?
— Наверно, и поэтому тоже. Вероятно, он почувствовал, что не может принять от нее этого дара. Его, так сказать, осенило прозрение. А вдруг мы ей поверим и тогда они смогут вместе куда-то уехать. Тогда до конца дней своих он будет прикован к этой женщине самым страшным из всех обязательств.
— Да, по-моему, это был гордый человек. Вы правы. Продолжайте, ради бога.
— Мэйн говорил с мисс Кост возле церкви. Она сказала миссис Кастерс, что после службы собирается пройти к роднику и взять это ожерелье. Завидев Мэйна, она устремилась к нему, а миссис Кастерс вошла в храм. Мы не знаем, что произошло между ними. У нее в сумке был этот отвратительный снимок и список дат их свиданий. Она предъявила ему все и даже могла сказать, что собирается отправить письмо в газету.
— И она...
— Да. Мы обнаружили его в почтовом ящике. Итак, он знал, что она будет возле родника. Я думаю, мо́я руки на кухне у Трэтевеев, он выглядывал в окно. Наверное, видел Уолли и, быть может, вас. Видел, как Барримор сорвал ваше уведомление и ушел. Выйдя от Трэтевеев, он направился к роднику и вошел за ограду. Разумеется, у него были при себе жетоны. Он спрятался за валуном и стал поджидать мисс Кост. Он знал, что вокруг полно обломков породы — ему была прекрасно знакома эта местность.
— О, да.
— Когда все было кончено, он уничтожил свои следы плоским камнем, а позже, прибыв на место преступления, слазил туда и прошелся по верху, обезвредив таким образом предыдущие следы. В восемь десять он вернулся домой на катере и стал ждать, когда его вызовут обследовать труп.
— У меня начинают бегать по спине мурашки, когда я вспоминаю, что и меня он осматривал. Холодный, расчетливый человек. А ведь я ему симпатизировала.
— Я тоже, — признался Аллейн. — Естественно, его целью было заставить нас поверить в то, что мисс Кост убили, приняв за другую, но он был слишком умен, чтобы самому навязывать нам эту версию. Он рассчитывал, что во всем обвинят Уолли и, признав неответственным за свои поступки, поместят в соответствующее заведение, что, как он справедливо заметил, могло бы оказаться для мальчика к лучшему.
— Я позабочусь об этом ребенке, — пообещала мисс Эмили. — Ведь существуют специальные школы. — Она с любопытством посмотрела на Аллейна. — А что бы вы делали, если бы не погас свет или если бы вы не смогли его догнать?
— Ну что же, последовала бы обычная процедура. Мы бы попросили его зайти в кабинет к Кумбу и дать показания. Вряд ли мы смогли бы возбудить против него дело. Поскольку версия о виновности Уолли отпадала, думаю, Мэйн не позволил бы, чтобы арестовали по обвинению в убийстве Барримора либо кого-то еще. Но я рад, что все случилось именно так.

4

Патрик и Дженни сидели в машине у самой воды. Их чемоданы и багаж мисс Эмили уже лежали в лодке. Мисс Эмили собиралась пожить несколько дней в отеле «Мэйнор парк» и пригласила молодых людей быть ее гостями. Патрик хотел остаться с матерью, но та настояла на том, чтобы он поехал с Дженни.
— Я вдруг почувствовал себя таким неполноценным, — признался Патрик Дженни. — Будто я на каком-то этапе ее предал. А ведь мне всегда казалось, что мы хорошо друг друга понимаем. Ты ведь знаешь, Дженни, как я люблю свою маму...
— И она тебя боготворит, — сказала Дженни. — Просто, наверное, ей хочется побыть одной, пока... пока не пройдет это страшное потрясение.
— Одной? Ты хочешь сказать с этим человеком?
— Но ведь он ведет себя совсем не плохо, Патрик. Отдадим ему должное.
— Да. Я очень удивлен, но это так и есть. — Он задумчиво посмотрел на Дженни. — А я ведь знал насчет Боба Мэйна. Конечно же, знал. И знаешь, Дженни, мне была противна вся эта история. Как ты думаешь, почему?
— Наверно. потому, что мы не в состоянии понять любовь людей немолодого возраста. И в этом наша ошибка. Я бы даже сказала, нетерпимость молодости.
— Может, ты и права, Дженни... Я так люблю тебя. Как ты думаешь, мы не могли бы пожениться?
— Думаю, что могли бы.
Они взялись за руки и долго молчали.
— А мисс Эмили не спешит, — сказала наконец Дженни. — Может, зайдем в дом и попрощаемся с этим замечательным человеком?
— Ну, если ты так хочешь...
— Пошли.
Они шли у самой кромки воды, держась за руки. На крылечке одного из коттеджей сидел мальчик и от нечего делать швырял в воду камешки. Это был Уолли.
Завидев их, он обернулся и протянул руки.
— Смотрите, все сошли, — сказал он.

Перевела с английского
Н. КАЛИНИНА

200 лет со дня рождения П.-Ж. БЕРАНЖЕ

„Старшина демократических поэтов"

С. БРАХМАН, кандидат филологических наук

ОФИЦИАЛЬНАЯ буржуазная Франция целое столетие замалчивала творчество Беранже, высокомерно называя его «простонародным» и «удручающе вульгарным». Его имя исключалось из школьных учебников, а песни — из сборников французской поэзии.

Между тем, по свидетельству современника, «около 1830 года даже Гюго не мог соперничать со славою Беранже», а газета тех лет писала: «Во Франции насчитывается больше людей, знающих его песни, чем людей, умеющих читать, и любой мальчишка из церковного хора споет эти песни лучше, чем ритуальные псалмы». Песнями поэта восхищались многие выдающиеся люди века. Его почитателями были Гюго и Бальзак, Дюма и Мериме. Стендаль называл его «гениальным» и «величайшим современным поэтом», Анатоль Франс считал «лучшим писателем XIX века».

Его высоко ценили венгр Петёфи и англичанин Теккерей. Гёте утверждал, что песни Беранже «полны такой грации, такого остроумия и тончайшей иронии, они так художественно совершенны и написаны таким мастерским языком, что возбуждают восхищение не только во Франции, но и во всей образованной Европе». Гейне назвал его «прославленным старшиной демократических поэтов». Белинский — «царем французской поэзии, самым торжественным и свободным ее проявлением». Давая определение народности в искусстве, Белинский писал: «Народный поэт — тот, кого весь народ знает, как знает Франция своего Беранже».

В России творчество Беранже нашло самый живой отклик. Его поэзия получила глубокие и сочувственные оценки со стороны передовой русской критики, стала близка многим поколениям русских читателей. Уже Пушкин и его современники хорошо знали песни Беранже во французском подлиннике. Позже он был кумиром петрашевцев и революционно-демократических русских поэтов 60-х годов. Они переводили его песни, используя их как оружие в борьбе против царизма. Созданные в эти годы переводы (в том числе блистательные переложения Василия Курочкина) сделали произведения французского песенника фактом русской поэзии, достоянием самого широкого круга читателей. В советское время песни Беранже издавались десятки раз массовыми тиражами.

Чем же объясняется такая исключительная популярность?

Беранже был первым французским поэтом XIX века, выступившим от имени масс простых людей. «Народ — моя муза», — признавался он в автобиографии, а в одной из песен прямо заявил: «Мой вкус и я — мы из народных масс». И он действительно был истинным собратом своих будущих героев...

Духовный сын Великой французской революции, уроженец Парижа, ребенком видевший штурм Бастилии, он сам вышел из «третьего сословия». Его мать была модистка, а отец — писец у нотариуса. С юных лет Пьер-Жан стал пламенным республиканцем и патриотом своей революционной родины, которая в его глазах навсегда осталась великой страной свободы, сеющей ее семена по Европе. Любовь к родине, писал он, «была величайшей, я бы даже сказал, единственной страстью всей моей жизни».

Первый печатный сборник Беранже — «Песни нравственные и другие» — появился в 1815 году и объединил по большей части застольные импровизации, уже известные тогда по исполнению их автором в песенном кружке «Современный погребок» (такие кружки существовали в Париже с начала XVIII в.). Но популярность поэта началась с песни «Король Ивето» (1813 г.), где за похвалами сказочному королю-добряку таилась иносказательная критика наполеоновского режима.

Подлинный взлет Беранже произошел в годы Реставрации, когда после низвержения Наполеона во Францию вернулись короли династии Бурбонов и на полтора десятилетия (1815—1830 гг.) как бы воскрес нелепый призрак средневековой монархии. Потянулись в свои замки сбежавшие от народного гнева феодалы; льстецы и просители из родовой знати опять стали толпиться в королевской приемной, в стране свирепствовал террор. Подняла голову католическая церковь, иезуиты рвались к политической власти, вновь пытались захватить в свои руки школу. Церковная конгрегация плела реакционные заговоры в союзе с крайне правыми — ультрароялистами, которым даже режим Реставрации казался слишком «либеральным».

Вот тут-то и развернулся талант народного песенника. Такие сатирические шедевры тех лет, как «Маркиз де Караба», «Челобитная породистых собак», «Господин Искариотов», «Мелюзга», создали Беранже всеевропейскую славу. Реакция же властей была своеобразной. Издание новых сборников песен дважды (в 1821 и 1829 гг.) повлекло за собой шумные судебные процессы и двукратное тюремное заключение.

Политическая сатира Беранже имела могучее воздействие на умы современников, его веселый, сокрушительный смех расшатывал и без того неустойчивые основы монархии. Из его песен в высокую литературу впервые хлынула толпа простых людей, жителей парижских пригородов, завсегдатаев кафешантанов, обитателей чердаков, мелких чиновников и гризеток, бродяг, трактирщиц, отставных солдат и маркитанток. Его музу зовут Лизетта, она простая швея, но он не променяет ее любовь на благосклонность великосветской дамы. Его излюбленный герой — беспечный гуляка, «бедный чудак», все имущество которого составляют «два стула, стол трехногий, стакан, постель в углу, тюфяк на ней убогий, гитара на полу», но он ни за что не сменит свой видавший виды «старый фрак» на придворную ливрею.

Открытие народной темы во французской литературе XIX века — заслуга Беранже. Его песни утверждали значительность «простолюдина», его гражданское достоинство, внутреннюю независимость, шкалу жизненных ценностей, нравственные и политические идеалы. Поэт смотрит на мир глазами своих героев. Как и они, он видит в революции конца XVIII века героическую страницу народной жизни; как и они, славит «честную бедность» и осуждает бездельников-дворян, лицемерных и развратных церковников; смеется над ничтожеством королей, негодует против реакционного заговора клерикалов и легитимистов, презирает полицейских шпионов и корыстных депу-

татов; преклоняется перед ветеранами войн Республики, которые в свое время спасли Отечество и несли свободу другим народам, а ныне незаслуженно позабыты. Даже фигуру Наполеона он воспринимает сквозь призму народной легенды о «солдате революции», герое в треугольной шляпе и сером сюртуке, разделяя в данном случае с широкими массами Франции их заблуждение. Впрочем, это не помешало поэту отделять военную славу Наполеона от его политического деспотизма и сожалеть, что он «и скипетр взял».

Основа песен Беранже—мощные пласты французской демократической культуры: старинные побасенки-«фабльо», мудрая и озорная сатира-сказка Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», басни Лафонтена, комедии Мольера и Бомарше, лубочные памфлеты революционных лет. Искусство поэта ярко национально, пронизано «галльским духом» неистребимого свободолюбия, жизнерадостности и остроумия. По словам французского критика, в его песнях отразился «весь народ от души до костюма».

Искренняя забота о народном благе была делом всей жизни Беранже, и свои произведения он сделал действенным оружием в борьбе за это благо. Вот почему он обличал злейшего врага народа, отечества и просвещения — католическую церковь, опору монархической реакции его времени. Здесь он — верный ученик и продолжатель передовых умов XVIII века, французских просветителей. С вольтеровской иронией осмеивал он церковные догматы, учение о святой троице, ангелах, нетленных мощах (песни «Ангел хранитель», «Мощи» и др.); с вольтеровским сарказмом обличал «служителей Христовых» — отцов иезуитов, их мракобесие, жестокость, властолюбие, алчность, прикрытые лицемерием. Особенно выделяется своей остротой песня «Миссионеры», написанная как отклик на конкретное событие: в начале Реставрации духовенство начало распространять во французских деревнях так называемое «письмо Иисуса Христа», в котором содержался призыв к правоверным католикам устроить новую Варфоломеевскую ночь для истребления всех врагов монархического режима. Подстрекатели этой резни, иезуиты, выступают в этой песне бесами, посланными на землю Сатаной, чтобы гасить светоч разума и возжигать костры инквизиции.

Над Францией...
Задумал черт расправу:
Занес над просвещеньем меч
Невежеству во славу.
С небес в испуге свет бежит
И пляшут у костров ханжи:
«Мы верой заторгуем.
Эй, дуйте, дуйте! Кровь и ад!
Повсюду свет задуем,
И пусть костры горят!»

(Перевод И. Гуровой)

В песне «Капуцины» поэт предостерегает от усиливающегося политического влияния духовенства:

Король — надежная опора,
А церковь — всех ханжей приют;
Глядишь — места министров скоро
Церковным старостам дадут.

Хвалу спешите вознести,
Ведь капуцины вновь в чести.

(Перевод В. Курочкина)

Песня «Святые отцы», построенная как саморазоблачение иезуитов, предупреждает об опасности захвата ими народного образования:

В душах вам узнать пора
Полчищ наших шаг тяжелый.
Под ударом топора
Скоро рухнут ваши школы.
Ценя наместника Петра,
Нам больше жертвуйте добра:
Во всем мы сыновья Лойолы.
Что иезуитов вам страшней?
И сечь сильней,
И бить больней
Мы будем ваших малышей!

(Перевод Вс. Рождественского)

Разоблачая политические интриги церкви, Беранже зло высмеял дворянско-клерикальный «Священный союз» европейских монархий, организованный в 1815 году для подавления революционных и национально-освободительных движений.

Коль усмотрел союз священный,
Что где-нибудь король почтенный
Свалился с трона, — вмиг на трон
Посажен снова будет он;
Но пусть заплатит все расходы
На сено, провиант, походы.

(«Варварийский священный Союз»)
(Перевод М. Михайлова)

Особенно часто потешался Беранже над «целибатом» — обетом безбрачия католического духовенства. Через его песни проходит целая вереница священников и монахов, тайных развратников и сластолюбцев, ханжески проповедующих добродетель своей пастве. В духе вольнодумной народной литературы рисует он забавные сценки, обличающие безнравственность духовенства в песнях «Пономарь», «Святой», «Добрый пастырь» и многих других. Беранже не щадит и папу римского («Свадьба папы», «Папа-мусульманин», «Сын папы»), и святого Петра, у которого его подружка, проказница Марго, стащила ключ, и теперь в рай лезут кто попало.

В раю веселье и разгул:
Сам Петр туда бы прошмыгнул
(Все объяснить не так уж просто).
Но за труды его теперь
Пред ним захлопывают дверь.
«Марго, как быть?
Не олухом же слыть.
Отдай ключи!» — взывает к ней
апостол.

(«Ключи рая». Перевод В. Лившица).

Недаром церковники преследовали Беранже, и первое его тюремное заключение в немалой степени было делом их рук. Во время судебного процесса над поэтом прокурор с возмущением зачитал песню «Добрый бог», в которой сказочный «бог добрых людей», совсем не похожий на церковного, порицает королей, войны и угнетение и говорит людям:

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом кадят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья:
Отец всем добрым детям я;
По смерти мук не страшитесь.
Любите, пейте, веселитесь...

Церковники недаром ополчались на «доброго бога» Беранже, они понимали его близость не только к фольклору, но и к антицерковным представлениям великого французского просветителя Жан Жака Руссо, который был ненавистен официальной церкви не меньше, чем откровенные атеисты (книга Руссо «Эмиль, или о воспитании», где, в частности, изложены основы «религии чувствительного сердца», которой не нужны ни догмы, ни храмы, ни священнослужители, была сожжена палачом). Песню «Добрый бог» по достоинству оценили передовые современники поэта. Вскоре после публикации она была переведена на русский язык другом Пушкина А. Дельвигом (приведенные выше строки даны в его переводе).

Оказавшись в тюрьме вторично в 1829 году, Беранже сочинил там несколько прекрасных песен, в том числе «Кардинал и певец», обращенную к архиепископу города Тулузы, который в пастырском послании одобрил судей, вынесших приговор поэту. «Как для меня нападки ваши лестны!» — иронически замечает поэт и продолжает:

За каждый стих свободный об отчизне
Со мной вести желали б вы процесс.
Я — патриот, вольно же вам при жизни
Считать, что все мы граждане небес.
Клочок земли в краю моем родимом
Мне каждый мил, хоть я на нем не жал;
Не дорожить же всем нам только Римом!
Как ваше мненье, милый кардинал?

(Перевод И. и А. Тхоржевских)

Поэт отдавал себе отчет в общественном значении своей борьбы с монархией и католической церковью. «По сравнению с впечатлением, которое произвел этот мой процесс на общество, что значили для меня девять месяцев, проведенных в тюрьме, и десять тысяч франков штрафа!» — говорил он в «Автобиографии». Но денег у него не было, и штраф был покрыт по подписке, организованной друзьями.

Вся буржуазная действительность Франции представала его взору во все более зловещем виде. Особенно ясно это проявилось после Июльской революции 1830 года. В это время Беранже в значительной степени растерял свою веселость. Теперь он рисует картины нищеты и горя бедняков, задавленных тяжким трудом и непосильными поборами («Сон бедняка», «Рыжая Жанна»), изображает бездомного и гонимого старика, проклинающего свою судьбу («Старый бродяга»). Острие сатиры народного песенника направлено ныне против новых хозяев Франции, при которых простому народу живется нисколько не лучше, чем при старых.

Высокое гражданское и человеческое достоинство не изменило поэту до конца его дней. Он отверг заигрывания со стороны клики Наполеона III, не пошел на службу ко Второй империи. Он даже запретил переиздавать в эти годы свои прежние песни наполеоновского цикла, не без основания опасаясь, как бы они не прозвучали поддержкой нового бонапартистского режима, и писал отныне главным образом грустные песни интимно-лирического плана. Официальные круги отвечали ему холодной настороженностью. Кончина Беранже вызвала широкий резонанс. Несмотря на запрещение сборищ, за его гробом шло полмиллиона парижан, рабочие многих городов возложили венки на могилу песенника, который был в их глазах другом народа, его гордостью.

Его искрометные песни с их жизнерадостностью и остроумием, непримиримостью к деспотизму, лицемерию и мракобесию, с искренним уважением и любовью к простым людям, изяществом художественного выражения и народностью языка, остаются живым фактом искусства, стоят в ряду великих литературных памятников прошлого.

Рассказы наших читателей

СЫЧ

Е. ЦАРЕНКОВ

В Приморск я приехал вечером. Шел дождь. Городские улицы были пусты. В старенькой гостинице, которую я с трудом отыскал в парке, мне предложили место в общем номере на втором этаже. Выбора не было. Я представился своему соседу по койке, быстро разделся, забрался под одеяло и тотчас уснул. Во сне мне слышался печальный плач, затем кто-то пронзительно смеялся под окном.

Проснулся я среди ночи. В окно светила луна, на полу и по стене комнаты плавали тени, слышалось тяжелое дыхание моря. В комнату вошел мой новый знакомый Харитон Ильич Волошков. Из парка в это время донеслось непонятное: «Ва... ва... ваaa...» Я привстал.

— Что это?

— Сыч, — полушепотом проговорил Волошков. — Всю гостиницу на ноги поднял.

— Никогда не видел живого сыча. Осторожная птица.

— Разные бывают сычи. Домовые — доверчивы и очень любопытны. На десять шагов подпускают. А вот мохноногие — осторожны. Прилетают к жилью человека редко, как правило, ночью. В самую глушь.

— Говорят, — в шутку заметил я, — сычи кричат к покойнику.

— Поверье, да к тому же дикое. Бывали случаи, — даже погибали люди через это глупое суеверное представление.

Харитон Ильич лег на кровать поверх одеяла, пригладил густые волосы и продолжал:

— Была у меня когда-то в жизни история...

Встретила как-то меня у калитки нашего дома соседка Марфа и говорит: «Зайди к нам, Харитон. Поля зовет». Я молодой был, стыдливый. Видя мое смущение, Марфа сказала: «Приходи открыто — дело молодое. Только Полю не волнуй напрасно. Болеет она. А главное, примета плохая есть». «Какая примета?» — удивился я. «Сыч ночью плачет над домом. Не к добру это...»

Когда я вошел в дом, Поля вытянула вперед исхудавшие руки и зашептала испуганно: «Не подходи ко мне, Харитоша. Умру я, должно быть, скоро. Ты тогда мне на шею иконку повесь, что сестра твоя носит. Скажи, что я просила». Заскребло у меня на душе.

Харитон Ильич закашлялся, потянулся было за папиросами, но только махнул рукой.

— Что ж за болезнь была? — спросил я.

— Теперь бы доктора сказали: острая неврастения. А тогда врачей в деревне не было. Фельдшер приезжал. Побрызгал в избе карболкой, сказал, чтобы остерегались больной, — и все лечение. Не верил я ему. Думал: пригреет солнышко — поднимется Поля. Сыча же решил отучить от дома.

Чуть стемнело, я забрался в стожок сена на их огороде. На улице мороз. Небо высокое, черное. Вокруг луны — ободок тоненький. Веки сомкнулись. Сплю и слышу сквозь сон: «Поховав... поховав...» Жутко стало, как-то не по себе. Приоткрыл веки, повел вокруг отяжелевшими глазами. Вижу столбик какой-то на самом коньке крыши. Стал я присматриваться к нему, а он скок — и перемахнул на трубу. Посидел малость и вдруг пронзительно захохотал. Загремело в трубе. В доме засветились окна. Тетка Марфа выскочила на улицу, запахнула тулуп, крикнула: «Кыш! Чертово семя! Погибели на тебя нет!»

Птица сорвалась с крыши, мелькнула в свете луны и пропала. Куда — рассмотреть не успел. Во дворе напротив заскрипела калитка. Дорогу перешел старик. «Не спишь, Марфа?» — спросил он. «Какой тут сон, дед Ребрей. Мертвого и то, кажется, подымет. И чего повадился?.. Кричал бы себе в лесу». Ребрей зажег спичку, пыхнул махорочной самокруткой. «Зима нынче затяжная. Снегу много в лесу. Вот и мечется он. Корм ищет». «Какой же там на крыше корм?» — удивилась Марфа. «На крыше у него наблюдательный пункт. Крикнет и слушает. Пискнет где-нибудь мышь — он сейчас туда и бросается». — «Выходит, по слуху мышей ловит?» — «А то как же иначе? Ночью трудно мышь увидеть. А слух у сычей особенный. Уши с перьями связаны, которые вокруг глаз растут. Наведет их сыч, поставит, как тарелки, каждый шорох слышит, а главное, точно определяет, откуда звуки идут».

...Всю неделю ночевал я в стожке. Вижу: привык ко мне сыч. Летит из лесу и кричит гнусаво: «Гу... Гууу... гу...» Вроде как предупреждает меня. Если видимой опасности нет, садится на край крыши и водит головой. Гляну на него, и делается как-то смешновато. А он распустит крылья, перышки поднимет на спине, клювом щелкает и грозно кричит: «Ку... вить... Ку... вить...» Махну я рукой, а он хоть бы что. Глаза таращит и одно — кланяется, как петух перед дракой. Замахнусь палкой, только тогда и срывается с крыши...

Сговорился я со своим старшим братом поймать сыча. Днем проделали в крыше дырку, а ночью устроили засаду. Я забрался в стожок, а брат притаился на чердаке.

Ночь выдалась светлая, лунная. Сыч прилетел перед самым рассветом. Я вылез из укрытия. Сыч помахал крыльями, бодро прошелся по коньку, сел на свое привычное место против стожка. Чтобы отвлечь внимание птицы, а главное, заставить ее повернуться спиной к дырке в крыше, я отполз на край стожка. Сыч смотрел, как загипнотизированный, но не трогался с места. Двигались только его глаза. Я соскользнул на землю. Голова птицы, как на шарнире, повернулась назад.

Рука брата высунулась из отверстия на крыше и схватила сыча. Птица встрепенулась, ударила по руке клювом, зашипела, но брат схватил ее сзади другой рукой и быстро втолкнул в клетку.

До самого рассвета пойманная птица билась в клетке, щелкала клювом на кошку, которая осторожно обнюхивала ее издали, а утром притихла, глаза подкатывает, веками моргает обиженно, жмется в уголок спиной. Одним словом, присмирела. Повел я пальцем по ее спине — открылись светлые пестрые пестринки, скрытые под верхними перьями, в мягких подушечках лап показались бурые когти, последовал стремительный выпад — и глубокий, затекающий кровью след когтя остался на моей руке. «Не убивай его, Харитоша, — взмолилась Поля. — У него, может, детки маленькие. Не виноват он, что я болею. Я поправлюсь. Вот увидишь, поправлюсь. Только не убивай. Отнеси в лес. Смотри, какое у него оперенье нарядное: галифе — белые, рубашечка — в полосочку, накидка на спине — коричневая». «Затопчи окаянного, — тихо и злобно прошипела Марфа. — От него все беды».

Я вышел за село, открыл клетку. Птица выскользнула на свободу — сычи, не в пример совам, видят и днем, — набрала высоту. Пролетела над синим ельником и уселась на сухую сосну, стоявшую на краю леса. Я пошел к сосне.

Была весна, но снег еще не сошел с полей, и только кое-где темнели небольшие проталины. Потрескавшийся ствол дерева до самого комля был покрыт известковым птичьим пометом.

Цепляясь за обломки сучьев, я стал подниматься на сосну. «Разорю гнездо, — думал я, — сычи улетят». У самой вершины дерева, под застывшим гребнем устремленных вверх сучьев, внезапно послышался странный звук. Сыч выпорхнул из дупла и широкими кругами заходил над деревом. Я сунул в дупло руку, но в тот же миг, как ужаленный, выдернул ее назад. Между большим и указательным пальцами краснела глубокая рана... «Чек... чек... чек... тс... иии», — слышалось из дупла. Я пошевелил в отверстии сучком. Послышалось сердитое шипенье. Еще один взъерошенный сыч вылетел из дупла. На дне дупла, в небольшой теплой лунке, продавленной сычами в гнилушках, лежали четыре гладких яйца с ослепительно-белой скорлупой. Никакой подстилки под ними не оказалось. Даже пуху не было.

...Харитон Ильич умолк. А я продолжал думать о рассказанном. Мне казалось странным, что люди могли серьезно верить в причастность птицы и ее ночного крика к человеческим несчастьям.

г. Минск

ПУТЕМ ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА

**Йожеф ЛУКАЧ, академик АН ВНР,
директор Института философии АН ВНР,
главный редактор журнала «Вилагошшаг»**

Историческая цель Венгерской социалистической рабочей партии — построение социалистического и коммунистического общества. Единство этой политики обеспечивается именно этой единой целью.

СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ

Однако было бы неправильно из позиций, занятых партией по отношению к религии, выводить принципы нашей политики в отношении церкви. В данном случае определение контуров нашего идейного отношения к религии, то есть к немарксистским идеологии и мировоззрению, смешалось бы с определением нашего общественно-политического отношения к организациям, которые в своей деятельности исходят из религии, руководствуются своими специфическими потребностями и интересами. Сущность связи двух политик — политики в отношении религии и политики в отношении церкви — состоит именно в том, что нельзя одну противопоставлять другой.

Наша политика должна одновременно учитывать мировоззренчески противостоящую марксизму идейную силу, религию, а также те реальные социальные институты церкви, которые сейчас в наших условиях продолжают служить носителями, выразителями и организаторами этой религиозности. Другими словами, следует одновременно считаться с невозможностью обойти различие мировоззрений и стремиться к тому, чтобы в интересах мира, благосостояния и социального прогресса нашего народа и всего человечества не только предоставлялась возможность для сотрудничества верующих, церквей с людьми иного мировоззрения, но и оказывалось содействие этому сотрудничеству. Мы должны уметь, с одной стороны, считаться с тем, что по объективным причинам в нашем обществе будет, как видно, еще продолжительное время существовать какая-то форма религиозности, а с другой стороны, должны научиться, руководствуясь интересами экономического, политического и культурного развития нашего общества, обеспечивать действенность марксистского материалистического мировоззрения.

«Правда, много лет проработали мы с уполномоченными Ватикана,— сказал товарищ Янош Кадар во время своего визита туда в 1977 году,— прежде чем смогли отрегулировать отношения государства с римской католической церковью в Венгрии. Но у нас в Венгрии верующий человек не испытывает трудностей в отношении свободы совести. Мы не вмешиваемся в свободное отправление религиозных обрядов, в жизнь церквей. Венгерские представители римской католической церкви официально заявили, что они будут исполнять конституционные законоположения Венгерской Народной Республики и своими средствами будут поддерживать созидательные планы венгерского народа. Большего от людей церкви мы и не желаем».

О благоприятном отношении к такой позиции свидетельствуют слова папы Павла VI, приветствовавшего товарища Кадара: «Мы верим, что полученный до сей поры опыт оправдывает проделанный путь: мы ведем диалог о совместных проблемах, стараясь уважать права и законные интересы церкви и верующих, в то же время стараясь быть откровенными и относиться с нужным пониманием к специфическим заботам и деятельности государства... Все это означает, что святой престол и венгерская католическая церковь согласны откровенно и честно идти этим путем».

Курс на сотрудничество с социалистическим государством и прогрессивными силами во всем мире поддерживает и венгерская протестантская церковь. Председателем Христианской мирной конференции, например, был избран представитель венгерских реформатов. «Эта принципиально уясненная совместная работа христиан и марксистов имеет эпохальное значение и большую перспективу»,— писал недавно реформатский профессор теологии Имре Яношши.

Попытаемся теперь — главным образом на основании опыта, полученного в Венгрии, а также и опыта тех стран, где начались социалистические преобразования, — обрисовать в общих чертах социалистические принципы отношений между государством и церковью.

Во-первых, отделение церкви от социалистического государства следует толковать как важное условие обеспечения прав и свобод человека, как отмену всяких религиозных привилегий, как последовательную реализацию полного конфессионального и мировоззренческого равноправия, как последовательное осуществление свободы совести и религии. Это означает, что запрещается указывать в государственных документах и статистике чью-либо религиозную принадлежность или нерелигиозное мировоззрение, что занятие должностей у нас в Венгрии может определяться только профессиональными, политическими и человеческими способностями и качествами, что государство обеспечивает свободу проповеди и усвоения религиозных взглядов, равно как и свободу критики религии. Наш закон наказывает тех, кто подстрекает против любой религиозной группы или лица, принадлежащего к ней, либо против неверующих. С другой стороны, религиозные убеждения никого не освобождают от обязанности исполнять законы страны. В остальном социалистическое государство не вмешивается во внутренние дела церквей.

Только при социализме был положен конец религиозной дискриминации, делению на «признанные» и «непризнанные» вероисповедания. В школах осуществляется факультативное преподавание религии. Церкви располагают своими высшими теологическими учебными заведениями и печатными органами, не говоря уже о практикуемых в храмах уроках по подготовке к принятию таинства миропомазания и о библейских часах, а также о регулярных получасовых религиозных передачах. Верующие труженики не рассматриваются как люди второго сорта, которых только «терпят». «Верующие люди в качестве уважаемых граждан принимают участие в строительстве социализма», — подчеркнул товарищ Янош Кадар на XI съезде нашей партии.

Отрывки из брошюры Йожефа Лукача «Церкви и религиозность в социалистической Венгрии»(Будапешт, 1979).

Во-вторых, отделение церкви от государства, объявление религии частным делом граждан, естественно, не могло означать полного разрыва всяких контактов между двумя сторонами. Напротив, именно в таких условиях становится необходимым урегулировать правовые и материальные отношения между государством и религиозными институтами и постоянно контролировать выполнение заключенных по этим вопросам соглашеиий. Известно, например, что в соответствии с ними церкви в Венгрии получают государственное пособие — на выплату жалованья священникам, на социальную помощь, на охрану памятников церковного искусства.

Кроме того, органы власти и церковь своими специфическими средствами стараются содействовать дискуссиям по важным социальным вопросам, одинаково касающимся верующих и неверующих, диалогу в интересах сотрудничества, который надлежит поддерживать и совершенствовать на различных уровнях. Одно из условий этого диалога — основательное ознакомление с точкой зрения другой стороны, ее аналитическое критическое освещение.

Совершенно естественно, что между государством и церквами есть еще нерешенные вопросы; да и в будущем между ними наверняка могут быть расхождения во мнениях, споры. Но существенно то, что эти споры, в отличие от положения, существовавшего в прошлом, ведутся не для того, чтобы обострить конфронтацию, посрамить другую сторону, а для терпеливого исследования и решения спорных вопросов, более того, для взаимного уяснения и возможного сближения точек зрения обеих сторон.

Мы также приветствуем позицию, занятую в этом вопросе II Ватиканским собором: «...Если церковь полностью отклоняет атеизм, она все-таки искренне признает, что всем людям, верующим и неверующим, нужно сотрудничать для того, чтобы правильно был построен мир, наше общее жилище», чтобы сохранялся мир, росло благосостояние людей, чтобы развивались их культурные и социальные учреждения, общественные отношения.

И наконец, сегодняшние контакты нашего государства с религиозными организациями распространяются и на обмен мнениями о назначении отдельных лиц на руководящие церковные должности. В нашем историческом прошлом назначение епископов входило в прерогативу королевской власти, этот порядок сохранялся и в период между двумя мировыми войнами. Отделение церкви от государства относит назначение глав епархий к компетенции самих церквей. Однако общие интересы государства и верующих требуют, чтобы руководители церкви — в качестве граждан данной страны — были такими людьми, которые исполняют сами и помогают исполнять другим обязательные для всех законы, людьми, которые в социально-политическом отношении не враждебны нашей конституции.

Во избежание возможных трений религиозные организации, а что касается католической церкви — Ватикан, прежде чем назначить того или иного иерарха, проводят с государственными органами консультации, которые обе стороны, судя по имеющемуся опыту, считают подходящим средством обсуждения и решения возникающих при этом вопросов. Между прочим, такие предварительные обсуждения кандидатур практиковались и при недавних назначениях помощников католических епископов в Венгрин,— как кажется, к взаимному удовлетворению.

Социалистическое государство, естественно, не вмешивается в специфику церковного управления и не пытается как-то выделять или же дискриминировать какое-либо из тех теологических течений, которые исповедует та или иная религиозная организация. Для государства и партии — второстепенный вопрос, на основании каких богословских принципов определяется отношение верующих к неверующим. Важно социальное содержание этих идей, чтобы в интересах мира и прогресса они не наносили ущерба сторонникам обоих мировоззрений и позволяли осуществлять сотрудничество людей с различными убеждениями, содействовали этому сотрудничеству.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Как известно, система обычаев и традиций — медленнее всего поддающийся секуляризации элемент религиозности. В Венгрии нередко можно встретиться с таким явлением, когда люди, вообще считающие себя неверующими, под влиянием семейных традиций, микросреды хоронят близких, отдают им последние почести по церковным канонам, а новорожденных крестят. При этом венчаются такие люди, как правило, гораздо реже. Это означает, что в сфере обрядов связь с церковными общинами сохранили даже те, кто во всех иных отношениях уже вполне отошли от религии. И хотя в целом ныне лишь 35—40 процентов вступающих в брак венчаются в церкви, примерно две трети новорожденных еще подвергаются обряду крещения.

Следует вместе с тем отметить, что за последние 15 лет соблюдение всех религиозных ритуалов сократилось на 10—15 процентов, в то время как доля гражданских имянаречений, свадеб и похорон продолжала расти. Совершенно очевидно, что тут необходимо прежде всего развивать такую гражданскую обрядность, которая приобрела бы популярность как по месту работы, так и по месту жительства. При этом надо учитывать, что официальная государственная обрядность, судя по опыту, далеко не всегда соответствует частному, интимному характеру того или иного торжества.

Однако из относительно высокого процента участия людей в религиозных ритуалах никоим образом нельзя делать вывод о масштабах подлинной религиозности. Средняя посещаемость католических воскресных месс у нас не превышает 20 процентов, а в столице — 10 процентов. У протестантов этот процент еще меньше. Религиозность в городе ниже, чем на селе, у рабочих и интеллигенции — ниже, чем у крестьян и служащих, у мужчин — ниже, чем у женщин, у молодых — ниже, чем у пожилых. С другой стороны, нельзя забывать, что число людей, продолжающих считать себя верующими, значительно превышает цифры посещаемости богослужений, колеблясь где-то между 25 и 40 процентами.

Особенно это относится к рабочим, поддерживающим связь с крестьянской средой (например, к тем, кто живет на селе, а работает в городе). В силу целого ряда причин религия все еще сохраняет влияние на некоторые круги интеллигенции, не связанной с производством, в том числе и на отдельных молодых работников умственного труда. В целом же притягательная сила церкви слабеет, постоянно сужается круг лиц, избирающих своим жизненным призванием священство, что ведет к старению духовенства. Отсюда — вынужденное использование бывших монахов в качестве священников. Или же замена их дьяконами, то есть лицами, не посвященными в священнический сан, но привлекаемыми к отправлению культа.

С другой стороны, среди людей, все еще продолжающих считать себя верующими, заметно возрастает удельный вес внецерковной, частной религиозности. В основном это ищущие более радикальной, более интимной веры лица, которые недовольны церковью, так как она, по их мнению, чрезмерно приспосабливается к внешней обстановке. Этим же объясняется и относительное усиление сектантских общин, а также кое-где и католических так называемых «базисных общин».

Впрочем, эти группы не выступают с какой-либо оппозиционной политической платформой, а иной раз даже выражают солидарность с некоторыми экономическими и полити-

ческими целями общества. Однако в культурном и нравственном отношении для них характерна замкнутость. И хотя такие проявления сами по себе представляют не что иное, как следствие разложения традиционной религиозности, они воспринимаются приверженцами подобных групп как обновление. За определенной чертой этот мировоззренческий радикализм — вольно или невольно — может начать играть и политическую роль, и мы не должны упускать из виду, что в критических ситуациях это явление может распространиться и на другие церковные круги.

Однако наиболее быстрые изменения под влиянием секуляризации происходят в религиозном сознании. Упадок религиозных знаний отмечается всеми социологическими исследованиями. Зачастую эти знания не достигают современного культурно-исторического уровня. Довольно быстрыми темпами идет распад традиционного религиозного миропонимания, особенно среди молодежи.

По данным социологического исследования, проведенного среди молодежи, только 36 процентов опрошенных верят в существование бога, а среди рабочей молодежи — лишь 16 процентов. В загробную же жизнь верят совсем немногие. 60—70 процентов опрошенных считают, что в наши дни среди молодежи верующих мало, а в будущем влияние религии будет уменьшаться еще быстрее. Опрошенные почти не сведущи в религиозной догматике, их вера имеет преимущественно эмоциональную окраску. При этом, однако, большинство из них отождествляют религию с нравственностью либо предполагают тесную связь между ними, а в возможность существования безрелигиозной морали не верят.

Таким образом, с одной стороны, секуляризация сознания, распространение атеистического гуманизма прямо пропорциональны прежде всего социальной активности, содержательному функционированию социалистических коллективов, росту культурных и образовательных потребностей. С другой стороны, замедление социальной динамики, формальное функционирование коллективов вообще способствуют сохранению религиозности, а вместе с тем и консерватизма мышления и образа жизни.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Если подытожить сказанное, то, как мне кажется, можно прийти к следующим выводам.

Нужно продолжать крепить в нашей стране единство людей разных религий и разных мировоззрений в строительстве социализма, в создании новой культуры. Необходимо сохранить служащие интересам народа добрые отношения между социалистическими государственными и общественными организациями, с одной стороны, и церквами — с другой.

Идеологическо-мировоззренческую дискуссию следует подчинять практическо-политической борьбе. И в дальнейшем следует терпеливо, открыто и недвусмысленно — на основе разделения государственной и церковной сфер, на основе взаимного уважения и общих интересов обсуждать и демократическими методами решать общие проблемы, взаимно исключая в этой области применение субъективистских методов и средств политического и административного нажима.

Безусловно необходимо бороться против любой религиозной или мировоззренческой дискриминации, против разделения людей по их мировоззрению. И в этой области наша идеологическая работа ведется ради людей, а не против людей. Мы должны внимательно и с симпатией относиться ко всем выступлениям в религиозной среде в защиту мира, общественного, культурного и нравственного прогресса, против военной агрессии, империализма и неоколониализма.

Ускорение социалистического развития требует еще, чтобы мы организованно содействовали распространению научно-теоретического мышления и на этой почве — марксистского атеистического гуманизма, рассматривая эту задачу как органическую составную часть нашей культурной работы. Современная идеологическая борьба как в международном масштабе, так и у нас в Венгрии диктует важность развития этой позитивной деятельности, которую следует осуществлять многосторонне, комплексно, терпеливо и дифференцированно.

Наша пропагандистская работа не может исчерпываться простым просветительством; она должна включать в себя и проведение последовательных и честных дискуссий, диалога, в которых, кроме вскрытия мировоззренческих противоречий, ищутся и находятся те совместные цели и ценности, которые в равной степени отвечают как интересам верующих, так и неверующих. При этом мы должны научиться без интеллигентской самоуверенности и спеси давать мировоззренчески обоснованные позитивные ответы на реальные вопросы, выдвигаемые жизнью. Мы должны учитывать специфические идеологические проблемы различных общественных слоев и даже различные условия жизни отдельных личностей, разговаривая с верующими иначе, чем с мировоззренчески индифферентными людьми или с носителями немарксистских, вульгарно-материалистических взглядов.

Мы убеждены, что эти цели, реализуемые также и посредством мировоззренческих, идеологических дискуссий, встречают поддержку у большинства граждан нашей страны, независимо от их отношения к религии. Мы знаем также, что за этим сложным, объединяющим в себе диалог и практическое сотрудничество процессом с сочувствием наблюдают сторонники прогресса во всем мире.

Перевел с венгерского В. Малыхин

Коротко об интересном

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО ОБЫЧАЯ

В городе Перник Софийского округа (Болгария) ежегодно в конце зимы устраивается фестиваль кукеров и сурвакаров *. Сюда съезжаются люди со всей страны, здесь проходят народные гулянья в масках, сопровождаемые музыкой, народными танцами и песнями.

Идея проводить такой самобытный праздник родилась в 1964 году во время окружного смотра народного творчества. С тех пор к этому национальному фестивалю каждый год готовятся во всех уголках Болгарии. В домах культуры, кружках самодеятельности собираются любители и мастерят разнообразные причудливые маски и костюмы, изображающие различных чудовищ. Нередко в таких праздниках принимают участие целые семьи. В 1979 году в Пернике собрались 83 группы ряженых из 16 округов страны, а кроме того прибыли группы участников из Венгрии и Греции.

Обрядно - календарные празднества и обычаи — одна из самых красочных и древних форм народного творчества. Сегодня разнообразные игры и танцы в масках — кукеры, сурвакары, бабугеры, песяки и другие — утратили свое первоначальное предназначение — отпугивать злых духов, стремящихся погубить труд земледельца, уничтожить урожай или умертвить скотину.

В давние времена такие танцы в масках сопровождались магическо-заклинательными действиями. Теперь же это просто веселые пляски и хороводы, где каждый старается показать свое умение, вкус, выдумку, мастерство в создании самой оригинальной маски, самого интересного костюма. В фестивале находят свое выражение чувства национальной самобытности и творческой силы. Так древние национальные формы художественного творчества наполняются новым содержанием.

* Кукеры — ряженые танцоры в масках, сурвакары — юноши в национальных одеждах с веточками дрэна (разновидность дикой черешни).

ЧТО ЗА РЕЛИГИОЗНОЙ ОБОЛОЧКОЙ

Некоторые характерные черты религиозных процессов на Востоке

Б. ЕРАСОВ,
кандидат
философских наук

● В сложных переменах, которые происходят в политическом и духовном облике развивающихся стран Азии и Африки, религия играет неоднозначную и во многом противоречивую роль.

Масштабы совершающихся здесь сдвигов в различных сферах общественной жизни, научно-техническая революция, затронувшая эти страны, должны вызывать у масс сомнения в безусловной истинности и универсальности прежних верований, ослабление влияния религии или, по крайней мере, ее «осовременивание». Действительно, в общественном сознании в целом можно без сомнения констатировать ослабление влияния религии, сужение сфер воздействия официальных и неофициальных религиозных институтов на жизнь общества. Утрачивают свою силу религиозные идеалы и образцы, общественная мысль освобождается от теологических категорий.

Несмотря на то что в ряде стран Востока ислам (или буддизм) объявлен государственной религией, главную роль в официальной политике государств и большинства политических партий играют секулярные принципы и цели. Религии приходится потесниться и в идейной жизни, чтобы дать место новым установкам, связанным с национализмом, «социализмом национального типа», различным формам буржуазного прагматизма. Несомненно также, что в сознании определенных слоев растет влияние и научного социализма.

Однако вместе с тем религия достаточно прочно сохраняется в ряде сфер общественной жизни — в семейно-бытовых отношениях, в повседневном поведении широких слоев населения, во внутригрупповых и межгрупповых связях. А в определенные периоды в этих странах даже усиливается ее политическое и идеологическое влияние, явственнее, чем прежде, сказывается ее воздействие на политику и официальную идеологию, более настойчиво утверждаются религиозные принципы морали и воспитания.

Мы видим, как в масштабных и подчас бурных движениях недавнего времени ислам, например, сделался знаменем и основой для вовлечения в политическую деятельность значительных слоев населения, прежде далеких от общественной жизни, как происходит активизация религиозных верований даже там, где они начинали угасать.

Социальные и мировоззренческие причины сокращения масштабов влияния религии вполне очевидны. А вот процессы оживления религиозных настроений, усиление роли религии в ходе перестройки общественной жизни стран Азии и Африки требуют объяснения.

Религиозные деятели объявляют, что религия — это целостная и органичная идеология, обладающая собственной жизнью и способная определять характер общества. Однако история говорит как раз о том, что функционирование религии всегда обусловлено состоянием общества, происходящими в нем процессами. Одни и те же догматы и заповеди в различных социально-политических движениях воспринимаются далеко не однозначно и не одинаково. К тому же и ислам, и буддизм, и индуизм представляют собой вовсе не однородные религиозные системы. В рамках этих религий существуют течения, которые нередко вступают между собой в напряженные споры, распри и конфликты.

В развивающихся странах Азии и Африки еще сохранились разные формы неклассовых и раннеклассовых отношений, и именно в этих условиях религия еще может быть стержнем и основой для регуляции отношений, для консолидации первичных социальных ячеек-общин, каст, этнических групп и т. д. Те слои населения, которые, будучи «вышиблены» в результате стремительных перемен из прежних социальных структур, не нашли себе места в новых условиях, нередко ищут выхода в религиозной идеологии, считая, что их бедственное положение — оттого, что попраны религиозные нормы и т. д. Именно поэтому религия активизируется в те периоды, когда происходит ломка всех прежних отношений, когда весь старый строй «переворотился» и то, что «только укладывается», по выражению В. И. Ленина, «совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения»[1].

В обществах, которые раздроблены по общинам, по кастовым и этническим признакам, религия продолжает играть важную объединяющую роль. Мы видели, как ислам и буддизм нередко становились формой урегулирования межгрупповых конфликтов. (Но знаем и то, что в конечном счете это приводило к возникновению новых, более масштабных и подчас более острых распрей — религиозных.)

В условиях ограниченности и скованности отсталых, традиционных укладов жизни для значительных масс именно в религии содержатся наиболее доступное объяснение мира и основы морали. Безусловно, при этом сохраняются противоречивость социальной роли религии и ее иллюзорность, ибо мировоззренчески она объясняет все «божественным законом», которому человек должен подчиняться, и тем самым уводит от подлинной критики условий бытия, порождающих страдание и угнетение, оправдывает сложившиеся порядки или же ищет «субъективные», этические пути их исправления.

В наше время одной из причин влиятельности религии в общественной мысли азиатских и африканских стран стала и ее связь с антиколониальными движениями, с борьбой народных масс за национальную независимость, которая проходила под лозунгами ислама, буддизма, индуизма.

Национальные идеологи, опирающиеся на религиозную идеологию, заявляют, что религия — это важная составная часть социальной структуры и культуры или даже воплощение целостности самой культуры и истории народа. Именно поэтому, заключают они, и на новом этапе развития религиозные системы могут стать важной составной частью национальной культуры. Насколько они правы?

Конечно, на Востоке, в отличие от районов, где распространено христианство, нет резкого разделения между светской и культовой сферами, между религиозными, моральными и правовыми предписаниями. В исламе, буддизме, индуизме выработалась всеобъемлющая система контроля за поведением и сознанием верующих, которая совмещает культовые функции с правовыми, этическими, культурными, воспитательными и накладывает отпечаток на весь образ

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 101.

жизни общества. Но, как хорошо известно, «неразделенность» светского и религиозного часто приводила к «замораживанию» социального и культурного развития, которое сковывалось косными догмами и принципами.

Но что происходит в ходе рассматриваемых нами процессов в самой религии? Остается ли она прежней неизменной суммой верований, ритуалов и отношений или же подвергается изменениям? В работах многих советских востоковедов (Л. Р. Полонской, А. И. Ионовой, С. Ф. Левина, М. Т. Степанянц и других)[2] раскрыты глубокие перемены, происходящие как в содержании восточных религиозных учений, так и в характере культа и их соотношении с социальными и политическими организациями, показана социально-политическая и идеологическая разнородность течений и движений, возникающих в рамках одной религии.

Эта разнородность обусловлена целым комплексом причин, относящихся к внутренним и внешним, социальным и духовным аспектам деятельности общества. Мы рассмотрим, как соотносятся социальные проблемы с установлениями основных направлений ислама, буддизма и индуизма. При всем своеобразии этих религий, их различии как в содержании вероучения, так и в принципах организации, в трактовке ими этих проблем есть значительное сходство.

Каждая из этих восточных религий в своем традиционном варианте мало пригодна для активной роли в современных социально-политических процессах. Ортодоксальный традиционализм связан с теми косными привилегированными классами, которые хотели бы противостоять переменам, сохранить свои привилегии и удержать широкие народные массы в ограниченных рамках первичных групп, дополняемых культовыми связями. В ряде стран этот традиционализм активно используется и насаждается правящими кругами, которые рассчитывают с его помощью сдержать рост недовольства и активности населения.

Для современного религиозного традиционализма весьма характерно, что он уживается с технократическими и бюрократическими методами управления обществом. Пример тому — курс садатовского режима в Египте, провозгласившего «опору на науку и религию». Религия становится существенной частью правительственного механизма контроля за обществом и массами, отстраненными от участия в новой жизни. В то же время сама религия, все ее проявления и сферы влияния находятся под жестким контролем властей. Различные министерства и управления следят за тем, чтобы она не была использована против режима, не стала оппозиционной силой.

Вот почему социальные перемены, происходящие в восточных и африканских странах, вызывают необходимость изменений в содержании и структуре религии, что порождает различные реформаторские идеи.

Практические дела, направленные на процветание общества и его совершенствование, могут получить религиозную санкцию только в случае реформирования вероучения. А это требует подчас существенных изменений в духовном составе религии. Известные преобразователи ислама М. Абдо и Д. аль-Афгани обрушивались на «душевную атрофию», навязанную таклидом, и призывали к активной деятельности. Таклиду противопоставляются иджма и иджтихад[3] — право толкования догм, свобода мнения — для оправдания новаторских действий.

В индуизме реформаторы резкой критике подвергают учение об иллюзорности реального бытия, осуждается вера в переселение душ, которая подавляет всякое стремление к изменению существующих условий. Переосмысливается и принцип кармы: из сокрушительного бремени «прошлых» существований она становится принципом воздания человеку за его служение обществу, и это воздаяние выражается не только в индивидуальной судьбе, но и в изменении условий бытия общества в целом. Так подходили к индуизму Р. М. Рой, Ауробиндо, Радхакришнан и другие реформаторы.

Такое изменение «онтологических» принципов меняет и ряд других важных сторон религии. Пересматриваются методы отношений между человеком и богом: основную роль начинает играть внутренняя религиозность; человек сам «может» входить в отношения с богом через разум, интуицию и через свою богоугодную деятельность. Уменьшается роль различных посредников между богом и верующими: священнослужителей, храмов, изображений, жертвоприношений, обрядности.

В социальном плане усиление реформаторских идей связано с развитием новых форм деятельности, в которые вовлекаются широкие группы населения. Выдвигаются весьма характерные призывы отменить запреты, сковывающие эту деятельность (например, буддистский запрет на прикасание к деньгам, запреты на различные виды пищи и одежды и т. п.). Проще и доступнее становится индивидуальное выполнение повседневных обрядов, смягчены ритуальные запреты, перетолкован даже столь важный для буддистов принцип «ненасилия», который теперь не должен распространяться на тех, кто угрожает существованию общества. В интерпретации бывшего премьер-министра Бирмы У Ну, даже сам Будда в предыдущем существовании прибегал к силе, чтобы спасти друзей от страданий и защитить их от врагов. У буддистских реформаторов трудовое усилие изображалось как «практика» медитации, что сопровождалось явной или скрытой критикой монашеского безделья.

Реформированные элементы религии становятся важной составной частью националистических течений. Если на ранних этапах, например у видного индийского деятеля Ауробиндо, национализм приобретал «внеземной» и «божественный» характер, то впоследствии религия все больше «национализируется», преподносится как важная духовная сила, связанная с бытием нации.

Идеологи национализма в арабских странах объявляют ислам частью арабского национализма, сокровищницей именно арабской культуры, воплощением всей ее истории. Они отвергают его толкование как вневременной и вненациональной веры, пригодной для всего человечества. Видный идеолог арабского национализма М. Афляк провозглашает, что ислам «был порожден из душевных глубин арабизма» и именно национальный дух придавал и придает ему силы. Для арабских идеологов делом особой чести и гордости становилось арабское происхождение Корана и пророка Мухаммеда.

В неарабских мусульманских странах в связи с этим происходит соперничество за «внимание» со стороны пророка Мухаммеда и его спутников, за «национальную» трактовку хадисов, за национальную принадлежность видных религиозных деятелей. В Индонезии мусульманские националисты утверждают, что душа пророка Мухаммеда обитает не в Мекке, а в Боробудуре, знаменитом древнем культурно-религиозном центре.

Несомненно, что реформаторство в исламе, буддизме и индуизме во многом смыкалось и смыкается с национализмом, с присущим ему отстаиванием принципа «надклассового» характера национального единства, замалчиванием противоположности интересов буржуазии и трудящихся. Носителями реформаторских идей выступали те более активные слои мелкой и средней буржуазии, интересы которых ущемлялись проникновением иностранного капитала и которые хотели противопоставить ему самостоятельность своей нации и государства.

Однако способность реформаторства содействовать объединению нации относительно невелика, так как оно могло охватить лишь те слои, которые вовлекались в русло буржуазной деятельности. В стороне оставалось многочисленное традиционное и полутрадиционное население в городе и особенно в деревне. Возможности реформаторских течений оказались ограниченными и уступили место «контрреформации» — или «возрождению». Причины этого заключались, конечно, не в присущих самим восточным религиям особенностях, на чем настаивают иные буржуазные востоковеды, а в ограниченности социальных предпосылок реформаторства, прежде всего в слабости и нерешительности национальной буржуазии, которая в этих странах возникла сравнительно поздно и сразу же почувствовала угрозу нарастающего классового движения трудящихся.

Как мы уже видели, широкие народные массы, не подготовленные к иному мировосприятию, иной жизненной ориентации, кроме религиозной, именно в религии ищут ответ на вопрос о том, «как дальше жить». В этой среде, ищущей выход из бедственного положения, испытывающей на себе всю тяжесть издержек буржуазной «модернизации», становятся популярными течения, часто называемые в исследовательской литературе «возрожденческими», так как они действительно провозглашают идею «возрождения» первоначальной религии, в которой якобы и было осуществлено

---

[2] См.: «Зарубежный Восток и современность», т. 2. М., 1974; «Религия и общественная мысль стран Востока». М., 1974; «Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока». М., 1978; А. И. Ионова. «Мусульманский национализм» в современной Индонезии. М., 1972; М. Т. Степанянц. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока. М., 1974; «Религия и атеизм в Индии». М., 1973; «Религия в странах Азии и Африки». «Народы Азии и Африки», 1980, № 1.

[3] Таклид — слепое принятие авторитета в религиозных вопросах. Иджма — согласное мнение мусульманских богословов по вопросам религиозной жизни. Иджтихад — право на независимое толкование отдельных положений ислама.

«царство божие на земле», разрешены все социальные конфликты, воплощены идеи общего блага, единства и равенства. Дело здесь, таким образом, вовсе не в возрождении самой религии, а лишь в оживлении одного из ее вариантов — того, который в прошлом питал хилиастические, мессианские и сектантские движения и который теперь приобретает подчас огромную убеждающую силу.

Сознание народных масс оказывается во власти драматических, трудно разрешимых конфликтов. Такие ситуации в жизни народа были в свое время прекрасно проанализированы В. И. Лениным. Он писал, что вековое крепостное угнетение и пореформенное разорение русского крестьянства «накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости», готовности к массовому революционному выступлению. Вместе с тем В. И. Ленин указывал на неспособность массового сознания понять сущность новых формирующихся отношений, на его подверженность иллюзиям и утопическим представлениям[4].

Не удивительно, что религия подчас становится носителем протеста против социальных невзгод (если еще не набрали силу или ослаблены гонениями прогрессивные политические партии). К тому же в ходе исторического развития религиозная идеология впитала в себя настроения протеста народных масс против невыносимых условий существования, против крайностей притеснения и эксплуатации. Этот протест, как указывал Ф. Энгельс, выступал неизбежно в религиозной одежде[5], и каждый раз он выдавал себя за «восстановление» раннего варианта религии, в котором первоначально проявлялись сильные оппозиционные настроения притесняемых низов.

Модернизация по буржуазным образцам совершенно очевидно связана с воздействием западного капитализма. Эта связь дает обновленческому, или возрожденческому, движению сильный антиимпериалистический, а подчас и антибуржуазный импульс, хотя и направленный в основном против крупного, монопольного капитала в защиту мелкого. Духовные руководители таких движений резко отвергают новые коммерческие принципы организации жизни и человеческих отношений — во имя «подлинно» моральных и духовных, которым будет подчинено все — власть, экономика, политика.

Подобные процессы в наше время происходят в разных афро-азиатских регионах.

«Возрожденческие» течения объявляют образцами общественного устройства блистательные времена «золотого века», будто бы существовавшего в исламе в период правления четырех «праведных халифов» и «спутников пророка», в индуизме — ранних вед, а в буддизме — ранних буддистских государей, особенно царя Ашоки. Необходимо лишь «вернуться» к этим образцам, преодолев заблуждения и искажения, внесенные неправедными властями и реакционным духовенством, отошедшим от этого первоначального идеала.

В рамках таких течений религиозные лидеры нередко предпринимают далеко идущие попытки пересмотреть всю историю своих народов, преподнести ее как постоянную борьбу за осуществление изначальных принципов своей религии. Ислам, буддизм и индуизм преподносятся как важнейшая, всепоглощающая основа культурного достояния, а сущность истории — как сохранение этого достояния от проникновения зловредных «западных» идей и пагубных отступлений от религии. Заветы религии и сегодня представляются как главный оплот и единственное средство в борьбе с «тлетворным влиянием западной культуры», которая разобщает людей, нарушает связь человека с природой, ведет к экологическому кризису и т. д. И только в следовании неискаженным божественным заветам, утверждают современные религиозные лидеры, духовное средство избавления от ненавистного Запада и противоречий, связанных с промышленным развитием и научно-технической революцией. Только религия может исправить нравы и установить справедливый порядок — с этим лозунгом они обращаются к угнетенным массам, и он находит у них, как правило, горячий отклик.

Социальные кредо «возрожденческих» течений: «всемогущество веры, демократия и справедливость» — имели и имеют громадную убеждающую силу, привлекая широкие массы, поднимая их на активную борьбу против социального и национального угнетения. «Демократия и справедливость» представали как утверждение равенства, устранение крайностей богатства и бедности, эксплуатации, равномерное распределение средств существования. Очевидно, что это означало ущемление имущих классов, ограничивало их возможности эксплуатировать народные массы. Вместе с тем эти принципы явно были направлены и против власти, отчужденной от народа и не отвечающей требованиям «общего блага», защиты интересов общества в целом.

Эти обстоятельства и способность к массовому охвату делают религиозное «возрожденчество» влиятельной идейной и политической силой, важной составной частью различных национальных движений, средством формирования активного патриотического фронта против колониального и империалистического засилья в азиатских или африканских странах.

В качестве показательного примера одного из таких движений в недавнем прошлом можно привести гандизм. Идеи Ганди способствовали значительному расширению индийского национально-освободительного движения, объединению в нем различных слоев населения, превращению его в подлинно массовое. Ганди сумел использовать субъективные возможности протеста, которые накопились в индийском народе.

Обращение к идеям «возрождения» ислама мы видим и в религиозно-политическом движении, развернувшемся в Иране. Шиитское направление ислама, преобладающее в Иране, исторически было оппозиционным по отношению к властям. Для шиитов любая власть — временна, она существует лишь до появления «скрытого имама», единственного, кто, согласно их учению, обладал властью, не противоречившей исламу. Глубокое недовольство широких слоев населения дискредитировавшей себя шахской властью, ее политикой «модернизации» и западной ориентацией вылилось в активное политическое движение, использовавшее во многом религиозные идеалы, содержащиеся, как объявляется, в «подлинном исламе».

Несомненно и то, что радикальный антиимпериалистический курс, провозглашенный духовным руководством иранских шиитов, опирался на настроения и потенции неимущих, обездоленных слоев, заинтересованных в проведении коренных социально-экономических преобразований, которые неминуемо затрагивают интересы крупной буржуазии и паразитической верхушки общества. Эта верхушка сосредоточивала прежде в своих руках гигантские богатства, к которым народ не имел доступа и которые охранялись беспощадным произволом власти. Взрыв народного возмущения смел тщательно насаждавшиеся структуры деспотизма, взывавшего к 2500-летней традиции для своего оправдания в общественном сознании. Шиитский ислам, впитавший вековые настроения протеста против угнетения, оказался в состоянии направить это возмущение как против западного империализма, так и против внутреннего деспотизма и паразитических привилегий правящей верхушки.

В подобных религиозных движениях находят свое выражение упования и условия существования масс, скованных устарелыми способами производства и отживающими социальными отношениями, масс, еще не способных представить себе реальный путь избавления от социальной несправедливости и осуществления идеалов общего благополучия. Они видят избавление от бедствий и страданий не в переустройстве жизни, а в возвращении к утопическому прошлому, в оживлении традиций, которые, по их мнению, сохранят устойчивость их положения в жизни. Распространяются реставраторские призывы вернуться к «благостному» образу жизни, лишенному как противоречий, так и достижений XX века.

Но в религиозных идеях и лозунгах содержится лишь отражение тех реальных социальных процессов, которые происходят в обществе. А содержание этих процессов зависит прежде всего от того, какие силы выступают во главе движения, развернувшегося под религиозными лозунгами, кто подчиняет его себе. Под общими вероисповедными установками могут выявляться самые различные устремления. И мы видим, как в других восточных странах, скажем в соседнем Пакистане и в более отдаленном Египте, тот же ислам оказался привязан к потребностям крупной буржуазии и правящей бюрократии, выполняя роль «стабилизатора» положения в обществе, становясь средством примирения масс с засильем чуждых народу классов.

В то же время сами движения под религиозными лозунгами характеризуются и противоречивостью и ограниченностью.

В разных странах Востока в определенные периоды достигал значительного эмоционально-политического накала религиозный национализм. Вспомним лозунги «Индия — только для индусов», «Шри Ланка — только для буддистов» или «Индонезия — для мусульман». Следование этим религиозным националистическим лозунгам приводило к драматическим потрясениям. Убийство Ма-

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 206—213.
[5] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 314.

хатмы Ганди и Соломона Бандаранаике, пожар в Каире в январе 1952 года, резня в Индонезии в 1965 году и в Бангладеш в 1970-м — вот лишь некоторые примеры этого.

В последнее время политические круги разных стран Азии и Африки стали с гораздо большей осторожностью относиться к использованию религии в целях национальной интеграции. Испытав в полной мере опасность религиозного коммунализма, политическое руководство Индии, связанное в течение долгого периода с именем Джавахарлала Неру, старательно избегало обращения к религиозно-культурным традициям и излагало свои программы в современных категориях, обращаясь к идеям светского общества, демократии, экономического равенства и «демократического социализма».

Д. Неру неустанно разоблачал религиозный коммунализм не только как отжившее наследие прошлого, но и как орудие неоколониализма и современной реакции. Его борьба за национальное развитие Индии основывалась как на обращении к прогрессивным традициям прошлого, так и на влиянии современных мировых прогрессивных сил.

В Египте правительство президента Насера нанесло решительный удар по религиозному экстремизму «братьев-мусульман», утвердив в целом вполне светскую ориентацию в сочетании с тенденциями привязать ислам к целям «арабского социализма». Прогрессивная часть мусульманских богословов-улемов поддерживала на том этапе политику президента Насера, способствуя идеологическому сближению мусульманских принципов с социалистическими программами, выдвигавшимися тогда в Египте. Но позднее руководящие круги отказались от этого курса, выдвинув, как уже говорилось, принцип «опоры на науку и религию», в котором религии отводится важная роль «компенсации» народных масс за земные лишения и бесперспективность.

В странах революционно-демократической ориентации, таких, как Алжир, Гвинея, правящие партии прибегают к тем религиозным положениям, которые могли бы способствовать доведению до сознания масс идей «национального социализма». Правда, при этом надо отметить, что существуют разные варианты такого «социализма», отражающие устремления не только подлинно революционных элементов, но и консервативных буржуазных или бюрократических групп.

Небезынтересно, как относится империалистический Запад к такого рода течениям, направленным зачастую против его явного и неявного засилья. Приходится сталкиваться с тем, что западные идеологические и политические круги подчас вполне целеустремленно поддерживают тенденции религиозной реставрации, делают ставку на религию как на влиятельное средство стабилизации сложившихся здесь социально-политических структур. Более того, они полагают, что религия в ее умеренных вариантах может снять социальную напряженность в этих странах и умиротворить массы без проведения радикальных демократических реформ. Такая религия, по их мнению, должна ослабить влияние социалистических идей.

В таком совпадении позиций западных и восточных идеологов, по сути дела, нет противоречия, они соответствуют, в общем, стратегическим целям капиталистического Запада, который вынужден отказаться от политики прямого политического и идеологического диктата по отношению к освободившимся странам и прибегает к более гибким, косвенным формам их подчинения своим интересам. Открытое навязывание «западного» образа жизни, буржуазной идеологии и буржуазной «массовой культуры» теперь часто вызывает духовные смуты и политические неурядицы. Поэтому западные идеологи настойчиво рекомендуют скрытые, неявные формы влияния: по каналам власти, через финансовые, коммерческие органы, через сложный, изощренный механизм государственно-монополистического капитала, оперирующий ценами на сырье и продукцию, ставками учетного процента, стоимостью рабочей силы, рабочими местами и прочими экономическими факторами, большей частью связанными с различными формами государственно-политического давления.

Устанавливая жесткий экономический контроль над функционированием важнейших сторон национальной экономики, государственно-монополистический капитал вполне может предоставить религии регуляцию «внутренних» проблем, возложить на нее обязанность поддерживать стабильность в обществе, воздействуя морально-психологически на верующих. Более того, по различным научно-академическим и политическим каналам религия усиленно рекомендуется как средство интеграции общества, способное спасти его от пагубной классовой раздробленности и, конечно, от влияния коммунизма, а также придать вид законности тем режимам, которые обеспечивают сохранение зависимости своих стран от мирового капитализма.

Консервативные круги стремятся устранить из религии радикальные представления, идеи установления справедливого общества на земле. Эти идеи, даже в их утопическом воплощении, оказываются неприемлемыми, если нужно примирить народные массы с их реальным положением. Осуществление лучшей жизни отодвигается в эсхатологическую перспективу, в «иное существование». Происходит усиленная деполитизация общества, отстранение масс от участия в реальной политической жизни в пользу религиозного ритуализма. Уводя массы в сторону религиозных проблем, буржуазно-бюрократическая элита получает тем самым время и условия для закрепления своего положения.

В решении проблем национального сплочения и развития ценность религии остается, как видим, относительной. В руках реакционных сил она становится орудием устранения «иноверцев» из конфессиональной общины, ограничения их прав участия в жизни общества. В этом случае провозглашенные идеалы «справедливости», «единства» и «благополучия» превращаются в утопию, иллюзию и мистификацию, дезориентируют сознание масс. Только в том случае общественно-политические движения, начавшиеся под религиозными лозунгами, приобретают революционный политический характер, если они всерьез осуществляют поставленные задачи борьбы за интересы широких слоев трудящихся, за ограничение эксплуататорских классов и против засилья империализма. Только тогда они перестают быть утопией и перерастают в реальное политическое движение.

СО ВСЕГО СВЕТА

■ ПЕРЕСТАРАЛСЯ

Флойд Тэрлингтон, пастор в Эрвине (США, штат Северная Каролина), решил проверить благочестие своих прихожан оригинальным способом. Натянув на лицо маску дьявола и держа в руках трезубец и плакат с надписью: «Не ходите в церковь — это вам советую я, дьявол!», он встал у входа в свой храм. Поначалу странная фигура отпугивала тех верующих, которые пришли первыми, но по мере того, как собралась порядочная толпа, ситуация изменилась. Прихожане набросились с кулаками и палками на «дьявола» и нанесли ему ощутительные побои. К счастью для пастора, подоспела полиция.

■ КОНКУРЕНТ

Мало кто знает, что у римского папы есть конкурент — «антипапа», резиденция которого находится в Испании. Его зовут Георгий XVII, и он возглавляет ревизионнейшую религиозную организацию «Конгрегация святого образа». «Антипапа» обвиняет нынешние власти Ватикана в богохульстве, забвении священного писания, в заигрывании со светскими кругами и прочих грехах. Организация ставит задачу вернуть церковь к средневековым порядкам. И хотя «антипапу» поддерживают лишь немногие религиозные фанатики, они развивают бурную деятельность. Например, их усилиями причислен к лику святых испанский диктатор Франко и его подручный Хосе-Антонио Ривера, который был главой фашистской фаланги.

■ ЭЛЕКТРОННАЯ ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

У многочисленной армии астрологов, предсказателей и гадалок появился грозный конкурент — астрологический компьютер «Зодиак». Не надо ходить к ворожеям, достаточно приобрести за 50 долларов такой компьютер и перейти на самообслуживание. Устройство снабжено клавиатурой, наподобие карманного калькулятора, в него вводятся различные биографические данные о владельце, а также «ориентировка» во времени: местонахождение в данный момент небесных светил и созвездий. После этого обладатель компьютера-астролога путем набора определенных цифр может задавать ему вопросы: «Стоит ли сегодня встречаться с мистером Х.!» или «Подходящий ли сегодня день для покупки мебели!» Реклама утверждает, будто «Зодиак» пригоден не только для личной, но и для деловой и политической жизни!

ПРИТЧА О БАСКЕТБОЛЕ ПО-СИОНИСТСКИ

Цезарь СОЛОДАРЬ

В Париже, на авеню Клементин, 68, в сионистской лиге еврейских студентов Франции встретили меня, как я и предполагал, не очень приветливо. И только со второго захода согласилась побеседовать со мной долговязая дама весьма почтенного возраста. Как это ни странно, зрелые годы не мешают мадам Аннет выполнять обязанности работника аппарата молодежной лиги.

Речь зашла о молодых израильских парнях — отпрысках состоятельных семей коренных израильтян, «сабров», которые, попав во Францию по туристским визам, остаются в Париже на долгие годы. Одни под видом студентов, другие для усовершенствования в мифических специальностях, третьи без объяснения причин. Правда, тем, кому они доверяют, откровенно признаются, что им хочется пожить в свое удовольствие вне свойственной Израилю напряженной атмосферы хронической военной истерии. А в своей компании у них уж совсем языки развязываются: «Ну, сколько можно коптеть в Израиле! Выедешь из любой точки всего на каких-нибудь 40 километров — и очутишься либо на пляже, либо... в тюрьме соседней арабской страны!»

Французская просионистская газета «Л'Арш» сердито назвала этих ловких беглецов из Израиля «галилейскими Растиньяками». Мадам Аннет, как и приличествует истинной сионистке, также осуждает антипатриотизм новоявленных Растиньяков. Им, считает она, место в Израиле, на Голанских высотах, а не в Париже — в кафе и на секс-шоу, на Сене и стадионах.

Услышав упоминание о стадионах, я спросил:

— Занимаются спортом?

— Спортивным тотализатором, — ответила моя собеседница.— Некоторые, правда, уже выбрали себе во Франции спортивных кумиров и переживают за них. Но сами молодые израильтяне у нас спортом не занимаются...

— Впрочем, — успокоительно заметила мадам, — мы с вами ведь знаем, что еврейская молодежь не очень занимается спортом. Даже в таком передовом государстве, — подчеркнула она, — как Израиль, молодые парни мало занимаются спортом. А девушки совсем чужды спорту, хотя, как вы понимаете, им бы это помогло лучше переносить воинскую повинность. В чем же дело? Возможно, израильской молодежи еще не до спорта. Возможно и другое: чтобы не огорчать верующих, молодые люди посвящают свободные субботние дни закалке не тела, а духа, и проводят время в синагоге. Но скорее всего, — заключила она, — причина вот в чем: в евреях просто нет спортивной изюминки.

Я не прерывал эти бредовые разглагольствования: ведь мне предстояло еще задать мадам Аннет несколько вопросов (явно для нее нежелательных) о деятельности представляемой ею лиги.

Но суждения почтенной сионистки я вспомнил спустя несколько месяцев уже в Москве, когда узнал о печальной истории, приключившейся с одним далеко не рядовым израильским спортсменом. Его спортивная судьба более точно, нежели догадки мадам Аннет, объясняет истинные причины отставания спорта в подвластной сионизму стране и красноречиво обнажает расистские нравы, прививаемые молодежи клерикальным меньшинством израильского общества.

Итак, вот она, притча о баскетболе по-сионистски. В отличие от библейских, она совершенно лишена иносказательности: баскетбол — это, действительно, баскетбол, а не идиллические ангельские забавы. И раввины — это тоже раввины, а не мифические пророки.

...И спросил Рафаэли Башан, репортер одной из тель-авивских газет, баскетболиста Элишу Бен-Авраама по прозвищу Пэри:

«В каком возрасте вы начали играть в баскетбол?»

И услышал в ответ:

«С шести лет. Вся беда в том, что до 14 лет я был ростом ниже всех детей в нашем квартале. Ночами я молил бога, чтобы он «удлинил» меня на несколько сантиметров. Как видите, бог услышал мои мольбы, и с 14 лет я стал расти, как на дрожжах».

И когда с непосредственной помощью отзывчивого на усердные молитвы всевышнего рост Элиши достиг 2 метров 10 сантиметров, пригласили его в баскетбольную команду «Маккаби».

История этого, как подчеркивают его меценаты, самого элитарного в Израиле, спортивного клуба берет начало чуть ли с незапамятных времен и чуть ли не от воинственных древних Маккавеев. Иудаистская родословная клуба усиленно рекламируется сионистами вроде бы с чисто спортивными целями. Но не смотри на кличку, а смотри на птичку! Такое реномэ в действительности требуется маккабистам для пропагандистской деятельности (в том числе, конечно, и при выездах зарубеж на спортивные состязания!), для «промывания мозгов» молодежи и отрыва спортсменов от современной жизни, воспитания их в духе иудаистских догматов.

Правда, при высокой клерикальной репутации клуба как оплота преданной религиозным канонам израильской молодежи уровень его спортивных показателей продолжает оставаться скандально низким. Вот и пришлось меценатам раскошелиться на импортные операции, вроде покупки Элиши Бен-Авраама.

И не без его помощи удалось баскетболистам «Маккаби» завоевать право на участие в кубке европейских чемпионов.

И несказанно расстроены были этим баскетболисты конкурирующего клуба «Гапоэль», утратившие титул чемпионов страны именно после того, как великолепный Элиша-Пэри стал игроком команды «Маккаби».

Но игроки «Гапоэля» стали израильтянами уже несколько лет тому назад. Потому-то оказались они дальновидней недавнего нью-йоркца Элиши. И разыграли его, лучшего разыгрывающего команды «Маккаби», как по нотам. Ему неожиданно объявили, что не достоин он представлять израильский баскетбол на европейской арене.

Почему? Нарушил спортивный режим? Утратил прыгучесть? Разучился забрасывать мяч в корзину? Нет, нет и еще раз нет.

Может быть, Элиша медлителен и не в состоянии выдержать темп современного скоростного баскетбола? Нет, в скоростном баскетболе он великолепен, а вот в сионистском...

Позвольте, разве существует сионистский баскетбол? Каковы же его приметы, в чем существо его стиля? И почему высокорослый, стремительный, меткий Элиша вдруг перестал соответствовать этому стилю?

На этот вопрос безапелляционно ответили конкуренты из команды «Гапоэль». Совершив стайерскую пробежку по направлению... нет, не к федерации баскетбола, а к федерации раввинов США, они доставили туда подробное донесение о том, что Элиша Бен-Аврам «незаконно объявил себя евреем». Пэри — это вовсе не ласковая кличка, придуманная болельщиками, а настоящая фамилия недавнего нью-йоркца по имени Олси. Принадлежал он со дня рождения к протестантской вере. А справка нью-йоркского раввина Рабиновича о том, что Олси Пэри прошел гиюр, то есть строго выполнил связанный с переходом в иудаизм ритуал,— чистейшая липа. Ибо мистер Рабинович — не ортодоксальный раввин и даже не консервативный, а всего-навсего лишь реформированный. И покорно вышли из игры тренеры, и решительно вступили в беспощадный бой клерикалы.

И пошла писать губерния, — правда, уже не в США, а в Израиле! А вышеупомянутая тель-авивская газета под устрашающим заголовком поспешила сообщить: «Совет великих знатоков Торы дал указание партии «Агудат Исраэл» (наиболее клерикальное крыло сионистов.— Ц. С.) выйти из состава коалиции,

Отрывок из 2-го, расширенного издания книги Цезаря Солодаря «Дикая полынь», подготовляемого издательством «Советская Россия». — Прим. ред.

если министерство внутренних дел признает Олси Пэри евреем».

И дальше следует второй штрафной бросок по кольцу баскетболистов «Маккаби». Его назначает главный арбитр... виноват, главный раввин Израиля Шломо Горен: «Нужно проверить, какие раввины подписались под свидетельством о гиюре, и тогда мы увидим, произведен ли гиюр в соответствии с Галахой» (имеется в виду свод иудаистских догм.— Ц. С.).

И тут уж на игровую площадку снова вышел Нью-Йорк!

Заподозренный в том, что он не обладает правом производить гиюр, мистер Рабинович ответил гапоэлевцам в иронической манере соратников знаменитого короля одесских налетчиков Бени Крика: «Если это так, то раввин, давший мне сан раввина 50 лет назад, тоже был не в порядке».

Нет, нет! Как показала доскональная проверка, он «был в порядке». Стало быть, в полном порядке и мистер Рабинович. И, следовательно, в полнейшем порядке гиюр, которому подвергся Элиша Бен-Авраам.

Словом, причиной очередного правительственного кризиса в Израиле становится вовсе не именитый баскетболист.

И в дважды вышеупомянутой тель-авивской газете появляется под радостным для баскетбольной команды «Маккаби» заголовком «Министерство внутренних дел: Олси Пэри — еврей» такое сообщение: «Для нас Олси Пэри — полноценный еврей», — передали вчера из кругов министерства внутренних дел в ответ на тот шум, который поднялся в последние дни вокруг вопроса о законности гиюра прославленного баскетболиста».

Словом, команде «Маккаби» присуждается победа за явным игровым... виноват, клерикальным преимуществом. Ведь коль скоро Олси Пэри—полноценный еврей, то, по правилам игры в сионистский баскетбол, он и вполне полноценный игрок «элитарной» команды «Маккаби».

И рефери дает свисток к началу игры. А между репортером трижды вышеупомянутой газеты и Элишей Бен-Авраамом, в прошлом Олси Пэри, происходит такой спортивно-благочестивый диалог:

«— Кто провел церемонию вашего гиюра?

— Ортодоксальный раввин.

— Вы знаете разницу между ортодоксальным, консервативным и реформированным гиюром?

— Да, разумеется! Я хочу подчеркнуть, что я намеренно пошел к ортодоксальному раввину, потому что знал, что здесь, в Израиле, смотрят косо на гиюр, произведенный реформированным раввином.

— Простите за нескромность, но прошли ли вы обряд бритмила? (В чем сущность этого нескромного вопроса, читатель узнает из точного ответа. — Ц. С.).

— Обрезание мне сделали, когда я был еще ребенком.

— Известно, что раввины, как правило, подозревают, что мужчина переходит в иудаизм для того, чтобы жениться на еврейской девушке. Задавал ли вам раввин вопросы в этом направлении?

— Да, конечно. Я сказал ему, что никогда в жизни не переменю религии ради девушки. Кроме того, заявляю вам со всей ответственностью: в ближайшие годы я не намерен жениться. Я не создан для этого или просто еще не созрел для семейной жизни.

— Правда ли, что у вас есть двухмесячный сын?

— Правда, он родился вне брака.

— Правда ли, что вы любите и хорошо знаете Танах? (Репортер имеет в виду сборник религиозных притч и культовых заветов. — Ц. С.)

— Совершенно верно. Я ежедневно прочитываю главу из Танаха. Больше всего я люблю историю Иосифа, который своими силами, без чьей-либо помощи стал влиятельнейшей персоной в Египте, вторым человеком после фараона. По нынешним понятиям, это означало бы быть при Садате вице-президентом.

— Остается ли у вас время, чтобы почитать книгу, сходить в кино, в театр?

— Как я уже сказал вам, я ежедневно прочитываю главу Танаха на английском языке».

Простите мне, читатель, пространную цитату. Однако без нее вы не уразумели бы, каковы коренные приметы сионистского баскетбола, в чем сущность его стиля.

Итак, прежде всего израильский баскетболист обязан быть полноценным евреем с точки зрения ортодоксального раввината, а не какого-то там консервативного, а тем более реформированного. Остальное, полагают сионисты, приложится.

Увы, не всегда. Как показали международные матчи, старательное изучение игроками «Маккаби» книги Танаха не прибавило им ни прыгучести, ни меткости, ни скорости. Некоторые тренеры наивно полагают, что обычные тренировки с мячом на площадке, возможно, более благотворно повлияли бы на игру маккабистов в розыгрыше кубка европейских чемпионов.

Зато завистливые баскетболисты «Гапоэля» получили моральное удовлетворение: команда «Маккаби» во главе с Олси Пэри не вышла даже в четверть финала розыгрыша.

А как же с игроками «Гапоэля», проявившими себя на спортивной арене великолепными доносчиками?

Их слегка пожурили «за поднятый вокруг Элиши шум». Не за донос, боже упаси, нет! Донос-то признан принципиально правильным: неполноценный еврей действительно не имеет права облачаться в спортивную форму клуба «Маккаби». Баскетболисты «Гапоэля» дали промашку в другом: охваченные спортивным азартом, не проверили как следует, действительно ли мистер Рабинович — не ортодоксальный раввин. Выражаясь по-баскетбольному, сыграли на грани фола. Но такое иногда случается и с самыми выдающимися баскетболистами. Так что и в дальнейшем израильским спортсменам следует с неусыпной бдительностью предотвращать просачивание в сионистский спорт неполноценных евреев.

...И продолжает Элиша Бен-Авраам приносить скупые очки команде «Маккаби».

И продолжает давать интервью представителям прессы. Правда, на темы далеко не спортивные. Недаром свой диалог с замечательным баскетболистом репортер четырежды вышеупомянутой тель-авивской газеты озаглавил совсем не на спортивный лад, а именно — «Олси Пэри: «Трудно быть евреем». Как бы в подтверждение заголовка, баскетболист заканчивает диалог так: «Да, трудно быть евреем!»

В Израиле, разумеется.

Впрочем, у Элиши еще остается не использованная доселе никем из его коллег «блестящая» возможность стать при Садате вице-президентом.

Любое мое выступление с критикой сионизма, с выдержками из израильской прессы вызывает, как правило, гневную реакцию господина Ш. Гимельфарба, главного редактора одной многократно вышеупомянутой тель-авивской газеты. Поливает он меня клеветой без зазрения совести! Поэтому специально для него привожу справку:

Все фактические материалы для этого фельетона и все дословные цитаты почерпнуты исключительно из редактируемой Ш. Гимельфарбом тель-авивской газеты «Наша страна». А чтобы господину главному редактору не приходилось рыться в пыльных подшивках, называю номера его малоуважаемой газеты: № 2149 (стр. 2), № 2150 (стр. 3), № 2157 (стр. 7).

Ну, а теперь принимайтесь за привычное дело, господин Гимельфарб! Строчите очередной клеветнический опус!

СО ВСЕГО СВЕТА

МОРАЛИСТЫ

В Италии группа приверженцев так называемого «Движения за духовную и физическую чистоту» объявила протест против выпуска в обращение монеты в 50 лир, на которой изображен обнаженный бог Вулкан. «Это откровенная порнография!» — возмущались они, ободренные поддержкой руководства радикальной партии. Одним Вулканом дело не ограничилось — тут же раздались голоса (в который уж раз!), требующие запрещения «Божественной комедии» Данте, «Декамерона» Боккаччо и т. д. И при этом ни слова о потоке действительно порнографической литературы и кинопродукции, поступающей в Италию из США и некоторых других стран.

ВСЕ ДЛЯ ЗАМКОВ

Спрос рождает предложение. Руководствуясь этим правилом, один баварский предприниматель открыл мастерскую... искусственных привидений. Его продукция находит довольно широкий сбыт, в основном среди владельцев старинных имений и замков. Наконец-то они смогут не только рассказывать страшные легенды о семейных «белых» и «кровавых» дамах, но и демонстрировать их.

Д. КАРПОВ

ПОД ФЛАГОМ РСХД

В выходящем в Париже «Вестнике русского христианского движения» по давней традиции печатается краткое изложение целей и задач этого движения: «Русское студенческое христианское движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечения к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом...»

Что ж, для объединения, созданного на религиозной основе, подобные устремления вполне естественны. Однако в действительности деятельность РСХД сплошь и рядом выходит за рамки тех задач, которые оно определило для себя более полувека назад. Это движение — одно из звеньев клерикального антикоммунизма, давний рупор воинствующего антисоветизма. Об этом красноречиво свидетельствует весь сложный путь РСХД, та активность, которую оно проявляет в последнее время.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Хотя официально начало Русскому студенческому христианскому движению положил состоявшийся в 1923 году в Чехословакии съезд эмигрантской молодежи, его истоки уходят еще в дореволюционные годы. Попытки создать студенческие объединения на христианской основе предпринимались в России на рубеже прошлого и нынешнего столетий.

После поражения первой русской революции 1905—1907 годов часть студенчества была охвачена глубоким разочарованием, пессимизмом и настроениями безысходности. Это смятение и идейный разброд создали благоприятную почву для возникновения библейских кружков в Петербурге и Москве, Харькове и Одессе, Риге и Томске. В них участвовали студенты, относившиеся к различным христианским направлениям. В 1913 году эти кружки стали рассматриваться как единое движение, которое было принято во «Всемирную христианскую студенческую федерацию».

Великий перелом, происшедший в октябре 1917 года, круто повернул судьбы отдельных людей, разбросанных по земле революционными бурями. Многие из участников студенческих библейских кружков очутились в эмиграции. Вполне объяснимая вдали от родины тяга к объединению вызвала появление целого ряда эмигрантских сообществ, ставивших перед собой различные задачи и цели. При активной поддержке западных студенческих христианских объединений, и в первую очередь «Всемирной студенческой христианской федерации» и «Христианского союза молодых людей» (ИМКА), был созван съезд эмигрантской молодежи, провозгласивший создание Русского студенческого христианского движения (РСХД).

В эмигрантской литературе, освещающей его историю, как правило, проводится мысль, будто оно возникло в результате стихийного стремления молодежи, оказавшейся за пределами России, к сплочению на основе христианства, в котором виделась некая твердыня, способная устоять в бурном водовороте событий. Но это явно не так. Эмигрантскую молодежь направляла опытная рука. Свидетельство тому — активность международных молодежных организаций, представители которых присутствовали на упомянутом съезде, их готовность сразу же оказать финансовую поддержку РСХД, равно как и участие в его создании и дальнейшей деятельности таких русских религиозных философов, как Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Зандер и другие, выдвинувших идеи «нового христианства» как средства к «переустройству России».

Не случайно РСХД с первых же его шагов возглавил маститый профессор В. Зеньковский, а антикоммунистически настроенные представители русской религиозно-идеалистической философии оказывали значительное влияние на позиции движения. Ставка на объединение молодежи под знаменем христианства делалась в расчете на ее участие в борьбе против советского строя, который представлял в глазах его противников практическое претворение принципов «безбожного коммунизма».

Становление РСХД шло далеко не гладко. Ведь в его ряды влилась молодежь с различными взглядами и настроениями, с различной оценкой происходивших событий. Часть ее находилась под глубоким влиянием православного консерватизма, отрицавшего возможность существования межконфессиональных объединений, каковым стало это движение.

Примечательно, что идею создания РСХД поддержал митрополит Антоний (Храповицкий), возглавивший откровенно монархическую так называемую карловацкую русскую церковь за рубежом. Он даже присутствовал и выступал на состоявшемся в 1925 году в Югославии съезде этого движения. Сам по себе этот факт говорит о многом. Ярый враг Советской власти, представитель крайне реакционной части церковной эмиграции митрополит Антоний видел, что значительная часть членов РСХД не разделяет монархических настроений, и поэтому не настаивал на включении движения в сферу влияния возглавляемого им карловацкого раскола, выступавшего за восстановление царизма. Одновременно он стремился вовлечь движение в орбиту антисоветизма.

Далеко не все участники движения понимали, какая роль им отводится. Многие из них даже не помышляли о политической борьбе. В тот период христианство для них было основой для объединения оторванных от родной земли людей, своего рода спасительной отдушиной, в которой могли раствориться сомнения и смятение, мучительные раздумья, растерянность, царившие среди молодежи, заброшенной на чужбину. Неприятие Советской власти еще не означало непременной борьбы с ней. Однако курс РСХД определяла не эта часть молодой эмиграции, а ее идеологи, делавшие ставку на воинствующий антисоветизм, на апелляцию к общественному мнению западных стран, которое они рассчитывали направить против новой России.

Лидеры движения делали упор на ту часть его программы, где долгом РСХД провозглашалось свидетельство «о подлинном лике России в напоминании о страданиях русского народа». Практически речь шла о злобной клевете на первое в мире социалистическое государство, совершаемые в нем преобразования. С этой целью среди эмигрантской молодежи велась активная миссионерская работа, организовывались специальные лагеря, где молодые люди подвергались соответствующей идеологической обработке, был основан свято-сергиевский богословский институт в Париже для подготовки новых православных пастырей из рядов РСХД. В 1925 году начал выходить журнал «Вестник русского студенческого христианского движения».

Если в начале оно исповедовало антисоветизм под прикрытием лозунгов сохранения русской культуры, русской самобытности, христианской веры, которые якобы находятся под угрозой гибели в результате Октябрьской революции, то со временем религиозный аспект в деятельности РСХД отошел на задний план, играя лишь формальную роль, а на первый выдвинулся аспект политический.

Перед нами — номера «Вестника РСХД» пятидесятилетней давности. Почти в каждом из них религиозно-философские статьи, материалы богословского характера, хроника деятельности движения. Постоянно печатаются реакционные философы-идеалисты Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, В. Зеньковский и другие. Публикуются и соответственным образом интерпретированные сообщения о «гонениях на религию» в СССР. Антикоммунистическая и антисоветская направленность «Вестника» той поры несомненна, но вместе с тем РСХД тогда еще не впадало в откровенное политиканство, пыталось искать обоснование своим позициям в христианстве.

Именно эта особенность и отличала это движение от другого белоэмигрантского объединения — так называемого карловацкого раскола. Крайний политический консерватизм, монархическая ориентация карловчан оказались неприемлемыми для той части эмиграции, которая видела путь реализации своих целей и надежд не в закоснелой атмосфере русской православной церкви, а в «новом христианстве». Нельзя не учитывать, что РСХД рекрутировало

Статья из сборника «Аргументы», подготовленного Издательством политической литературы. Печатается с небольшими сокращениями.

своих приверженцев главным образом из среды интеллигенции и либеральной буржуазии, возлагавших на церковь значительную долю ответственности за революционные события в России. Не случайно многие представители эмигрантской молодежи отказались следовать за карловацкими иерархами, а выразили желание, чтобы их церковные приходы находились в ведении митрополита Евлогия, управлявшего русскими приходами в Западной Европе.

Это взаимное отчуждение усилилось после того, как летом 1926 года созванный карловчанами так называемый «Собор зарубежного епископата» осудил контакты РСХД с инославными, вынес решение «не разрешать членам православной церкви организовываться в кружки», которые находились бы в сфере влияния неправославных и нецерковных организаций. Лидеры движения восприняли это решение как враждебное, так как в нем среди последних упоминался и «Христианский союз молодых людей» (ИМКА), с которым РСХД поддерживало тесные контакты, получая от него материальную помощь.

Позиция РСХД по отношению к карловацкому расколу была выражена на страницах «Вестника» (1930 г.) в статье «К вопросу о положении в русской церкви». Повторяя бывшие в ходу домыслы о «войне», которую якобы Советская власть объявила религии и церкви, ее автор в то же время оправдывал отказ патриарха Тихона в последний период его деятельности от борьбы с новой властью в России, оценивая эту «новую церковную политику» наряду с отходом от политиканства как разумный шаг в «борьбе за душу народа». «Пытаться вернуть церковь на путь политических заговоров, сделать из нее орудие реставрации,— говорилось в этой статье,— безумное и злое дело. Те, кто стоят за него,— карловацкая иерархия за рубежом — не только внешне, но и внутренне отрезают себя от русской церкви».

Подобные высказывания, однако, не помешали осуждать русскую православную церковь, возглавлявшуюся преемником Тихона патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием. Его обвиняли в том, что он не ограничился позицией лояльности по отношению к Советскому государству, а «вступил в союз с атеистической властью». Тем не менее руководители движения заявили: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы определить духовную связь с российской церковью помимо внешнего формального подчинения ее иерархии». Одновременно они подчеркивали, что «возвращение зарубежной церкви в карловацкую юрисдикцию означало бы ее удушение в политике, в человеконенавистничестве и злобе».

Как будто все ясно. Путь политиканства был безапелляционно объявлен неприемлемым для РСХД. Однако на практике все оказалось сложнее, громогласные декларации сплошь и рядом предавались забвению. Это расхождение между словом и делом в конечном счете отражало смятение эмигрантской молодежи, вовлеченной в круговорот бурных событий того времени. Вроде бы реалистично в известной мере оценивая создавшуюся обстановку, лидеры движения сплошь да рядом участвовали в акциях, проводившихся против СССР буржуазной пропагандой.

Это объяснялось в какой-то мере и тем, что РСХД находилось под сильным влиянием идеологов «нового христианства», заквашенного на антикоммунизме. Выступая против старого «остановившегося религиозного сознания», которое формировалось в рамках русского православия, провозвестники «нового христианства» связывали «религиозное возрождение» с «решительным отрицанием коммунизма» во всех его проявлениях.

Здесь уместно упомянуть и об отношении идеологов «нового христианства» к фашизму, высказанном, в частности, Н. Бердяевым в его статье «Об идеологическом кризисе движения» (№ 9—10 «Вестника» за 1933 г.). Он осуждал фашизм за то, что тот «носит антихристианский характер», стремится подчинить религию и церковь «своим интересам», проводит милитаризацию молодежи, предупреждал об опасности внесения «националистическо-фашистской политики» в движение. В то же время Бердяев усматривал в фашизме «рациональное зерно», отмечая, например, что «в Италии фашизм заключает в себе и положительные элементы и во главе его стоит замечательный человек». Как говорится, комментарии излишни!

А ведь строки эти писались уже тогда, когда фашизм показал свое лицо. Они писались во Франции, которая, по словам самого Бердяева, «жила в ужасе предчувствуемых катастроф». Такая двойственность позиций идеологов движения несомненно обусловила, с одной стороны, его антисоветскую активность, а с другой — пассивность по отношению к фашизму.

Значительный переворот в сознании многих представителей русской эмиграции, в том числе и членов РСХД, произошел в период второй мировой войны. Тогда оно в известной мере свернуло свою деятельность, ибо его филиалы в разных странах мира оказались изолированными друг от друга. Среди тех членов РСХД, которые своими глазами смогли увидеть, что такое фашизм, были и такие, кто принял участие в движении Сопротивления. Некоторые предпочли отсидеться, заняв позиции сторонних наблюдателей. Но были и такие, которых антисоветизм привел на службу к фашистам.

После окончания войны многие представители русской эмиграции, разделявшие патриотические чувства по поводу великой победы СССР, приняли советское гражданство и раскаялись в былых ошибках. Но, с другой стороны, ряды эмиграции пополнились тогда за счет лиц, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались в годы войны на Западе. Были среди них и предатели Родины, унесшие ноги от справедливого возмездия за сотрудничество с фашистскими захватчиками. Они выражали свою злобу и ненависть в активном участии в разного рода антисоветских акциях, что, помимо прочего, давало им возможность материально поддерживать свое существование. Ведь антисоветизм всегда был ходовым товаром на западном пропагандистском рынке. Представители «новой эмиграции» влились в состав РСХД.

Перелистывая номера «Вестника», издание которого было возобновлено в 1949 году, невольно обращаешь внимание на то, что сугубо эмигрантские проблемы в нем отступают на задний план. И это понятно. Победа Советского Союза во второй мировой войне развеяла последние надежды старой эмиграции на крушение Советского государства и реставрацию капитализма в России, заставила эмигрантов пересмотреть свои взгляды на «временность» своего пребывания на Западе. Для них настало время окончательно примириться с участью «людей без Родины». И это не могло не наложить отпечаток на материалы «Вестника».

В сентябре 1953 года в США состоялся общий съезд РСХД.

На съезде были приняты новый устав РСХД, а также ряд постановлений, определяющих задачи движения. В них в большей степени, чем прежде, проявился дух клерикализма. Было подчеркнуто, что члены РСХД должны принимать участие в современной жизни, руководствуясь только заветами Христа, ибо «нет в истории и в жизни вопросов, которые не могли бы быть разрешены в свете христианства».

Отчетливо проявилась и антикоммунистическая направленность движения. Вновь было подтверждено, что РСХД видит свой христианский долг «в борьбе с безбожным материализмом». И хотя при этом делалась оговорка, что движение «не имеет политической программы и не является политической организацией», одновременно подчеркивалось, что его члены вправе «активно участвовать в политической борьбе против коммунизма» и что РСХД «совершенно отвергает коммунизм как антихристианское и богоборческое начало, противостоять которому должен каждый член церкви Христовой».

Нужно ли говорить о том, что эта последняя формула перечеркивает все рассуждения о том, будто это движение стоит вне политики, не имеет политической программы. Его политическое кредо изложено вполне определенно. И не случайно клерикальный антикоммунизм рассматривает РСХД как один из своих отрядов, который в меру сил и возможностей может быть использован в борьбе против мира социализма.

Правда, политиканство лидеров РСХД не было таким прямолинейным, как, например, у карловацких иерархов.

Особенно отчетливо политиканство лидеров РСХД стало проявляться после того, как заметную роль в его руководстве начал играть ярый антисоветчик Никита Струве. Его деятельность в качестве редактора «Вестника РСХД» окончательно превратила это издание в рупор откровенного антисоветизма. Этому способствовало также участие в выпуске «Вестника» так называемых «новых» эмигрантов из Советского Союза, променявших свою Родину на обещанный им «буржуазный рай». Среди них были «инакомыслящие», отвергающие советский строй, а также лица, выехавшие из СССР в Израиль, но осевшие на Западе, так и не добравшись до «земли обетованной».

В результате всего этого теперешний «Вестник» мало чем отличается от других антисоветских изданий, содержание которых составляют ложь и клевета на советский строй, тенденциозная информация о нашей стране. И в этом нетрудно убедиться, ознакомившись с номерами этого журнала за последние годы.

Окончание следует

Г. Л. Бакануский. КРИЗИС И МОДЕРНИЗАЦИЯ ИУДАИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 2), 1980, 64 стр., 45 390 экз., 11 коп.

Как и все религии мира, иудаизм переживает в современных условиях безысходный кризис. Апологеты этой религии упорно, хотя и безуспешно, ищут пути ее модернизации. В брошюре дается критический анализ основных направлений этих поисков и механизмов модернизации, раскрывается ее социально-политическая направленность.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР. М., «Мысль», 1980, 341 стр., 21 000 экз., 1 руб. 30 коп.

Очередной выпуск сборника, издаваемого Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвящен актуальным вопросам атеизма, религии и церкви в русской истории. Большое место в нем занимают материалы о принятии христианства на Руси, о роли народных масс и церковных деятелей в освободительной борьбе против татаро-монгольского ига, учреждении патриаршества и петровских реформах, внутрицерковной борьбе в эпоху феодализма и т. д. В ряде статей проанализированы традиции свободомыслия и атеизма в идеологии революционного народничества, показано становление общества массового атеизма в СССР. Читатель познакомится с дневником вольнодумца шестидесятых годов, «Очерками из истории рационализма» П. Н. Ткачева, материалами об атеистических страницах «Энциклопедического словаря» П. Л. Лаврова.

В. П. Беляев. Я ОБВИНЯЮ! М., Политиздат, 1980, 160 стр., 100 000 экз., 55 коп.

Книга очерков известного писателя В. Беляева основана на документах расследования гитлеровских злодеяний в западных областях Украины. На основе свидетельских показаний и документов автор раскрывает чудовищные преступления украинских буржуазных националистов и униатской церкви, освящавшей черные деяния фашистских захватчиков и их прислужников. В книге приводятся факты, показывающие истинное лицо униатских иерархов.

А. Н. Кочетов. КРИТИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВ БУДДИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 3), 1980, 64 стр., 45 380 экз., 11 коп.

В брошюре раскрываются мировоззренческие основы первой по времени возникновения мировой религии — буддизма. Автор опровергает взгляды буржуазного религиоведения на буддизм как на некую особую религию без веры в бога и душу, без сверхъестественного, показывает несостоятельность попыток представить буддизм как чисто моральное учение, как религию, не противоречащую научным взглядам на мир.

Ю. В. Крянев. ХРИСТИАНСКИЙ ЭКУМЕНИЗМ. М., Политиздат, 1980, 159 стр., 100 000 экз., 30 коп.

Христианские богословы и церковные деятели давно ищут пути к объединению церквей, пытаются преодолеть существующие между ними расхождения. Это основная цель движения, получившего название экуменического. На основе богатого фактического материала, анализа экуменических совещаний, конференций автор показывает, что теология в единстве христиан видит выход из кризисного состояния, которое переживает религия. В книге показаны место и роль экуменизма в современной идеологической борьбе, делается вывод о несостоятельности надежд на достижение христианского единства.

В. Г. Рупец. ХРИСТИАНСКОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В ГОДЫ V РЕСПУБЛИКИ. М., «Наука», 1980, 272 экз., 1000 экз., 2 руб. 50 коп.

В книге исследуются эволюция и особенности идеологии и практической деятельности французских христианских профсоюзов в 1958—1978 гг. Анализируются борьба течений в христианских профсоюзах, унитарная политика христианских профсоюзов, их взаимоотношения с крупнейшим профцентром Франции — Всеобщей конфедерацией труда; отношение христианского профдвижения к политическим партиям Франции.

■

Г. В. Жирнова. БРАК И СВАДЬБА РУССКИХ ГОРОЖАН В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. М., «Наука», 1980, 150 стр., 19 700 экз., 70 коп.

М. К. Каргер. НОВГОРОД. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ XI—XVII ВВ. Изд. 4-е, доп. Л., «Искусство», 1980, 246 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 80 коп.

Г. Логвин. ЧЕРНИГОВ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ. ГЛУХОВ. ПУТИВЛЬ. Изд. 2-е, доп. М., «Искусство», 1980, 287 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 70 коп.

«НАУКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. 1980». Международный ежегодник. М., «Знание», 1980, 399 стр. с илл., 100 000 экз., 5 руб. 30 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Ш. Азнаурян. Учение Фомы Аквинского о душе, интеллекте и современный неотомизм. «Вестник общественных наук АН Арм. ССР». Ереван, 1979, № 6, стр. 40—48.

В. Н. Басилов, С. М. Мирхасилов. Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями. «Советская этнография», 1979, № 4, стр. 164—169.

В. Г. Борухович. Зевс Минойский (следы культа верховного критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах). «Античный мир и археология». Саратов, 1979, № 4, стр. 3—26.

Я. Вейш. Диалог без идеологических компромиссов. «Коммунист Советской Латвии». Рига, 1979, вып. 9, стр. 84—90.

«Вопросы этнографии и фольклористики». Минск, 1979. Из содержания: **Л. И. Минько.** Рост атеизма среди сельского населения Белоруссии, стр. 96—100; **В. А. Федосик.** О социальной сущности обрядов крещения и хлебопреломления у современных евангельских христиан-баптистов, стр. 100—108.

И. Григулевич. Ватикан и вопросы международной политики. «Аргументы и факты», 1980, № 6, стр. 25—28.

Б. Л. Губман. Проблема единства знания в неотомизме Ж. Маритена. «Вопросы философии», 1980, № 3, стр. 141—147.

А. Захидов. К вопросу об истоках формирования свободомыслия в раннесредневековой Средней Азии. «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1979, № 6, стр. 42—48.

«Институт русской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы». Л., 1979. Вып. 34. Из содержания: **Т. А. Брун.** Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста», стр. 323—331; **Е. М. Шварц.** Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках, стр. 341—350.

Г. М. Казарян. Армянское общественно-политическое движение в 50—60-х гг. XIX века и Россия. Ереван, 1979. Из содержания: «Клерикально-амирайское течение», стр. 271—278.

● НИЧТО ТАК НЕ ОТВЛЕКАЕТ ОТ ПРОПОВЕДИ, КАК ЗВОН НА КОЛОКОЛЬНЕ.

● ЦЕЛОМУДРИЕ ДАНАИ: ОТКАЗЫВАТЬ БОГУ, НО НЕ ЗОЛОТОМУ ДОЖДЮ.

● А МОЖЕТ, КОЕ-КТО ИЗ БЕССМЕРТНЫХ ЖИВЕТ НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ?

● МЕССИИ ПЛОХИ УЖЕ ТЕМ, ЧТО ВЫЗЫВАЮТ К ЖИЗНИ ИУД.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

● В РАЙ УСТРАИВАЮТСЯ, В АД ПОПАДАЮТ.

● АПОСТОЛ — ДЮЖИННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

● ОДНИМ СНЯТСЯ ВЕЩИЕ СНЫ, ДРУГИМ — ПРОСТО ВЕЩИ.

Игорь МИНАЕВ

● НЕ СБРАСЫВАЙТЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОТХОДЫ В ТИХИЕ ОМУТЫ.

● НЕ ВСЯКИЙ ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД СЛАДОК, — ТОЛЬКО СОЗРЕВШИЙ.

● ВЕРА СЛЕПА, А ОБМАН ЗРЯЧ.

● ИДЯ ПОД ВЕНЕЦ, ПРОВЕРЬ, НЕ ТЕРНОВЫЙ ЛИ ОН.

● ЕСЛИ БЫ ГОРШКИ ЛЕПИЛИ СВЯТЫЕ, И ГОРШКОВ БЫ НЕ БЫЛО.

● ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ? НЕ ПОРА ЛИ И НА НЕБЕСАХ ПОДУМАТЬ О РЕСПУБЛИКЕ?

Владимир СОЛОМИН

г. Киев

Сдано в набор 16. 06. 80.
Подписано к печати 24. 06. 80.
А 02408.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 12,9.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 02602.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.

Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Космачская художница Ольга Семчук.

Писанки из Космача

См. в номере очерк «Многоцветье Космача».

Колодцы в этом селе выглядят памятниками бесценному дару природы — воде. Двух одинаковых криниц здесь не увидишь.

Фото В. Войны.

Постолы, которые делает Тарас Дзвинчук, легки, изящны и прочны — могут служить многие годы.

Вышивки этой мастерицы попадают в художественные салоны столичных городов со свидетельством автора: «Ганна Палийчук, село Космач».

Гуцульские ворсистые шерстяные лижныки прекрасно служат как одеяла, ковры, покрывала, но главное, делают жилище нарядным, радующим глаз.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

АМБРОДЖО ДОНИНИ РАССКАЗЫВАЕТ

Интервью с известным итальянским ученым.

У НАС В ГОСТЯХ

научно-популярный журнал «Горизонт», издаваемый обществом «Знание» Эстонской ССР.

ДУХОВНЫЙ МИР УЧЕНОГО

Об этических взглядах Альберта Эйнштейна рассказывает кандидат философских наук А. ЛУК

ВОСПИТАНИЮ МИРОВОЗЗРЕНИЯ,

идейной убежденности, духовной закалке молодежи посвящена подборка материалов к началу учебного года.

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ИБН СИНЫ

Тысячелетие великого мудреца восточного средневековья по решению ЮНЕСКО отмечает весь мир.

КОРАН, КНИГА ЗЕМНАЯ...

Начало цикла статей о священной книге ислама. С историей ее создания знакомит читателей доктор философских наук М. А. УСМАНОВ.

НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

о современном положении иудейской религии в нашей стране отвечает И. М. ШАПИРО, работник Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

АФРИКАНСКИЕ СЕКТЫ

О них статья А. ПРОСВЕТОВА «С крестом и тамтамом».